

НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ,

СОБРАННЫЯ

АФАНАСЬЕВЫМЪ.

Изданіе Полное.

ЛОНДОНЪ.

1859.

На ряду съ другими эпическими сказаніями, живущими въ устахъ народа, существуетъ еще цѣлый отдѣлъ небольшихъ повѣстей, запечатлѣнныхъ тѣмъ особеннымъ, отличительнымъ характеромъ, вслѣдствіе котораго получили онѣ названіе *legends*. Для своихъ эпическихъ произведеній народъ, какъ извѣстно, беретъ содержаніе изъ преданій своего прошлаго, вноситъ въ нихъ свои собственныя вѣрованія и нравственныя убѣжденія, присущія ему въ ту или другую эпоху его развитія: и потому если языческая старина служила обильнымъ матеріаломъ для народной поэзіи, то въ свою очередь и христіанскія представленія, воспринятія юными новообращенными племенами, должны были найдти въ ней свой живой отголосокъ. Народная пѣсня и сказка въ самомъ дѣлѣ не разъ обращались къ священному писанію и житіямъ святыхъ, и отсюда почерпали матеріалъ для своихъ повѣствованій: такое заимствованіе событій и лицъ изъ библейской исторіи, самый взглядъ на все житейское, выработавшійся подъ вліяніемъ священныхъ книгъ и отчасти отразившійся въ

VI

народныхъ произведеніяхъ, придали этимъ послѣднимъ интересъ болѣе значительный, духовный; пѣсня обратилась въ *стихъ*, сказка въ *легенду*. Само собою разумѣется, какъ въ стихахъ, такъ и въ легендахъ занимаемый матеріалъ передается далеко не въ совершенной чистотѣ; напротивъ, онъ болѣе или менѣе подчиняется произволу народной фантазіи, видоизмѣняется сообразно ея требованіямъ и даже связывается съ тѣми преданіями и повѣрьями, которыя уцѣлѣли отъ эпохи доисторической и которыя повидимому такъ противоположны началамъ христіанскаго ученія. Исторія совершаетъ свой путь послѣдовательно, и въ малоразвитыхъ массахъ населенія старое не только надолго уживается съ новымъ, но и взаимно проникаются другъ другомъ, перепутываются, пока истинное просвѣщеніе не укажетъ несостоятельности подобной связи. Такъ возникли многія средневѣковыя апокрифическія сочиненія; такъ возникли и народныя легенды, повѣствующія о созданіи міра, потопѣ и страшномъ судѣ съ примѣсью древнѣйшихъ суевѣрій и окружающія нѣкоторыхъ угодниковъ атрибутами чисто-сказочнаго эпоса. Поэтому хотя простолудинъ смотритъ на легенду, какъ на что-то священное, хотя въ самомъ разсказѣ слышится иногда библейской оборотъ, тѣмъ не менѣе странно было бы въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ искать религіозно-догматическаго откровенія народа, въ его современномъ состояніи. Нѣтъ, это все памятники глубокой старины, того давнопрошедшаго времени, когда благочестивый дѣтописецъ, пораженный дѣйствительнымъ смѣшеніемъ въ жизни христіанскихъ идей и обрядовъ съ языческими, назвалъ народъ нашъ *двое-вѣрнымъ*.

Если они и уцѣляли въ устахъ народа до нашего времени, если и подвергались въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ различнымъ измѣненіямъ, если наконецъ и замѣтны въ нихъ нѣкоторые яркіе слѣды позднѣйшихъ вліяній, то все-таки главнымъ образомъ они любопытны для насъ, какъ плодъ поэтического творчества народа въ древнѣйшій періодъ его исторіи.

Старинный эпосъ, согласно съ воззрѣніемъ первобытнаго человѣка на природу и съ значеніемъ самыхъ мифовъ язычества, далъ въ своихъ повѣствованіяхъ довольно-видное мѣсто различнымъ животнымъ. Конь, быкъ, собака, волкъ, воронъ и другіе звѣри и птицы одарены вѣщимъ характеромъ и принимаютъ въ дѣяніяхъ и судьбахъ людей живое и непосредственное участіе.

Съ водвореніемъ новыхъ, христіанскихъ началъ, народная фантазія не позабыла и не отринула тѣхъ прежнихъ образовъ, въ которыхъ представлялись ей взаимныя отношенія человѣка и природы; она по-старому любила обращаться къ міру животныхъ, любила надблять ихъ умомъ и волею, и касаясь со-бытій, описанныхъ въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣхъ, свободно допустила ихъ въ свои легендарныя сказанія.

Приводимъ изъ этихъ любопытныхъ сказаній тѣ, которыя намъ извѣстны:

а) *Собака* первоначально была создана голою; но чортъ, желая ее соблазнить, далъ ей шубу, т. е. шерсть. *Мышь* прогрызаетъ Ноевъ ковчегъ; *ужъ* затыкаетъ эту дыру своей головою. (Смотри легенду о Ноѣ праведномъ.)

в) Въ старину незнамятную рожь была не такая, какъ теперь: снизу солома, а на макушкѣ колосокъ; тогда отъ корня до самаго верху все былъ колосъ. Разъ показалось бабамъ тяжело жать, и даная онѣ бранить Божій хлѣбъ. Одна говоритъ: «чтобъ ты пропала, окейнная рожь!» Другая: «чтобъ тебѣ ни всходу, ни умолоту!» Третья: «чтобъ тебя, проклятую, сдернуло снизу до верху!» Господь, разгнѣванный ихъ неразумнымъ ропотомъ, забралъ колосья и началъ истреблять одинъ за другимъ. Бабы стоятъ да смотрять. Когда осталось Богу выдернуть послѣдній колосъ—сухощавой и шедушной, тогда *собаки* стали молить, чтобы Господь оставилъ на ихъ долю сколько-нибудь колоса. Милосердный Господь сжалялся надъ ними и оставилъ имъ колосъ, какой теперь видимъ ¹⁾. — Другое преданіе говоритъ, что самое зерно было необыкновенной величины:

Былъ-жилъ какой-то царь, ѣздилъ-гулялъ по полямъ съ князьями и боярами, нашелъ житное зерно величиной съ воробьиное яйцо. Удивился царь, собралъ князей и бояръ, сталъ спрашивать: давно ли это жито сѣяно? Никто не вѣдалъ, не зналъ. И придумали взыскать такого человека изъ старыхъ людей, которой могъ бы про то сказать. Искали-искали, и нашли старика — едва ходитъ о двухъ костыляхъ; привели его къ царю и стали спрашивать: кѣмъ сѣяно это жито и кто пожиналъ? — Не памятую, отвѣчалъ старикъ; та-

¹⁾ Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 48. Подобное же сказаніе есть у мамцель: см. Kinder- und Hausmärchen, ч. 2, № 194 («Die Kornähre»). Г. Терещенко сообщаетъ еще два преданія о ичелѣ (ч. V, стр. 46—47).

кого жита я не сѣвалъ и не знаю; можетъ, отецъ мой помнить. Послали за отцомъ, привели къ царю объ одномъ костылѣ. Спросили о зернѣ; онъ тожь говоритъ: «я не сѣвалъ и не пожиналъ; а есть у меня батюшка, у котораго видѣлъ такое зерно въ житницѣ». Послали за третьимъ старикомъ; будетъ ему отъ роду сто семьдесятъ годовъ, а пришелъ къ царю легко, безъ костыля, безъ вожатыхъ. Началъ его царь спрашивать: «къмъ это жито сѣяно»? — Я его сѣялъ, я и пожиналъ, сказалъ въ отвѣтъ старецъ, и теперь у меня есть въ житницѣ; держу для памяти! Когда былъ я молодъ — жито было большое да крупное, а послѣ стало родиться все мельче да мельче. — Спросилъ еще царь: «скажи мнѣ, старикъ! отчего ты ходишь легче и сына, и внука?» «Оттого, сказалъ старецъ, что жилъ по Божьему: своимъ владѣлъ, чужимъ не пользовался». (Записано въ архангельской губерніи.)

c) Ивановской свѣтащійся жукъ *керсица* (*keršnica*) пользуется у словенцевъ особенною любовью за то, что леталъ по дому родителей Иоанна Предтечи и освѣщалъ колыбель святаго младенца. ¹⁾

d) Когда архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Пресвятой Дѣвѣ, что отъ нея родится божественный Искупитель, — она сказала, что готова повѣрить истинѣ его словъ, если рыба, одна сторона которой была уже съѣдена, снова оживетъ. И въ ту же минуту рыба ожила и была пущена въ воду: это однобокая *камбала*. Такое сказаніе живетъ между русскими поселянами ²⁾; между тѣмъ народы литовскій и самогитскій увѣряютъ, будто кам-

¹⁾ Русск. Бесѣда 1857, кн. 3, стр. 117.

²⁾ Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескумонъ.

Х

бала потому съ однимъ глазомъ и наружностью своею походить на отрѣзанную половину рыбы, что царица Балтійскаго моря Юрата отгрызла у ней одну сторону, а другую пустила въ воду ¹⁾: знакъ, что древне-языческoe преданіе получило у насъ подѣ влияніемъ христіанства и другой смыслъ, и другую обстановку.

е) Когда родился Христось и начались гоненія Ирода, Богоматерь положила божественнаго младенца въ ясли и прикрыла его сѣномъ. Прожорливая *лошадь* всю ночь ѣла кормъ и непрерывно открывала убѣжище Спасителя; а *волъ* не только пересталъ ѣсть, но еще собиралъ разбросанное сѣно рогами и набрасывалъ его на младенца. Богъ проклялъ лошадь за ея жадность, а вола благословилъ; оттого-то лошадь постоянно жретъ и никогда не насыщается; оттого-то волъ употребляется человѣкомъ въ пищу, а лошадь нѣтъ. ²⁾

ф) У моряковъ есть повѣрье, будто два черныя пятна, видимыя на жабрахъ *трески*, произошли отъ того, что апостолъ Петръ взялъ ее двумя пальцами, когда вынималъ изо рта рыбы монету для уплаты подати. ³⁾

г) Во время земной своей жизни зашелъ однажды Спаситель въ домъ еврея. Толпа окружала его. Невѣрующій хозяинъ вздумалъ посмѣяться, и сказалъ Спасителю: «если ты Богъ, скажи намъ, что подѣ этимъ корытомъ?» — *Свинья* съ тремя поросятами, отвѣчала Господь. Какой ужасъ оковалъ предстоящихъ, когда вмѣсто спрятавшихся хозяйки и дѣтей выползла изъ-

---

¹⁾ Славъ Отечества 1839 г., № 10, стр. 144—145.

²⁾ Записано въ харьковской губерніи.

³⁾ Московск. Видомости 1858 г., № 87.

подъ корыта большая свинья съ тремя поросятами. Вотъ почему евреи не ѣдятъ свинины. ⁴⁾

h) *Медвѣдь*, говорятъ поселяне, былъ прежде человекомъ; онъ и теперь пьетъ водку, ѣстъ хлѣбъ, ходитъ на заднихъ лапахъ, пляшетъ, и не имѣетъ хвоста.

Когда-то въ старину странствовали по землѣ св. Петръ и св. Павелъ. Случилось имъ проходить черезъ деревню около моста. Злая жена и мужъ согласились испугать святыхъ путниковъ, надѣли на себя вывороченныя шубы, притаились въ укромномъ мѣстѣ, и только апостолы стали сходить съ моста — они выскочили имъ на встрѣчу и заревѣли по-медвѣжьи. Тогда св. Петръ и св. Павелъ сказали: «щобъ же вы рвали отыни и до вика!» Съ той самой поры и стали они медвѣдями.

Такой рассказъ можно услышать отъ поселянъ харьковской губерніи; въ херсонскомъ уѣздѣ онъ передается нѣсколько иначе:

Мужикъ съ женою вздумали испугать Спасителя, стали подъ греблю и принялись кричать: мужикъ заревѣлъ медвѣдемъ, а баба закуковала кукушкою (*зозулею*). Господь проклялъ ихъ, и съ того времени они навсегда превратились въ медвѣдя и кукушку.

i) Въ Норвегii существуетъ рассказъ о превращеніи одной женщины въ *датла* (Norweg. *Volksmärchen*, № 2):

Христось, странствуя по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ, увидѣлъ женщину, которая приготавлила хлѣбы. Ее звали Гертруда. Спаситель попросилъ у нея хлѣба. Гертруда отдала для странниковъ

⁴⁾ Записано въ херсонской губерніи г. В. Негрескуломъ.

небольшой кусокъ теста, и только стала мѣсить его — какъ онъ тотчасъ-же выросъ и сдѣлался огромнымъ хлѣбомъ. Скупая хозяйка пожалѣла отдать его странникамъ; снова отделила для нихъ небольшой кусокъ теста, но и съ этимъ, и со всѣми другими кусками случилось тоже; тогда рѣшилась она лучше вовсе имъ отказать, нежели дать такъ много. За такое жестокосердіе Господь обратилъ ее въ птицу, которая осуждена искать себѣ пищу между древесною корою и пить только дождевую воду. Птица эта всегда чувствуетъ мучительную жажду и называется: Gertrudsvogel. ¹⁾

Русскіе поселяне также рассказываютъ о птичкѣ, которая въ сухое время летаетъ всюду и жалко чирикаетъ: пипи-питы! «Когда Богъ создалъ землю и вздумалъ наполнить ее морями, озерами и рѣками, тогда онъ повелѣлъ идти сильному дождю; послѣ дождя собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать себѣ въ трудахъ, чтобы онѣ носили воду въ назначенныя ей мѣста. Всѣ птицы повиновались, а эта несчастная — нѣтъ; она сказала Богу: мнѣ не нужны ни озера, ни рѣки; я и на камушкѣ напьюсь! Господь разгнѣвался на нее, и запретилъ ей и ея потомству даже приближаться къ озеру, рѣкѣ и ручейку, а позволилъ утолять жажду только той водою, которая послѣ дождя остается на неровныхъ мѣстахъ и между камнями. Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка, надоедая людямъ, жалобно просить пить, пить!» ²⁾

¹⁾ Подъ этимъ именемъ въ Норвегіи разумеется rothhaubichte Schwarzspecht.

²⁾ Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 47.

к) Когда жида преслѣдовали Спасителя чтобы предать его на распятіе, то всѣ птицы, особенно *ласточка*, старались отвести ихъ отъ того мѣста, гдѣ укрывался Христосъ. Но *воробей* указалъ имъ это мѣсто своимъ пискливымъ чириканьемъ; жида увидѣли Спасителя и повели его на мученіе. Потому Господь проклялъ воробья, и мясо его запретилъ употреблять въ пищу. — Этотъ рассказъ записанъ въ харьковской губерніи; въ другихъ мѣстностяхъ увѣряютъ, что въ то время, какъ предали Христа на распятіе, воробьи непрерывно кричали: живъ-живъ! живъ-живъ! — вызывая чрезъ то враговъ Спасителя на новыя муки. Ласточки напротивъ чирикали: умерь, умерь! Онѣ старались похищать приготовленные мучителями гвозди, но воробьи снова находили ихъ и приносили назадъ. Оттого гнѣздо ласточки предвѣщаетъ дому счастье, убить ее считается за великой грѣхъ; а если воробей влетитъ въ избу — это предвѣстіе большой бѣды. О воробѣе рассказываютъ, что онъ одинъ не знаетъ праздника Благовѣщенья и вѣсть въ этотъ день гнѣздо, что у него ноги связаны за его предательство невидимыми путами, и потому онъ можетъ только прыгать, а не переступать. ¹⁾

1) Въ Галиціи ходитъ въ народѣ такое преданіе: когда воскресъ Христосъ, его увидѣла жидовская дѣвочка и сказала о томъ своему отцу. Но старый еврей не повѣрилъ и сказалъ: «тогда онъ воскреснетъ, когда

---

¹⁾ Иллюстрація, годъ 2-й, статьи Дала, стр. 262, 333. Въ день Рождества Христова литвини стараются топить печи до вари, чтобы воробьи не выдѣли выходящаго изъ трубъ дыма; въ противномъ случаѣ гнѣздо отъ сильно повредитъ крестьянскимъ посявамъ. (Черты изъ исторіи и жизни литовск. народа, стр. 95.)

этотъ жареный каплуцъ полетитъ и запоетъ!» И въ ту же минуту жареный *пѣтухъ* сорвался съ вертела, полетѣлъ и закричалъ: кукуреку! ¹⁾)

Легенды хотя и касаются нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ событій и лицъ, тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ другимъ народнымъ произведеніямъ, не знаютъ и не преслѣдуютъ исторической вѣрности. Онѣ даже раскрываютъ передъ нами цѣлой рядъ произшествій, связанныхъ съ именемъ Спасителя, о которыхъ не упоминается въ источникахъ, но которыя справедливо обращаютъ на себя пытливое вниманіе ученыхъ. Въ этихъ разсказахъ не столько важна историческая правда передаваемого событія, сколько правда гуманнаго христіанскаго одушевленія, проникающая собой все поэтическое созданіе. Чувство состраданія къ чужому несчастью, вложенное въ человѣка уже самою природою, подъ вліяніемъ возвышенныхъ идей христіанства, получило новое торжественное освященіе. Вся земная жизнь Спасителя была непрерывною проповѣдью о любви къ ближнему и милосердіи къ нищей братіи: убогимъ, больнымъ, пораженнымъ язвами, заточеннымъ и страждущимъ; по вознесеніи на небо имъ оставилъ онъ въ наслѣдіе свое святое имя:

Какъ вознесся Христось на небеса,
 Расплакалась нищая братія,
 Расплакались бѣдные, убогіе, слѣпые и хромые:
 «Ужъ ты истинный Христось, царь небесный!

---

¹⁾ Костомарова: Объ истор. значеніи русск. народн. повѣи, стр. 85.

Чѣмъ мы будемъ бѣдные питаться?

Чѣмъ мы будемъ бѣдные одѣваться, обуваться?»

— Не плачте вы, бѣдные, убогіе!

Дамъ я вамъ гору да золотую,

Дамъ я вамъ рѣку да медвяную. .

Тутъ возговоритъ Иванъ да Богословець:

«Вѣдь ты, истинный Христось да царь небесный!

Не давай ты имъ горы золотыя,

Не давай ты имъ рѣки медвяныя;

Сильные-богатые отнинуть:

Много тутъ будетъ убійства,

Тутъ много будетъ кровопролитья.

Ты дай имъ свое святое имя;

Тебя будутъ поминати,

Тебя будутъ величати:

Будутъ они сыты да и пьяны ¹⁾,

Будутъ и обуты, и одѣты».

Тутъ возговорилъ Христось да царь небесный:

«Ты Иванъ да Богословець,

Ты Иванъ да Злоустой!

Ты умѣлъ слово сказати,

Умѣлъ слово рассудити»... ²⁾

По народнымъ сказаніямъ, Спаситель виѣсть съ апостолами и теперь, какъ нѣкогда — во время земной своей жизни, ходитъ по землѣ, принимая на себя страннической видъ убогаго; испытуя людское милосердіе, онъ наказуетъ жестокосердыхъ, жадныхъ и ску-

¹⁾ Т. е. будутъ напоены, но будутъ мучиться жаждою, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно употребляется.

²⁾ За сообщеніе этого прекраснаго стиха приносия благодарность Ш. А. Безсонову.

ныхъ и награждаетъ сострадательныхъ и добрыхъ. ¹⁾ Это убѣжденіе, проникнутое чистѣйшимъ нравственнымъ характеромъ, основано на томъ, что Спаситель о дѣлахъ любви и милосердія къ нищей братіи проповѣдалъ, какъ о дѣлахъ любви и милосердія къ нему самому: «Речетъ Царь сущымъ одесную его: приидите благословенніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо — и дасте ми ясти, возжадахся — и напоисте мя, страненъ бѣхъ — и введосте мене, нагъ — и одѣясте мя, боленъ — и посѣисте мене, въ темницѣ бѣхъ — и приидосте ко мнѣ. Тогда отвѣщаютъ ему праведницы, глаголюще: Господи, когда ты видѣхомъ алчуща — и напитахомъ, или жаждуща — и напоихомъ, когда же ты видѣхомъ странна — и введохомъ, или нага — и одѣяхомъ, когда же ты видѣхомъ боляща или въ темницѣ — и придохомъ къ тебѣ? И отвѣчавъ Царь речетъ имъ: аминь, глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ — мнѣ сотвористе». (Еванг. отъ Матвѣя, гл. XXV, ст. 34 — 40).

Въ настоящемъ сборникѣ довольно приведено народныхъ разсказовъ, въ которыхъ Христось является испытующимъ людскія сердца странникомъ, и поэтическое достоинство которыхъ также истинно и цѣльно, какъ и нравственное. Подобные разсказы живутъ и между другими славянскими и германскими племенами. Представлемъ здѣсь нѣкоторые, наиболѣе интересные, въ переводѣ:

---

¹⁾ Особенно дни отъ Пасхи и до Вознесенія почитаются временемъ такихъ странствованій Спасителя. (Русск. Вѣсѣда 1856 г., № 1, статья Макошиновича, стр. 78.)

1. КТО МЕНЬШЕ ЖЕЛАЕТЪ, ТОМУ БОЛЬШЕ ДАЕТСЯ.

Было три брата; ничего больше не имѣли они на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ одного грушеваго дерева, и стерегли то дерево по очереди: одинъ оставался подлѣ груши, а двое другихъ уходили на поденщину. Однажды Богъ послалъ ангела посмотреть, какъ живутъ братья, и если плохо — то надѣлать ихъ лучшимъ пропитаніемъ. Ангелъ Божій сошелъ на землю, обратился въ нищаго, и подоидя къ тому, который оберегалъ дерево, попросилъ у него одну грушу. Тотъ сорвалъ изъ своей доли, подалъ ему и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Ангелъ поблагодарилъ его и удалился. На слѣдующій день остался другой братъ стеречь дерево; опять пришелъ ангелъ и попросилъ одну грушу. И тотъ сорвалъ ему изъ своей доли, подалъ, и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Ангелъ поблагодарилъ и ушелъ. Когда настала черѣдъ третьему брату оберегать дерево, опять подошелъ ангелъ и попросилъ удѣлать ему одну грушу. И третій братъ сорвалъ изъ своей доли, подалъ ему, и говоритъ: «вотъ тебѣ изъ моей доли; изъ братниныхъ не могу тебѣ дать». Когда настала четвертый день, ангелъ сдѣлался монахомъ, пришелъ рано поутру и засталъ всѣхъ троихъ братьевъ подлѣ избы. «Идите за мною, сказалъ имъ ангелъ; я надѣлю васъ лучшимъ пропитаніемъ». Они пошли за нимъ, не говоря ни слова. Приходятъ къ большому, бурлявону потоку; «чего бы ты желалъ?» спросилъ ангелъ старшаго брата. А онъ въ отвѣтъ: «чтобы изъ этой воды сдѣлалось вино, и досталось бы мнѣ». Ангелъ перекрестилъ посохомъ ручей — и вмѣсто воды потекло вино: тутъ готовятъ бочки, тутъ вино наливаютъ... «Вотъ тебѣ по твоему желанію!» сказалъ ангелъ старшему брату, и

оставилъ его на томъ мѣстѣ, а съ двумя другими пошелъ дальше. Вышли они на поляну — всю поляну голуби прикрыли. Тогда спросилъ ангелъ среднего брата: «чего ты желаешь?» — Чтобы всё это были овцы, и принадлежали бы мнѣ. — Ангелъ Божій перекрестилъ поле своимъ посохомъ — и на мѣсто голубей явились овцы: откуда взялись овчарни, однѣ бабы доятъ, другія молоко разливаютъ, третьи сивинаютъ сливки, нѣны сыръ дѣлаютъ, нѣны масло топятъ... «Вотъ тебѣ по твоему желанію!» сказалъ ангелъ; взялъ съ собой младшаго брата, пошелъ съ нимъ по полю, и спросилъ: «а тебѣ чего-бъ хотѣлось?» — Мнѣ ничего другаго не надо, только бы далъ мнѣ Господь жену отъ праведной христіанской крови. Тогда сказала ангелъ: «о, это не легко достать; во всемъ свѣтѣ только и есть три такія: двѣ замужемъ, а одна дѣвица, и за ту двое сватаются». Идучи долго, пришли они въ одинъ городъ, въ которомъ былъ царь, а у него дочь отъ праведной христіанской крови. Какъ пришли въ городъ — сейчасъ къ царю просить у него невесту, а тамъ уже сватаются за нее два царя. Стали и они свататься. Когда увидѣлъ ихъ царь, сказалъ своимъ приближеннымъ: «какъ же быть теперь: эти — цари, а эти — словно нищія передъ ними?» — «А знаете-ли что?» сказалъ ангелъ. Сдѣлаемъ-ка такъ: пускай невеста возьметъ три лозы и посадитъ ихъ въ саду, назначивъ каждому изъ жениховъ какую хочетъ; на чьей лозѣ будетъ поутру гроздь, за того пускай и выйдетъ замужъ.» Всѣ на то согласились; царица посадила въ саду три лозы, и каждому назначила свою. Глянули поутру, а на лозѣ бѣдника гроздь. Тогда царь, нечего дѣлать, отдалъ дочь свою младшему брату, и обивчали ихъ въ церкви. Послѣ вѣнца отвелъ ихъ ангелъ въ дѣсь и оставилъ тамъ; здѣсь жили они цѣлой годъ. А когда исполнился годъ, сказалъ Господь ангелу опять: «пойди, посмотри, какъ живутъ тѣ свроты; если въ нуждѣ, надѣли

нхъ больше». Ангелъ спустился на землю, обратился опять въ нищаго; пришелъ къ тому брату, у котораго потокъ лился виною, и попросилъ у него чашу вина. Но тотъ отказалъ ему, говоря: «если всякому давать по чашѣ, такъ и вина не достанетъ!» Когда услышалъ это ангелъ, тотчасъ перекрестилъ посохомъ — и появился потокъ, какъ прежде, водою. «Нѣтъ-же тебѣ ничего, сказалъ онъ старшему брату; ступай подь свою грушу, стереги ее!» Затѣмъ удалился оттуда ангелъ; пришелъ къ другому брату, у котораго все поле овецъ прикрыли, и попросилъ у него кусокъ сыра. Но тотъ отказалъ ему, говоря: «если всякому давать по куску, такъ и сыра не достанетъ!» Когда услышалъ это ангелъ, тотчасъ перекрестилъ посохомъ поле — и наѣсто овецъ вспорхнули голуби. «Нѣтъ-же тебѣ ничего, сказалъ онъ среднему брату; ступай подь свою грушу, стереги ее!» Послѣ того пошелъ ангелъ къ младшему брату посмотреть, какъ онъ живетъ; приходитъ — а онъ съ своей женою живутъ въ лѣсу бѣдно, въ хижинѣ. Ангелъ попросился къ нимъ переночевать; они охотно, отъ всего сердца, его приняли, и стали упрямивать не поставить имъ того въ вину, что не могутъ угостить его такъ, какъ бы желали: «мы люди бѣдные!» говорили они. «Ничего, отвѣчалъ ангелъ; я доволенъ и тѣмъ, что есть.» Что будешь дѣлать? муки у нихъ не было, чтобы замѣсить настоящий хлѣбъ; такъ они толкли древесную кору и изъ той приготовляли хлѣбъ. Такой-то хлѣбъ замѣсила теперь хозяйка для своего гостя и посадила въ печь. Стали они разговаривать; послѣ глядь — готово ли? а передъ ними настоящий хлѣбъ, и такой славной, такъ поднялся высоко... Увидя то, мужъ съ женой возблагодарили Бога: «слава тебѣ, Господи! что можемъ угостить странника». Подали хлѣбъ гостю, принесли кувшинъ съ водою, и только стали пить — а въ кувшинѣ вино. Въ то время ангелъ перекрестилъ своимъ посохомъ хижину, и на

томъ самомъ мѣстѣ сталъ царской дворець, а въ немъ всего много. Ангелъ благословилъ ихъ и оставилъ тамъ, и проживая они счастливо весь свой вѣкъ. ¹⁾

2. ХРИСТОСЪ - СТРАННИКЪ.

а) Однажды Христосъ и апостолъ Петръ пришли поздно вечеромъ въ деревню. Господь хотѣлъ искать ночлега въ бѣдной избушкѣ, но св. Петръ настаивалъ, что они могутъ пойти въ одинъ изъ богатыхъ домовъ, гдѣ во всемъ достатокъ. Господь не удерживалъ его; позволилъ ему идти, а самъ присѣлъ подлѣ бѣдной избушки. Петръ отиравался въ самой чѣ ни есть богатой домъ. «Здѣсь во всемъ изобиліе, здѣсь дадутъ намъ добрый ужинъ и хорошій ночлегъ!» думалъ онъ; но ошибся. Грубо отказала ему хозяйка: нѣтъ у меня для бродягъ ни ужина, ни ночлега! Разсердился Петръ, однако не потерялъ надежды и пошелъ въ другой домъ. И здѣсь, и въ третьемъ домѣ получалъ онъ точно такой же отказъ. Съ досадою вернулся онъ наконецъ къ Спасителю. «Пойдемъ, поищемъ въ этой избушкѣ» сказалъ Господь, и оба вошли въ хижину. Они застали хозяйку съ дѣтьми за столомъ. Повсюду замѣтна была нищета. «Ну, хорошо мы будемъ приняты, подумалъ Петръ; у бабы у самой нѣтъ ничего!» Но онъ ошибся. Когда Господь попросилъ ужина и ночлега, хозяйка-вдова отвѣчала: «если вы не побрезгаете тѣмъ, что есть у меня, — я очень рада васъ угостить». Господь былъ всежъ доволенъ. Вдова тотчасъ встала и вышла; вѣсного погода воротилась и принесла чашку супу. Она извинялась, что супъ не довольно-жиренъ; она охотно бы приготовила его

¹⁾ Српске народne приповiјetke, стр. 99—103.

жирнѣе, да масла нѣтъ. «Петръ, сказалъ Спаситель, считай глазки¹⁾, что въ супѣ плаваютъ!» Апостоль сосчиталъ глазки; ихъ было болѣе шестидесяти, и то считая непристально. Когда они поѣли и стали собираться на чердакъ, гдѣ приготовила вдова имъ постели. — Спаситель отсчиталъ столько-же золотыхъ монетъ, сколько плавало въ супѣ глазковъ, и подарилъ къ вдовѣ. Бѣдная женщина не знала, что дѣлать отъ радости.

Рано утромъ пошла она въ сосѣдній богатой домъ за молокомъ, чтобы приготовить странникамъ хорошій завтракъ, и рассказала тамошней хозяйкѣ, какъ щедро наградили ее странники за плохой супъ: они дали столько-же золотыхъ монетъ, сколько плавало въ супѣ глазковъ. Богатая крестьянка была жадна на деньги. Она сказала вдовѣ, чтобы та ничего не варила для странниковъ, что она сама желаетъ ихъ пригласить, что у ней всего много и супъ можетъ быть изготовленъ лучше. Когда передала о томъ вдова св. Петру и Спасителю, Господь сказалъ: «пойдемъ, Петръ!» Они пошли въ домъ той крестьянки, сопровождаемые благословеніями вдовы. Богатая крестьянка приготовила имъ жирной-жирной супъ. «Если они такъ щедро заплатили за худой супъ, думала она; то какъ-же заплатятъ за хорошій!» — «Петръ, сказалъ Господь, считай глазки, что въ супѣ плаваютъ». — «О Господи!» воскликнулъ Петръ, которому супъ показался очень вкуснымъ, «супъ такъ хорошъ, что весь жиръ на немъ слился въ одинъ глазъ. Хозяйка заслуживаетъ, чтобы ты вознаградила ее вдвое больше». Уходя, Господь подарилъ крестьянкѣ только одинъ золотой. Она была недовольна этимъ, однако Господь не далъ ей ничего болѣе: «сколько глазковъ, столько и золотыхъ!»

¹⁾ Плавающихъ поверхъ кружки растопленного масла.

Дорогою осуждалъ Петръ Господа, но Господь сказалъ: «Петръ, не въ величинѣ достоинство дара, а въ той внутренней цѣлѣ, съ какою онъ дается. Истинно говорю тебѣ, что худой супъ бѣдной вдовы въ шестьдесятъ разъ болѣе стѣять, чѣмъ вкусной супъ богатой крестьянки».

в) Разъ пришелъ Спаситель въ деревню и увидѣлъ убогаго старика, который со слезами вышелъ изъ богатаго дома. «О чемъ ты плачешь, старикъ?» спросилъ Господь. — «О Господи! жаловался нищій, я голоденъ и не могу выпросить ни кусочка хлѣба. Вездѣ бабы трудятся надъ коноплею; все мнѣ отказываютъ, говорятъ: некогда, и ни одна не хочетъ удалять на столько времени, чтобы отрѣзать мнѣ ломоть хлѣба!»

Господь велѣлъ ему обождать, и пошелъ въ тотъ домъ, изъ котораго нищій былъ прогнанъ. Хозяйка и работницы были заняты дѣломъ: онѣ визали коноплю, чтобы потомъ ее намочить. Спаситель попросилъ кусочекъ хлѣба. «Ишь таскаются толпами, одинъ за другимъ! заворчала на него крестьянка. Проваливай! Мнѣ некогда вамъ прислуживать!» И когда Господь все-таки продолжалъ просить, говоря, что Богъ заплатитъ ей за то, что сдѣлаетъ она для бѣднаго, — раздраженная крестьянка закричала: «мнѣ не нужно твоей болтовни, и ты ничего не получишь; для твоего удовольствія и не кину работы!» Господь удалился, и пошелъ въ другой домъ, гдѣ не лучше ему посчастливилось. Вездѣ ему отказывали. Тогда Господь сказалъ крестьянкѣ, къ которой обратился онъ съ просьбою послѣ всѣхъ: «попомни меня — на будущее время васъ ожидаетъ двойная работа за коноплей!» Съ этими словами онъ удалился и взялъ съ собой нишаго. Съ того времени приходится бабамъ дважды дергать коноплю: сначала посконь

(der männliche Hanf), а послѣ ту, что семена приносить (Saathanf). ¹⁾

3. НАГРАДА И НАКАЗАНИЕ.

Въ одной деревнѣ жили два сосѣда; у одного было сто овецъ, у другаго только три. Бѣдный сказалъ богатому: «позволь мнѣ овецъ пастись вмѣстѣ съ твоими, тебѣ вѣдь это все равно!» Самъ-же онъ не имѣлъ никакого пастбища. Богатый не хотѣлъ было, но послѣ позволилъ; мальчикъ бѣдняка погналъ свои три овцы на поле къ сосѣдскому стаду, и остался тамъ замѣсто пастуха.

Спустя нѣкоторое время случилось, что король прислалъ къ богатому мужику и потребовалъ отъ него одной жирной овцы. Мужикъ не могъ отказать королю, но ему тяжело показалось потерять хоть одну изъ сотни собственныхъ своихъ овецъ; поэтому онъ приказалъ своимъ работникамъ поймать одну изъ трехъ овецъ бѣдняка и отдать ее королевскимъ слугамъ. Работники такъ и сдѣлали. Сынъ бѣдняка горько плакалъ, когда взяли у него и потащили овцу.

Вскорѣ послѣ того потребовалъ король у богатаго мужика другой овцы; этотъ опять приказалъ своимъ работникамъ отдать одну изъ тѣхъ, что принадлежали бѣдному. Такъ и было, и мальчикъ еще болѣе плакалъ, когда увели у него другую овцу. «Король, подумалъ онъ про себя, скоро потребуетъ еще одну овцу, а работники богатаго сосѣда возьмутъ у меня и эту последнюю; лучше убраться мнѣ, пока есть

¹⁾ Westslawischer Märchenschatz. Ein Charakterbild der Böhmen, Mährer und Slowaken in ihren Märchen, Sagen, Geschichten, Volksgesängen und Sprüchwörtern. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenzig, 1857, Leipzig, стр. 90—92.

время!» Онъ такъ и сдѣлалъ и ушелъ далеко, далеко на высокую гору; тамъ нашлось довольно корму и свѣжей воды, и овцѣ его было привольно.

Спустя нѣсколько дней сказалъ бѣдной самъ себѣ: «пойду— посмотрю, что дѣлаютъ мои овцы и мальчикъ!» Когда пришелъ онъ къ стаду и спросилъ работниковъ о своемъ ребенкѣ, они отвѣчали: «двѣ изъ твоихъ овецъ отданы нами, по приказанію хозяина, королю; а съ послѣднею ушелъ куда-то твой мальчикъ». Бѣдной сталъ жаловаться; «гдѣ я теперь его найду?» говорилъ онъ; но тотчасъ-же оправился и пошелъ искать. Долго не было примѣтно никакого слѣда. Онъ спрашивалъ у Солнца, не можетъ ли оно указать ему путь-дорогу. Къ сожалѣнію, Солнце не знало дороги. Наконецъ онъ пришелъ къ буйному и свирѣпому Вѣтру, и спросилъ его: не знаетъ ли онъ, гдѣ находится его сынъ? «Да, я знаю; я отправляюсь туда, и охотно возьму тебя съ собой!» Тутъ подхватилъ его буйный Вѣтеръ и въ одно мгновеніе перенесъ на гору къ сыну; мальчикъ находился въ долинѣ, которую никогда не озаряло солнце. Бѣдной мужикъ обрадовался, увидя сына и услышавъ, какъ онъ сберегъ послѣднюю овцу. «Мы теперь оба останемся здѣсь, сказалъ онъ, и будемъ заботливо за нею смотрѣть; потому что эта овца составляетъ все наше богатство!»

Черезъ нѣсколько времени послѣ того случилось двумъ странникамъ взойти на горы; они пристали къ бѣдному мужику и расположились на отдыхъ. Это были Христось и св. Петръ. «Мы издалека пришли, сказала Христось, и такъ утомлены, такъ голодны, что конечно должны умереть, если не достанемъ скорѣ хотя неинного мяса.» Бѣдный почувствовалъ состраданіе и тотчасъ отвѣчалъ: «я могу вамъ пособить!» Онъ быстро отправился, взявъ свою овцу, убилъ ее, разложилъ огонь и приготовилъ для своихъ гостей доброй

кусекъ жаренаго, которое показалось имъ очень вкуснымъ. После угощенія сказалъ Христосъ мальчику, чтобы онъ собралъ всѣ кости и положилъ ихъ въ овечью шкуру. Мальчикъ исполнилъ, и потомъ всѣ они вмѣстѣ легли спать. Раннимъ утромъ поднялся Христосъ съ св. Петромъ; благословили бѣдника и его сына и тихо удалились. Когда пробудился мужикъ съ своимъ мальчикомъ, онъ увидѣлъ передъ собою большое стадо овецъ; впереди стояла та самая овца, которую онъ вчера зарѣзалъ, совершенно здоровая и бодрая; она держала на лбу записку, въ которой было сказано: «все принадлежитъ бѣдному и его сыну!» Три собаки прыгали около нихъ и ласкались. Бѣдной не могъ скрыть своей радости и счастья, и отправился со стадомъ домой. Когда онъ воротился, собралась цѣлая деревня посмотрѣть на его многочисленныхъ и красивыхъ овецъ; бѣдному то и дѣло приходилось рассказывать, какъ чрезъ двухъ убогихъ странниковъ досталось ему такое счастье. Зависть не давала покоя богатому его сосѣду; «если такъ, думалъ онъ, то я вскорѣ долженъ получить еще болѣе!» Онъ пошелъ, созвалъ отовсюду бѣдныхъ странниковъ и нищихъ, перебилъ всѣхъ своихъ овецъ, нажарилъ мяса и предложилъ убогимъ. Потомъ старательно собралъ всѣ кости: въ шкуру каждой овцы положилъ именно тѣ, которыя ей принадлежали, и улегся спать. Онъ однако не могъ заснуть; въ мысляхъ своихъ онъ не переставая до самаго утра вычитывалъ, сколько больше должно быть у него овецъ, нежели у сосѣда, потому что онъ убилъ цѣлую сотню, а тотъ только одну. Когда разсвѣло, онъ тотчасъ вскочилъ, чтобы взглянуть на свое огромное стадо; но передъ нимъ лежали только кости въ овечьихъ шкурахъ, и ни одна не двигалась и не шевелилась. А! подумалъ богатой, такъ и знаю же, отчего эта помѣха: надобно, чтобы удалились странники и нищие! «Эй, вы бродяги, убирайтесь-ка отсюда!» Солнце уже стояло

высоко, но кости все не шевелились, и стадо его не только не умножилось стократно, оно совсѣмъ пропало! Жалуясь на потерю всего своего добра, онъ пошелъ съ проклятіями и утопился.

А бѣдной сосѣдъ сталъ богатъ и счастливъ; разсказываютъ, что въ послѣдствіи сынъ его женился на одной королевнѣ. ¹⁾

Въ «Народныхъ русскихъ сказкахъ» (вып. 1, стр. 61 — 70; вып. 2, стр. 121 — 128) напечатана нами легенда о Маркѣ-Богатомъ. Сообщаемъ еще одинъ вариантъ:

4. МАРКО - БОГАТОЙ.

Въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ жилъ-былъ купецъ Марко-Богатой; казны и всякаго имѣнія было у него столько, что и счесть нельзя! Жилъ онъ, веселился; а нищихъ къ себѣ и на дворъ не пускалъ: таковъ былъ немилостивъ.

Въ одно время приснился ему сонъ: приготовься де, Марко-Богатой, и ожидай — самъ Господь будетъ къ тебѣ въ гости! Поутру всталъ Марко, призвалъ жену и велѣлъ готовить большой пиръ; весь дворъ свой выслалъ алымъ бархатомъ да золотыми шарчами и по всѣмъ закоулкамъ разставилъ батраковъ и прикащиковъ, чтобы не пускали никого изъ нищей братіи, а гнали бы въ-защел. Вотъ собрался совсѣмъ Марко-Богатой и сѣлъ ожидать Господа: часъ ждетъ, дру-

¹⁾ Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen, gesammelt von Joseph Haltrich, Berlin, 1856, стр. 67—70.

гой ждѣть — не видать гостя. А нищѣ какъ услышали, что у Марка-Богатаго приготоуленъ большой пиръ, такъ и поваляли къ нему со всѣхъ сторонъ за святымъ подааніемъ; только батраки и прикащики никого не пропускаютъ, всѣхъ такъ и гонятъ въ-заиен. Вотъ одинъ убогой старичокъ, древній-древній, одѣтъ весь въ рублище, и зашелъ какъ-то на Маркинъ дворъ. Какъ увидѣлъ его изъ окна Марко-Богатой, закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ: «эй, вы слуги мои-неслухи! аки глазъ у васъ нѣту? Вышь, какой-то невѣжа по двору расхаживаетъ, чтобъ сейчасъ его не было!» Въ тужь минуту подскочили слуги, подхватили убогаго подъ руки и вытолкали черезъ задній дворъ. Увидала убогаго одна добрая старушка, и говоритъ ему: «пойдемъ ко мнѣ, нищенкой! я тебя накормлю, я тебя увокою». Привела его къ себѣ, накормила, напоила и спать уложила, а Марко-Богатой такъ и не дождался Господа! Въ самую полночь проснулася хозяйка, и слышитъ — кто-то постучался подъ окномъ и спросилъ: «праведный старче! ты здѣсь ночеуешь?» — Здѣсь, сказала убогой. «Въ такой-то деревнѣ у бѣднаго мужика родился сынъ; какимъ наградишь его счастиемъ?» Отвѣчалъ убогой: «владей ему всею казною и всѣмъ имѣніемъ Марка-Богатаго!» На другой день убогой простился съ хозяйкою и пошелъ странствовать, а старушка сейчасъ на дворъ къ Марку-Богатому и про все ему рассказала. ¹⁾

Марко поѣхалъ къ бѣдному мужику и выпросилъ у него мальчика: «отдай, говорить; я возьму его въ пріѣмыши, вырастить — добру научу; а какъ стану умирать — все богатство за нимъ запишу». Говорить эти рѣчи, а въ головѣ инны

¹⁾ По другому списку: Спаситель въ нищенскихъ лохмотьяхъ поприслелъ кочевать къ одному мужику, вошелъ въ избу и легъ на лавкѣ. Спустя немного завѣдалъ туда-же Марко-Богатой; увидалъ убогаго, прогналъ съ лавки и самъ улегся на его мѣстѣ. Въ полночь явился подъ окно Михаилъ-архан-

думки. Ваня мальчика, потяжал домой и на дороге бросилъ его въ сугробъ: «пускай де замерзнетъ; тогда и увидить, каково владеть Маркшиной казною!» На ту самую пору выѣхали въ поле охотники, гоняли-гоняли за зайцами и наѣхали на ребенка; взяли его съ собою, выростили и уму разуму наста-вили. Прошло много лѣтъ, много воды утекло: случилось Марку-Богатому захватъ къ тѣмъ охотникамъ; увидалъ молодого приемыша, слово за слово, разговорился объ немъ и узналъ, что это тотъ самый мальчикъ, котораго онъ бросилъ въ полѣ. Сталъ просить его Марко-Богатой: «сходи, гово-рять, ко мнѣ на домъ, отнеси къ женѣ письмо». А въ письмѣ написалъ, чтобы его тотчасъ затравить собаками. Бѣдный приемышь отправился въ путь; идетъ дорогою, а на встрѣчу ему убогой старикъ въ рубищѣ, и то былъ не простой нищій— то былъ самъ Христось. Онъ остановилъ путника, взялъ у него письмо и только подержалъ въ рукахъ ¹⁾ — какъ въ тужъ минуту все сказанное въ письмѣ перемѣнилось: жена Марка-Богатаго должна принять посланнаго съ честію и тотчасъ женить его на своей дочери. Какъ написано, такъ и сдѣлано. Ворогился домой Марко-Богатой, еще пуше осер-чалъ на зятя, и говорить ему: «вечеромъ де попозднѣ сходи на винокурню да посмотри за работою»; а самъ приказалъ работникамъ: какъ придетъ молодець — сейчасъ его, не говоря ни слова, бросить въ горячій котель. Сталъ было зять собираться на винокурню, и вдругъ ему неприятчилось, на-пила на него такая хворь, что по неволѣ пришлось дома

гелъ, постучался, и спрашиваетъ: «Господи, Іисусе Христе! здѣсь ли ноче-ешь?» — Здѣсь, говоритъ Господь. «У бѣднаго мужика сынъ родился, у Марка-Богатаго дочь, Господи, кажимъ имъ счастьемъ, какою судьбою надѣ-лишь?» Отвѣчалъ Господь: «пускай сынъ бѣднаго владѣтъ и дочерью и вслѣ-дствіемъ Марка-Богатаго».

¹⁾ *Из оружія списокъ* перебросилъ съ руки на руку.

остаться. А Марко-Богатой, выждавъ время, пошелъ посмотрѣть, что сталося съ его зятемъ, и таки прямо попалъ винокурамъ въ лавы и угодила въ горячій котелъ! (Изъ собранія В. И. Даля.)

Подобный-же разсказъ находимъ въ изданіи: «Ungarische Volksmärchen» (Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Urschrift übersetzt von G. Sffer, Pesth), № 17, стр. 188 — 193. ¹⁾

Присоединяю еще три легенды о странствованіи Спасителя по землѣ: двѣ — извѣстныя между славянскихъ племенъ и одну — принадлежащую нѣмцамъ:

5. ПѢВЦЫ.

Случилось какъ-то — Христосъ и святой Петръ странствовали по свѣту. Пришли они въ деревню; здѣсь въ одноиъ доиъ такъ хорошо пѣли, что Господь остановился и заслушался: святой же Петръ отправился далѣе. Пройда нѣсколько

¹⁾ Въ валахскихъ сказаніяхъ (Walach. Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott, № 6) есть одна подъ заглавіемъ: «Die altweibertage», въ которой также упоминается о странствованіи Спасителя съ апостоломъ Петромъ. Злая свекровь мучаетъ свою сноху трудными работами; наконецъ заставляетъ ее вымыть доблѣй козлу, снятому съ черной олицы. Съ утра до вечера трудилась она, руки ея устали, а успѣха не было; съ тора заплакала бѣдная. На ту пору шелъ мимо Спаситель съ св. Петромъ. «О чемъ ты плачешь?» спросилъ ее Господь. Она разсказала. «Будь послушна матери, возразилъ Спаситель; шой и усталыми руками; да будетъ Богъ съ тобой!» Приналася она снова мыть, и мило-по-малу черная козла обратилась въ бѣлую. Злую свекровь постигло наказаніе: раннею весною она послала своихъ овецъ на горы и тамъ окаменѣла со всѣмъ стадомъ.

шаговъ, онъ оглянулся назадъ: Христось стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Св. Петръ снова пошелъ дальше; сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся въ другой разъ: Христось стоялъ все тамъ-же. Снова дальше и дальше пошелъ св. Петръ; пройдя опять нѣсколько, онъ оглянулся нѣ третій разъ, и увидѣлъ, что Христось все еще стоялъ и слушалъ. Тогда повернулъ онъ назадъ, и пошелъ къ дому, изъ котораго неслась прекрасная народная пѣсня. Послушали она нѣкоторое время, и двинулись оба въ путь: вотъ подошли къ другому дому, гдѣ такъ же раздавалось пѣніе. Св. Петръ остановился было послушать, но Господь направилъ свои стопы дальше. Пошелъ и св. Петръ; онъ былъ сильно изумленъ. — Что такъ сильно тебя изумило? спросилъ Христось. «Меня то поразило отвѣчалъ св. Петръ, что ты остановился тамъ, гдѣ пѣлasi народная пѣсня, и проходиши мимо здѣсь, гдѣ поются духовные стихи.» Тогда сказалъ ему Христось: «о мой любимой св. Петръ! тамъ пѣли народную пѣсню, но сохраняя всевозможное благоговѣніе; здѣсь-же поютъ духовные стихи, но безъ малѣйшаго чувства благоговѣнія». ¹⁾

6. АПОСТОЛЪ ПЕТРЪ.

Однажды рядомъ съ Спасителемъ шелъ апостолъ Петръ, весь погруженный въ думы; вдругъ онъ сказалъ: «какъ хорошо, думаю, быть Богомъ! Хоть бы мнѣ на полдня сдѣлаться Богомъ, послѣ я опять готовъ быть Петромъ!» Господь усмѣнулся и сказалъ: «пусть будетъ по твоему желанію; будь Богомъ до вечера!» Между тѣмъ приблизились они къ

¹⁾ Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz, herausgegeben von Leopold Haupt und Johann Ernst Schmalzer, т. 2, стр. 175.

деревнѣ, изъ которой крестьянка гнала стадо гусей. Она выгнала ихъ на лугъ, оставила тамъ, и поспѣшила назадъ въ деревню. «Какъ, ты хочешь оставить гусей однихъ?» спросилъ ее Петръ. — А что, неужли стеречь ихъ и сегодня? У насъ нынче храмовой праздникъ, возразила крестьянка. «Но кто же долженъ беречь твоихъ гусей?» спросилъ Петръ. — Пусть Господь Богъ бережетъ ихъ сегодня! сказала крестьянка и удалась. «Петръ! ты слышалъ, сказалъ Спаситель. Я бы охотно пошелъ съ тобою въ деревню на храмовой праздникъ; но вѣдь гусамъ можетъ приключиться что и худое: ты сегодня Богъ до вечера, ты долженъ и беречь ихъ.» Что оставалось Петру? Хотя ему и досадно было, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ сторожить гусей; но далъ зарокъ, что никогда болѣе не пожелаетъ быть Богомъ. ¹⁾

7. ГОСПОДЬ И ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Одинъ церковный староста, въ набожной заботливости о своей церкви, пожертвовалъ въ нее великолѣпный подсвѣчникъ съ большою восковою свѣчю. Тогда явился ему Господь въ образѣ старца, и въ воздаяніе за этотъ даръ обѣщалъ, что онъ трижды возвѣститъ ему о смерти—прежде, нежели отзоветъ изъ сего міра. Обрадованный этимъ староста зажилъ въ роскоши и въ весельи, ѣлъ и пилъ, пользовался церковнымъ погребомъ и вовсе не думалъ о смерти. Прошло нѣсколько лѣтъ, и тѣло его стало отказываться выносить такую жизнь: колѣни его согнулись, спина сторбилась, и онъ былъ вынужденъ взяться за костыль; немного погодя онъ

¹⁾ Westslawischer Märchenschatz. Deutsch bearbeitet von Joseph Wenig, стр. 89—90.

потерялъ зрѣніе, а потомъ и слухъ. Сгорбленой, слѣпой и глухой онъ продолжалъ жить все также безумно и пышно, какъ и прежде. Наконецъ предсталъ Господь, чтобы взять его отъ сего міра. Церковный староста былъ встревоженъ и смущенъ; онъ обратился къ Господу съ упреками, зачѣмъ онъ трижды не возвѣстилъ ему, какъ самъ обѣщалъ? Тогда сказалъ ему Господь въ праведномъ гнѣвѣ: «Какъ? я не возвѣстилъ тебѣ? А развѣ я не ударилъ тебя сначала по плечу и колѣнямъ, такъ что ты долженъ былъ согнуться? Развѣ я не наложилъ потомъ мой перстъ на твои глаза, такъ что ты ослѣпъ? Развѣ нанослѣдокъ не коснулся я твоихъ ушей, такъ что ты потерялъ слухъ? Такъ исполнено все, что я тебѣ обѣщалъ; теперь слѣдуй за мною!» Староста смиренно сталъ молить о прощеніи: ему, право, непонятны были эти напосинанія, и онъ не приготовился еще къ смертному часу. Крѣтко взглянулъ Господь на кающагося грѣшника и сказалъ: «пойдемъ, пойдемъ; я не хочу для тебя быть справедливымъ болѣе, нежели сколько милостивымъ!»¹⁾

Александръ Леонасьевъ.

¹⁾ Deutsche Volksmärchen, von J. Haltrich, стр. 62. Сличн съ № 177 во 2-мъ томѣ «Kinder- und Hausmärchen» братьевъ Гриммовъ («Die Boten des Todes»).

НАРОДНЫЯ

РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

1. ЧУДЕСНАЯ МОЛОТЬБА.

Разъ какъ-то принялъ на себя Христось видъ старична лица и шелъ черезъ деревню съ двумя апостолами. Время было позднее, къ ночи; сталъ онъ проситься у богатаго мужика: «пусти, мужичокъ, насъ переночевать». А мужикъ-этъ богатой говоритъ: «никог васъ попрешася здѣсь таскается! что слоняетесь-та по чужимъ дворамъ? только, чай, и ужжете, а небось не работаете...» и отказалъ на отрѣзъ. — Мы и то идемъ на работу, говорятъ странники; да вотъ застала насъ въ дорогѣ ночь тѣмная. Пусти, пожалуста! мы почуемъ хать подъ лавкою. «Ну такъ и быть! ступайте въ избу.» Впустилъ странниковъ; ничѣмъ-то ихъ не покормили, ничѣмъ-то ихъ не напоили (самъ хозяинъ-та поужиналъ вмѣстѣ съ своими домашними, а имъ ничего нѣ далъ), да и почевать имъ довелось подъ лавкою.

По утру рано стали хозяйскіе сыновья собираться хлѣбъ молотить. Вотъ Спаситель и говоритъ: «пустите, мы вамъ поможемъ за нос(ч)легъ, помолотимъ за васъ». — Ладно, сказала мужикъ; и давно бы такъ! лучше чѣмъ по-пусту безъ дѣла слоняться-та! — Вотъ и пошли молотить. Приходятъ, Христось

и гутарить ¹⁾ хозяйскимъ сыновьямъ: «ну, вы разсчитывайте аденье ²⁾, а мы приготовимъ токъ». И сталъ онъ съ апостолами готовить токъ по своему: не кладутъ они по одному снопу въ рядъ, а сноповъ по пяти, по шести, одинъ на другой, и наклали почитай цѣлое полядонье. «Да вы такіе-сякіе совѣсти дѣла не знаете!» заругались на нихъ хозяева; «зачѣмъ наложили такіе вороха?»—Такъ кладутъ въ нашей сторонѣ; работа, знашь, стъ того спорѣ идѣтъ, сказали Спаситель и зажогъ покладенные на токѹ снопы. Хозяева ну кричать да браниться, дяскатъ весь хлѣбъ погубили. Анъ погорѣла одна солома, зерно осталось цѣло и заблестало въ большущихъ бухачахъ крупное, чистое да такое золотистое!

Воротим(в)инись въ избу, сыновья-та и говорятъ отцу: такъ и такъ, батюшка, смолотили, дяскатъ, полядонья. Куда! и не вѣрять! Разсказали ему все, какъ было; онъ еще пуще дивится: «быть не можетъ! отъ огня зерно пропадѣтъ!» Пошелъ самъ поглядѣтъ: зерно лежало большими кучами да такое крупное, чистое, золотистое—на диво! Вотъ покорилия странниковъ, и остались они еще на одну ночь у мужина.

На утро Спаситель съ апостолами собирается въ путь-дорогу, а мужикъ имъ гутарить: «пособите намъ еще денѣкта!»—Нѣтъ, хозяйинъ, не проси; нѣколя, надытъ идти на работу. А старшой хозяйской сынъ потехоньку и говоритъ отцу: «не трожь ихъ, бачка; незамай идуть. Мы таперечз и сами знаемъ, какъ надытъ молотить». Странники попрощались и ушли. Вотъ мужикъ-то съ дѣтьми своими пошелъ на гумно; взяли наклали сноповъ, да и зажгли: думаютъ—сгоритъ солома, а зерно останется. Анъ вышло не такъ: весь хлѣбъ поняло огнемъ, да отъ сноповъ бросилось пѣломъ на разны

¹⁾ Говорить (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 44).

²⁾ Снопы, покладенные въ кучу, скиръдъ (ibidem стр. 138).

постройки; начался пожаръ, да такой страшной, что все до
гола и погорѣло!

2. ЧУДО НА МЕЛЬНИЦѢ.

Када-то пришелъ Христосъ въ худой нищенской одѣжѣ на
мельницу и сталъ просить у мельника святую милостыньку.
Мельникъ осерчалъ: «ступай, ступай, отселева съ Богомъ!
много васъ таскается, всѣхъ не накормишь!» Такъ-таки ничего
и не далъ. На ту пору случись—мужичокъ привѣзъ на мельницу
смолотъ небольшой мѣшокъ ржи, увидалъ нищаго и сжалился:
«подъ сюды, я тебѣ дамъ». И сталъ отсыпать ему изъ мѣшка
лѣтъ-ать; отсыпалъ почитай съ цѣлую мѣрку, а нищій всё
свою кису подставляетъ. «Что, али еще отсыпать?»—Да, коли
будетъ ваша милость! «Ну, пожалуй!» Отсыпалъ еще съ мѣр-
ку, а нищій всё-таки подставляетъ свою кису. Отсыпалъ ему
мужичокъ и въ третій разъ, и осталось у него у самого зер-
на такъ самая малость. «Вотъ дуракъ! сколько отдалъ думаетъ
мельникъ, да я еще за помоль возьму; чтожъ ему-то оставет-
ся?» Ну, хорошо. Взилъ онъ у мужика рожь, васнилъ и сталъ
молотъ; смотритъ: ужъ много прошло времени, а мукá всё
сыпится, да сыпится! Что за диво! всего зерна-то было съ
четверть, а мукы намолотось четвертей двадцать, да и еще
осталось что молотъ: мукá себѣ всё сыпится, да сыпится...
Мужикъ не зналъ, куды и собирать-то!

3. БѢДНАЯ ВДОВА.

а. Давно было—странствовалъ по землѣ Христосъ съ двѣ-
надцатью апостолами. Шли они разъ какъ-бы простые люди,
и признать нельзя было, что это Христосъ и апостолы. Вотъ

пришли они въ одну деревню и попросились на нос(ч)легъ къ богатому мужику ¹⁾). Богатой мужикъ ихъ не пустилъ: «вонъ тамъ живетъ вдова, она нищихъ пускаетъ; ступайте къ ней». Попросились они почевать у вдовы, а вдова была бѣдная, пребѣднѣющая! Ничего-то у ней не было; только была махонькая краюшечка хлѣбца, да съ горсточку мучицы; была у ней еще коровка, да и та безъ молока—не отделилась къ тому сроку. «У меня, батюшки! говорятъ вдова, избѣнка малая, и лещь-то вамъ нагдѣ!»—Ничего, какъ-нибудь уюкоюмся. Приняла вдова странниковъ и не знаетъ, чѣмъ накормить ихъ. «Чѣмъ же намъ покормить васъ, родимыхъ, говоритъ вдова; всего-на-всего есть у меня одна махонькая краюшечка хлѣбца да съ горсточку мучицы, а корова не привела еще теленочка, и молока нѣтуть: все жду—вотъ отделится... Не взыщите на хлѣбъ-на-солн!»—И, бабушка! сказалъ Спаситель, не кручинься, всѣ будете сыты. Давай что есть, мы и хлѣбушка поѣдимъ: все, бабушка, отъ Бога... Вотъ сѣли они за столъ, стали ужинать, одной краюшечкой хлѣбца всѣ напятались, еще и ломтей эва сколько осталось! «Вотъ, бабушка, ты говорила, что нечѣмъ будетъ накормить, сказалъ Спаситель; гляди-ка, мы всѣ сыты, да и ломтя еще остались. Все, бабушка, отъ Бога...» Перечевали Христось и апостолы у бѣдной вдовы. На утро говоритъ вдова своей невѣсткѣ: «нодь, поскреби мучицы въ закромѣ; авось наберѣшь съ горсточку на блины покормить странниковъ». Невѣстка сходила, и несѣтъ муки таки порадочную махотку (глиняный горшокъ). Старуха не надивится, откуда взялось столько; было чуть-чуть, а таперьча и на блины хватило, да еще невѣстка говоритъ: «тамъ въ закромѣ и на другой разъ осталось». Наклеза вдова блянковъ и подчусть

¹⁾ *Вариантъ:* Шелъ Христось съ 12-и учениками, словию нищенки. Пришли они въ городъ и попросились почевать къ богатому купцу; купецъ не пустилъ...

Спасителя и апостоловъ: «кушайте, родимые! чѣмъ Богъ послалъ...» — Спасибо, бабушка, спасибо! ¹⁾

Пошли они, попрощались съ вдовою и пошли себѣ въ путь. Идутъ вдвоемъ по дорогѣ, а въ сторонѣ стѣ нихъ сидятъ на пригоркѣ стѣрый волкъ; поклонился онъ Христу и сталъ просить себѣ бды: «Господи! завывь, я вѣтъ хочу! Господи, я вѣтъ хочу!» — Пожди, сказала ему Спаситель, къ бѣдной вдовѣ, съѣшь у неѣ корову съ телѣнкомъ. Апостолы усумнились и сказали: «Господи, за что-же велѣлъ ты зарѣзать у бѣдной вдовы корову? Она такъ ласково приняла и накормила насъ; она такъ радовалась, ожидаячи отъ своей коровы телѣнчка: было бы у ней телочко — пропитаніе на всю семью». — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ Спаситель, и пошли они дальше. Волкъ побѣжалъ и зарѣзалъ у бѣдной вдовы корову; какъ узнала о томъ старушка, она со смиреніемъ промолвила: «Богъ далъ, Богъ и взялъ; его святая воля!»

Вотъ идутъ Христосъ и апостолы, а на встрѣчу имъ катится по дорогѣ бочка съ деньгами ²⁾. Спаситель и говоритъ: «катись, бочка, къ богатому мужику ³⁾ во дворъ!» Апостолы опять усумнились: Господи! лучше-бъ велѣлъ ты этой бочкѣ катиться во дворъ къ бѣдной вдовѣ; у богатаго и такъ всего много!» — Такъ тому быть должно! отвѣчалъ имъ Спаситель, и пошли они дальше. А бочка съ деньгами прикатилась прямо къ богатому мужику во дворъ; мужикъ взялъ припряталъ эти деньги, а самъ все недоволенъ: «хоть бы еще столько-же послалъ Гос-

¹⁾ *Варіантъ*: Собрала вдова ужинать, и говоритъ: «я бы вамъ, родимые, блинчикъ растворила, да муки айѣтун». Христосъ отвѣчаетъ: «посмотри, можетъ быть найдется». — Итъ, батюшка вы мои! я ужъ въ ларѣ прыжкомъ муку нашла. — Ступай, посмотри, опять говоритъ Христосъ; можетъ, и найдется». Пошла вдова и видить: полонъ ларъ муки! отауда что взялось! Принесла она муки, сдѣлала растворъ, а поутру встала и напекла блинчикъ.

²⁾ *Вар.* съ серебромъ.

³⁾ *Вар.* къ купцу.

подъ!» думаетъ про себя. Христось и апостолы идутъ себѣ да идутъ. Вотъ въ полдень стала большая жара, и захотѣлось апостоламъ испить. «Иисусе! мы пить хочемъ», говорятъ оны Спасителю. «Ступайте, сказалъ Спаситель, вотъ по этой дорожкѣ, найдете колодезь и напейтесе.»

Апостолы пошля; шля, шля, и видятъ колодезь. Заглянули въ него: тамъ-то срамота, тамъ-то сквернота — жабы, змѣи, лягува (лягушки)... тамъ-то нехорошо! Апостолы, не напились, скоро воротились назадъ къ Спасителю. «Чтожь испили водицы?» спросилъ ихъ Христось. — Нтъ, Господи! «Отчего?» — Да ты, Господи, указалъ намъ такой колодезь, что и посмотреть-то въ него страшно. Ничего не отвѣчалъ имъ Христось, и пошли они впередъ своею дорогою. Шля, шля; апостолы опять говорятъ Спасителю: «Иисусе! мы пить хочемъ». Послалъ ихъ Спаситель въ другую сторону: «вонъ видите колодезь, ступайте и напейтесе». Апостолы пришли къ другому колодезю: тамъ-то хорошо, тамъ-то прекрасно! растутъ деревья чудесныя, поютъ птицы райскія, такъ-омы и не ушелъ оттудова! Напились апостолы — а вода такая чистая, студѣная да сладкая! — и воротились назадъ. «Что такъ долго не приходили?» спрашиваетъ ихъ Спаситель. — Мы только напились, отвѣчаютъ апостолы, да побыли тамъ всего три минуточки. «Не три минуточки вы тамъ побыли, а цѣлыхъ три года, сказалъ Господь. Каково въ первомъ колодезѣ — таково худо будетъ на томъ свѣтѣ богатому мужику, а каково у другаго колодезя — таково хорошо будетъ на томъ свѣтѣ бедной вдовѣ!»¹⁾. — (Всѣ три легенды описаны издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

¹⁾ *Вариантъ.* Первый колодезь приготоуленъ богатому мужику а второй бедной вдовѣ.

в. Въ дѣвнѣхъ времена ходивъ по земли Богъ и съ святымъ Миколаемъ и святымъ Петромъ, и уже святой Петро со-всѣмъ облерея ¹⁾, такъ, що ѣ не стало на йому ньякого шма-ти ²⁾. А Господь каже ему: «ниды, Петро, та украды соби шматя дѣ-ныбудь на тыну, тай прислухайся — чы буде за те даяты тебе козыйка, чы ня?» Отъ св. Петро пншовъ и по-кравъ повишане на тынови людскоее шматя, и убрався пн-шовъ до Бога, тай каже: «я вже укравъ шматя, алы-жъ хо-зайка мене за тее не лалла, я тильки оглядывшысь сказала: не-хай йому Богъ звыдыть и избачить!» А Богъ выслулавъ цее, тай каже: «ну добре, колы такъ!» — Отъ Богъ, св. Петро и св. Миколай вси зашли въ обидранную тату до одной найбид-ничей вдовы-мужыччи, упрасылысь въ ней на ничъ и стали спрощуваты: «чы нына чого у тебе помсты?» А хозяйка одви-чае: «пына въ мене ничого. Я бидная, хлѣбъ соби заробляю, я тильки маю хлѣба—що одинъ крайчыкъ на полицѣ». А Богъ до неѣ каже: «дай же намъ хоть борщу». Вона зновъ одвичаетъ: «та нына у мене ни якой стравы ³⁾, и ничогисымыко не варыла». Отъ Богъ зновъ сказаавъ: «погляды лышь, молодце, добре въ пичи, може чы не найдешъ тамъ чого-ныбудь». Вона все таки не хоче того слухаты, я дали Богъ якъ причыпывся добре до неѣ: «таки погляды въ пичъ, та поглядай»—отъ вона, абы витчыпытыца, вде до печи; колы заглянула туда въ пичъ, ажъ тамъ богацько всякой всячыны — понаварывано разной хорошой стравы и варынухи, тай каже вона: «ще це такее на светѣ значыть, я не топыла, ажъ богацько есть по-наварывано всякой всячыны?» Отъ вона новыньмала все съ пе-чи, и вси воны поназѣдалысь, тай подыгали спаты; а хозяйка все не знала, що то Богъ прѣйшовъ до неѣ. На другой день

¹⁾ Ободрался.

²⁾ Платья.

³⁾ Кушанья, ѣстыя.

вранни Богъ, св. Петро и св. Мыколай повставали, подяковали гарно ¹⁾ хозяйци, тай пришли дальше, и почувлы вони высылне гране ²⁾; ажъ изходять вони туда, колы дывятця, а тамъ высылля у одного богатого мужыка. Отъ св. Мыколай каже: «Господы мылостывый! ходишь же и мы на те высылля, чы не дадутъ и нашъ по чарци горилки та чого поїсты?» А Богъ каже: «добре, ходимъ». Отъ вони пришли туда заиистъ старцивъ, буцимъ ³⁾ просыты мылостыни, а богатый хозяйнъ тел хаты оглянувшись до нихъ, тай зновъ ставъ частуваты за столомъ своихъ высылныхъ гостей, богатыхъ хозяйнивет, а дали ставъ гукаты на свою жинку: «а дай лышь тамъ старциамъ мылостыни». А жинка жою—такъ въ убраньи, щой куды!—закрычала сердыто: «ты глады саомъ людей, що частуешъ ⁴⁾. и не оглядайся до старцивъ; бо якъ ты принадишь сыхъ дилы ⁵⁾, то й не будутъ черезъ нихъ дери зачиняты!» ⁶⁾ Дали погодывши, той хозяйнъ якъ оглянувшись побачывъ, шо долго старци стоять въ хаты, та нагумонивъ ⁷⁾ добре на свою жинку, —ажъ тоди вона дала тымъ старциамъ по маленькій чароци горилки и по пшачочку хлѣба, тай выпроводыла ихъ за дери. Отъ Богъ зъ св. Петроу и Мыколаемъ идучи зветыла ⁸⁾, тай каже Богъ: «ну тай богатый же цей чоловікъ, шо мы булы въ нѣго на мысылы, алы-жъ и ирѣвно винъ скупый, а жою жинни ище гирише (пуше) скупыица и дуже велика злодѣныца, та и обое вони не вижють въ счастья шануватысь ⁹⁾

¹⁾ Поблагодарили усердно.

²⁾ Свадебное гулянье, веселье.

³⁾ Какъ будто (Словарь иллорос. Чужбинскаго, стр 21).

⁴⁾ Угощаешь (Труды общ. люб. рос. словесн., кн. VII, стр. 323).

⁵⁾ Принадишь итхъ старцевъ.

⁶⁾ Затворятся.

⁷⁾ Напречалъ.

⁸⁾ Оттуда.

⁹⁾ Держать себя.

и не хотить помогаты другыиъ бидныиъ людийъ». Отъ Богъ зъ св. Петроу и Мыколаеиъ пишли шляхомъ ¹⁾ и на поля полягали спочываты, ажъ прибигъ до ныхъ вовкъ, тай просыть Бога: «дай ниии, Господы, що воісты; бо я цылые сутки нычого не јивъ и дуже охлавъ ²⁾ зъ голоду». Богъ выслулавъ цее, тай говорыть: «шиды, вовче, въ село; тамъ есть найбидвища вдова-мужычка, що шы въ неи ночувалы; у неи есть одна тильки ряба корова, те вызьмы ту корову тай изъјижъ». А св. Мыколай начавъ просыть Бога: «Господы мылостывый! нащо-жъ обиждаты бидную вдову, нехай вовкъ не бере въ неи посландей коровы, бо вона буде гирько плакаты и мучытьця; а лучше нехай вовкъ возме яку-выбудъ скотыну у того богатыря ³⁾, дѣ шы булы на высылы, бо вывъ богатый чоловникъ та ще й дуже скупый». А Богъ наже: «не можно такъ! нехай возме корову у самой теи бидной вдовы; нехай вона до время плаче та гирько бидуе ⁴⁾, бо вона на симъ свити талану не мае». Отъ вовкъ побигъ до неи, а вони полягали спаты. Св. Мыколай и ставъ жаловаты бидной вдовы, тай начавъ вывъ придумуваты, якъ-бы ухытрытьця и помогты для неи, а дали надуванъ и подывывся, що Богъ уже спыть (а Богъ все знае, та навмысне буцшиъ ⁵⁾ спыть), отъ св. Мыколай взявъ та мерщій ⁶⁾ побигъ на вне реймы ⁷⁾, вовка другою стороною, щобъ вназаты вдовыну корову болотомъ ⁸⁾, щобъ та корова буля чорна, а не ряба, щобъ не зъјивъ јип вовкъ. И якъ прибигъ туды св. Мыколай, отъ екоріше болотомъ и обмазавъ ту корову, такъ що вона зробылась

1) Дорогом.

2) Ослабъль (Словарь, приложенный къ Энциклѣ Котляревскаго, стр. 16).

3) Богача (Словарь малорос. Чужбинскаго, стр. 3).

4) Бѣдствуеъ.

5) Притворилася будзо?

6) Скорѣе.

7) Чѣобы обогнаты, опередитъ волка.

8) Т. е. грязью.

чорна, тай заразъ вернувся назадъ до Бога. А Богъ скоро вставъ буцнишъ ничего не знае, и кажда до св. Петра и Мыколая: «а що вставайте уже, та ходимъ». И тильки шо хотилы воны идты дальше, ажъ зновъ прибигы до ныхъ той самыи вовкъ и каже. «ныма, Господы, у теи бидной вдовы рыбой коровы, а тильки есть у неи одна чорна». Отъ Богъ все уже знае, тай каже: «пу такъ изъжижъ ту чорку корову». А св. Мыколай бачить, шо ничего не вдиє ¹⁾, тай замовчавъ. Отъ вовкъ нобигы до чорной коровы, а Богъ зъ Петромъ я Мыколаемъ началы идты шляхомъ. Отъ идуть воны та идуть, ажъ катытьця противъ ныхъ бочка, а св. Мыколай пытае: «що це таке, Господы, катытьця и куды?» Господь одвичаетъ: «це катытьця бочка съ сребромъ и златомъ до того богатыря, шо мы булы у него на высылъи, бо такой жога таланъ и така жога доля; алы все жога счастья буде на емъ свити!» А св. Мыколай давай просить, каже: «Господы мылостывый, удилы-жъ съ цей бочки або зъ макитерку ²⁾ для теи бидной вдовы, дѣ мы почувалы; въ нем-жъ вовкъ и послиднюю корову зъживъ». А Богъ одвичаетъ: «ни, того не можно! бо цей таланъ данъ одному тильки тому богатырови». Отъ св. Мыколай вже замовчавъ, и началы идты дальше; ишли та ишли, ажъ св. Мыколай захотвь дуже пыты воды тай каже: «ахъ, якъ мыши хочетця пыты!» А Богъ геварить йому: «модысь я проходывъ чрезъ оцей яръ, шо недалеко видъ насъ видно, тамъ я бачывъ крыныцю ³⁾. Иды туда, тай нашьешся воды». Коды пишовъ св. Мыколай туда въ яръ, ажъ тамъ коло крыныци побачышъ такого богацько темнаго та свраго страшенаго гаду, такого сердытаго, шо ажъ кышныть; отъ винъ злякався ⁴⁾ дуже тай насылу звиттыли

¹⁾ Не слышать.

²⁾ Макитра—глиняной сосудъ, горшокъ.

³⁾ Колодець, родникъ.

⁴⁾ Испугался. (Словарь малор. Чужбинского, стр. 167).

утиць¹⁾. А Богъ вытаетъ: «что ты, Мыколаю, такъ выначе злякався, ажъ поблиднивъ съ переполоху²⁾, и мабудь³⁾ не пывъ воды?» А св. Мыколай одвичаетъ: «не могъ я папытьця, та ще й якъ побачывъ, що тамъ есть такого богацько страшнаго гаду, то насылу я звяттыя утиць». Отъ Богъ выслузавъ пее тай сказавъ: «ну, ходимъ же даля!» И прошли волны дальше зъ пятыро гинь⁴⁾, або бильше, тай Богъ зновъ каже до св. Мыколая: «иды у цей другый ярокъ, тамъ повная буде крыныця; то вже тамъ напьемся воды». Отъ св. Мыколай пашовъ туда; колы надлодыть въ той яръ, ажъ тамъ побачывъ такий ще гиришый гадъ, та такого-жь його превелькая сыла и дуже богацько, та ще й далеко злищій, якъ попереду бачывъ, такъ ще выначе горыть трава. И св. Мыколай завсимъ перелакався та побилывъ, в насылу велыку звиттыя утиць, такъ выначе на йому волосья и одежда загорилася! И прийшовъ до Бога тай съ переляху⁵⁾ насылу расказавъ, що не можно тамъ выпытысь воды, бо ще й гиришей тамъ есть гадъ и далеко злящій отъ першого гаду, шо винъ бачывъ попереду. А Богъ каже: «ну колы такъ, то ходимъ же дальше». Отъ волны пошлы дальше и довго шлы, ажъ побачылы вдали третій ярокъ выначе съ садкомъ; тай Богъ каже: «ну иды-жь, Мыколаю, въ той ярокъ, дѣ бачышь—садокъ видно, а вже тамъ певие⁶⁾ напьемся воды». Колы ся. Мыколай пашовъ туда, ажъ тамъ такая прихорошая крыныця зъ пригожою водою, а надъ тею крыныцею и скрызъ тамъ такія разніи, прихороніи, пахнучія цвиткы та ягоды.

¹⁾ Убѣжалъ.

²⁾ Съ испугу. (Труды общ. люб. рос. слов., кн. VII, стр. 340).

³⁾ Можетъ быть.

⁴⁾ Вѣтено: *гоней* (*гоми*—мѣра разстоянія; смотри Малоросс. словарь Чужбинскаго, стр. 76).

⁵⁾ Съ испугу; *лякы*—испугъ (см. Словарь, приложенный къ Энеидѣ Котляревскаго, стр. 43).

⁶⁾ Наверно, неприлично.

яблукы, хвыги, мындаалы, розынкы ¹⁾ и всякая овошь, а птыцы такъ хороше спывають та щебечуть разными голосами, и таке все тамъ занимательне, що й сказаты и прописаты не можно. Отъ св. Мыколай не зная, що й робыты, чы воду пыты, чы любоватыся та прыглядыватысь; напыетца трохы пахнучой воды. тай оставыть пыты, та все разглядае. И вничь трычы такъ потрохы чывь тую воду, та все разглядувавъ, и не щувен ²⁾ — що вничь не въ прижиту пробувь тамъ цылыхъ тры рокры ³⁾, якъ ныначе одну минуту тамъ бувъ. Ажъ прыходмыт туды Господь Богъ тай каже јому: «що це ты, Мыколаю, такъ довго тутъ сыдышь, що прошло тому тры рокры, якъ ты пышовъ сюды пыть воды?» И каже Богъ: «а я тебе не дождався тай покынувъ, и далеко уже я выходывъ съ пывъ-свита, покы звовъ до тебе вернувся». Отъ св. Мыколай выслузавши цее, тай одвичает: «Господы мылостывый! що це таке значыть, що коло передяныцхъ двохъ крыныць, куды я попереду ходывъ пыть воды, есть тамъ богацько страшенаго гаду, що й прыступывъ страшно; а тутынька въ третий яру такъ дуже прехорошая крыныця зъ водою и все тутынька росте дуже гарная пахнучая всякая всячина, що й не можно налюбоватыся и наслухатыця птычаго щебетаня, що й любуйся, прислухайся тай ще того хонятца?» — А Богъ одвичает јому: «оце-жь знай, що передяныцый яръ, дѣ ты бачывъ богацько злого страшенаго гаду, то тее мѣсто называютьця неклошь и воно опредѣляно для того богатыря, що мы булы у нѣго на высилья, а другий яръ, дѣ есть еще гирицый пристрашеный гадъ, то также притотовано некло для живия того-же богача, бо јого жинка ище гирица видъ свого чоловика ⁴⁾; а якъ боны не вмалы въ счастья

¹⁾ Изюмъ (Труды общ. любит. рос. словесности, кн. VII, стр. 313).

²⁾ Почувствовалъ.

³⁾ Годы.

⁴⁾ Мужа.

жыты, добре шануватысь, и не хотылы помогаты беднымъ лю-
дямъ, то за тее по смерти будуць вично мучыцца въ тыхъ не-
клахъ. А оце третій яръ, дѣ ты, Мыколаю, пывъ воду, тай
долго такъ тутъ забарыся ¹⁾ черезъ тее, ще тутынька дуже
хореше, называецца рай, определаный для тея бидной вдовы,
що мы въ немъ ночувалы, бо вона на сямъ свити цылый вникъ
грьхо бидовала, терпала та плакала, но буда добрая жинка и
честная, — то за тее по смерти буде маты въ сямъ раю вичное
прывогатое счастье. Огъ бачъ, якъ то робыцца; будь добрый
человиче, не вновай на земное счастье, та любы бедныхъ и
старайся, небоже, — то, якъ кажуть, Богъ въ сямъ и буду-
щымъ веку поможе!» — (Записана въ васильковскомъ уѣздѣ,
киевской губернии. Изъ собранія В. И. Дала.)

4. ИСЦѢЛЕНИЕ.

Вотъ видишь ли, скажу тваей милости, былъ адныи священ-
никъ биднѣющій, преблнѣющій. Приходъ ли у него былъ больна
(очень) малый, аля какъ тебѣ сказать, правду молвить: што
лвоє, только, слышь, все малыся Богу, кабы въ достаткѣ-та
быть насправнѣе. Вотъ онъ всё малыся, ды малыся, день и
ночь малыся, и Николу миласливава прасилъ всё, кабы спра-
вида. Агъ вѣтъ — лихъ! не даѣтъ Богъ ему счастья. Вотъ онъ
пашолъ йтъ дому, куды глаза глядять; шолъ-шолъ, всё шолъ,
и узнавалъ онъ: возля дароги сидять двоє съ сумками, какъ и
онъ пѣшиє — ну, знашь, присѣли агдахнуть. Адныи-агъ шало-
дилькай съ бароткай, а другой-агъ сѣдилькай старичокъ.
Адыи-агъ, знашь, былъ самъ Христось, а другой-агъ Ни-

¹⁾ Замѣчался (Слов. малоросс. Чужбинскаго, стр. 7).

кода миласливай. Вотъ онъ абрадавался, патшоль къ нимъ и гаварить: «ну, братцы! вы, канъ и я-же, пѣшконъ идѣте; кто вы дескать таковы?» Ани ему сказали: «мы ворожецы, знахарь, и варажить умѣемъ и лѣчимъ». — Ну, слышь, вельзя ли вамъ взять и меня съ сабою. «Пайдемъ, гаварить ему, только жатри! (смотри) — всё по-равну дѣлать». — Знама дѣла, што по-равну. Вотъ эвтимъ дѣламъ-та и пашли ани всё троа вѣста. Шли ани, шли, устала и зашла начавать въ набушку. Попъ-ать всё у себя съ вечеру съѣлъ, што, знашь, была у него съѣсяова. А у Христа съ Николай миласливыишъ была адна лишъ прасвирачка, и ту палажили ани на ползчку у абразозъ да другоа дни. На утро поць всталъ; эхатѣлась ему вѣсть, онъ взялъ украт(д)кай ту прасвирачку и съѣлъ. Христось-ать схватился прасвирачки, анъ-лякъ нѣтъ её! «Что, слышь, няю прасвирачку съѣлъ?» гаварить пану. Онъ занѣрся, скавалъ: «звать не знаю, я не вѣль». Вотъ такъ таму дѣлу и бытъ. Встали, вышли изъ набушки и пашли апать; шли ани, шли, и пришли въ аднѣ горатъ. Вотъ малодинькай съ бароткай знахаръ, знашь — Христось-ать и гаварить: «въ эвтимъ гаралу у багатава де барана есть бальная дочь; никто не смохъ её излѣчить, айда-те-ка ¹⁾ мы къ нему». Пришли ани къ таму барину, стали стучатца у него пады акномъ: «пусти-ка насъ; мы, слышь, вылѣчимъ твоа дочь». Вотъ пустила ихъ. Даль иишъ тотъ барнякъ лѣчить сваю дочь; ани взяли её и павели въ баню. Привели въ баню, и Христось-ать всеё её разрѣзалъ на части: ана я не слыкала, я не плакала, и не кричала. Разрѣзалъ на части её, взялъ и перемылъ всеё на всеё въ трѣхъ вадахъ. Перемылъ въ трѣхъ вадахъ и слажилъ её всеё вѣста па прежнему, накъ была. Слажилъ вѣсти, и спрыснулъ разъ — ана ераслась; спрыснулъ въ другоу — ана пашевелалась;

¹⁾ Пойдите. {Опытъ обл. возжор. словаря, стр. 2}.

спрыснула въ третій—яна встала. Привела её къ аѳцу; аяна, зная, и гаварить: «я ва всёмъ здорова на прежняму». Вотъ баринъ тотъ ихъ вдовалъ сыто на сыто всёмъ накариль и напаялъ. Поць ѣлъ, ѣлъ, насылу съ мѣста всталъ, а тѣ, зная, Христось-атъ ды Никола миласливый немношка закусили, и сыты. Вотъ паслѣ баринъ-атъ аткрыль имъ сундукъ съ деньгами: «ну, слышь, берите, сколько душѣ вашей угодна». Вотъ Христось взялъ горсточку, ды Никола миласливый другую; а поць началъ савать вездѣ себѣ, и въ карманы, и за пазуху, и въ суму, и въ сабаги — яльно ¹⁾ вездѣ была вѣйна.

Вотъ эвтинъ дѣламъ-та пашли ани аячь въ дарогу; шли, еля, и пришли къ рѣчкѣ. Христось съ Николай миласливымъ разомъ перешли легоханька, а поць-атъ съ деньгами лѣль-шолъ па вадѣ-та и началъ была тануть. Съ другова-та берегу Христось съ Николай миласливымъ кричать ему: «брось, брось деньги! брось, слышь, деньги! а то утопишь». — Нѣтъ, гаварить; хотъ утану, а ихъ не брошу. «Брось, брось деньги! а то заклебишься, помрѣшь.» — Нѣтъ, умру — не брошу! гаварить поць, и каѣ-какъ перебрѣлъ онъ съ деньгами-га черезъ рѣчку. И сѣля всё троя на бережокъ. Христось-атъ и гаварить шапу: «давай деньги-та дѣвать». А поць не даѣтъ: «эяга жая деньги! Вы што не брали себѣ больше? я чуть была не утануль съ ними, а вы гаварили: брось ихъ». — А уговоръ-атъ, сказала Христось, вить лутча денихъ. Вотъ поць сталъ выкладывать свои деньги въ кучу, и Христось съ Николай миласливымъ слажили свай туды-жа. Вотъ эвтинъ дѣламъ-та сталъ Христось дѣлать деньги и класть на четыре кучки, на четыре доли. Поць-атъ гаварить: «насъ де троя; каму кладешь ты ищо четвёртую

¹⁾ Такъ что (ibidem, стр. 74).

долю?» — Четвёртая доля таму, гаварить Христось, хто маю прасвирачку съѣлъ. «Я, слышь, её съѣлъ!» патхватылъ поць. Вотъ Христось-ать съ Николай миласливымъ усміхнулся. «Ну, кажи ты маю прасвирачку съѣлъ, такъ вотъ тебѣ вѣти двѣ кучки денихъ. Ды вотъ я маю вазьми себѣ-же», гаварить Христось. «И маю, слышь, кучку вазьми себѣ», гаварить Никола миласливай. — Ну, таперъ у теби многа денихъ! ступай дамой, а мы пайдѣмъ адинь.

Поць-ать взялъ всѣ деньги и пашолъ адинь. Пашолъ, знашь, и думаетъ: чѣмъ двскаць нѣтъ дамой итти, лутча пайдю я адинь лѣчыть; я таперъ сьумѣю — видѣлъ, какъ лѣчуть. Вотъ онъ шоль-шоль, пришолъ въ горать и проситца къ амамаму багатаму купцу: узналъ, знашь, што у него есть дочь бальная, и никто её не мохъ излѣчыть. Проситца къ багатаму купцу: «пустите меня, я вашу бальную дочь вылѣчу». Пустили его. Оць, знашь, увѣриль ихъ, што вылѣчыть. Ну харашо, такъ таку дѣлу и быть: вылѣчыть, такъ вылѣчыть! Вотъ выпрасилъ онъ бальной нош(ж) вострай, и павѣлъ бальную въ баню, и началъ её рѣзать на части: знашь, видѣлъ — какъ Христось-ать рѣзалъ. Толька нука кричать эта бальная; кричала, кричала, што ни есть моча! «Не кричи, слышь, не кричи, будишь здорова!» Вотъ изрѣзалъ её зашертно на части, и началъ её перемывать въ трѣхъ вадахъ. Перемылъ и началъ складывать апять, какъ была на прежняму; анъ-лихъ не складываетца ана на прежняму. Вотъ онъ мучался, мучался надъ нею, кѣ-какъ слажилъ. Слажилъ и спрыснулъ разъ — анъ, слышь, ана не бростаетца; спрыснулъ въ другой — нѣтъ толку; спрыснулъ въ третій — всё, внашь, бѣзъ толку. «Ну, бѣда мая! пращаль я таперъ! угажу на висялицу, либа матрай въ Сибирь на катаргу!» Началъ плакать и малитца Богу и Николѣ миласливану, штоп(б)ъ паслади ему апять тѣхъ знахарей. И видять въ аконошка, што

идуть къ нему въ баню тѣ знахари: малодивнѣйшай съ бароткай и сѣднѣйшай старичокъ. Вотъ какъ абрадавался нѣтъ! Бухъ нѣтъ въ ноги: «батьюшки мам! будьте атцы радныи! Возяся я лѣчить на вашему, ды не выводитъ...» А эвти знахари аять, знаятъ, были Христось и Никола миласливай. Ваашли, уснѣхнулись и гаварятъ: «ты больна скоро выучился лѣчить-та!» Вотъ Христось-ать взялъ мертваю всеё па частѣшъ перемылъ, ды и слажилъ. Слажилъ, знаятъ, па прежняму, какъ была, и спрыснулъ разъ — ана сраслась, спрыснулъ въ другой — ана пашевелилась, спрыснулъ въ третій — ана встала. Вотъ попь-ать перекрестилася: «ву, слава тебѣ, Господи! уш(ж)ъ вотъ какъ рат(л)ъ — сказать нельзя!» — Вазьни, сказалъ Христось, и атведи её таперь къ атцу; ды матрай, больше не лѣчи! — крѣпко-накрѣпко наказалъ ему: а не то упадѣшь! Вотъ знахари тѣ: Христось и Никола миласливай пашли са двара, а попь-ать привѣлъ её къ атцу: «и её, слышь, излѣчилъ». Дочь сказала атцу, што ана таперь здарова па прежняму. Купецъ нука ево паятъ, кармить, угаваривать, штопъ асталася онъ у него-та. «Нѣтъ, не астанусь!» Вотъ купецъ ему денигъ далъ вдовалъ, лошаты съ навоскай, а попь ушъ прѣма паѣхалъ дамой и палажилъ зарокъ, што лѣчить таперь не станитъ. — (Записана въ чистопольскомъ уѣздѣ казанской губернии.)

5. ПОПЪ - ЗАВИДУЩИЕ ГЛАЗА.

Въ приходѣ святаго Николы жилъ одинъ попь. У этого пона глаза были самыя поповскіе. Служилъ онъ Николѣ нѣсколько лѣтъ, до того дослужилъ, что не осталось у него ни кола-ни двора, ни хлѣба, ни приюта. Собралъ нашъ попь всея ключи церковныя, увидѣлъ икову Николы, съ гора ударилъ

его по плечи ключами и пошелъ изъ своего прихода, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ путемъ-дорогой. Вдругъ пѣлся (попѣлся) ему на стѣту (на встрѣчу) незнамой человѣкъ. «Здравствуй, доброй человѣкъ! сказалъ онъ попу. Куда идешь и откуда? Возьми меня къ себѣ въ товарищи.» Вотъ и пошли они вѣстѣхъ. Шли, шли они нѣсколько верстъ, приустиали; пора отдохнуть. У попа было въ рясѣ немного сухариковъ, а у принятаго товарища двѣ просвирки. Попъ говорить ему: «давай съѣдимъ прежде твои просвирки, а тамъ приедемъ и за сухари». — Ладно, говорить ему незнамый, съѣдимъ просвирки мои, а твои сухари оставимъ на-послѣ. Вотъ они ѣли-ѣли просвирки; оба наѣлись досыта, а просвирки не убывали. Попу стало завидно. «Семъ-ка, думаетъ онъ, я у него украду ихъ.» Старичекъ послѣ обѣда легъ отдохнуть, а попъ все смѣкаетъ, какъ-бы украсть у него просвирки? Заснулъ старичекъ. Попъ стаянулъ у него изъ кармана просвирки; сидитъ да ѣсть въ-тихомолку. Проснулся старичекъ, хватился просвирокъ своихъ — нѣту ихъ! «Гдѣ мои просвирки? вскрычалъ онъ; кто съѣлъ ихъ? ты, попъ?» — Нѣтъ, право не я, сказалъ ему попъ. «Ну ладно!»

Вотъ встряхнулись они, пошли опять путемъ-дорогой. Идутъ, идутъ; вдругъ дорога разсѣкается на двѣ розстанн¹⁾. Вотъ они пошли оба въ одну сторону. Дошли до какого-то царства. Въ этомъ царствѣ у царя была дочь при смерти, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжытьѣ-полбытьѣ-полцарства, а не вылѣчитъ — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго двора *налируютьсе*, доктурами называються. Выходили изъ царскаго двора слуги и спрашивали ихъ: «что вы за люди? изъ

¹⁾ Розстанъ—мѣсто, гдѣ одна дорога раздѣляется на двѣ; перекрестокъ. (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 192.)

какихъ родовъ, изъ какихъ городовъ? что вамъ издоть?» — Мы, говорятъ они, дѣхтуры; можемъ царевну вылѣчить. «Ну, коли дѣхтуры, заходите въ палату.» Вотъ они вошли въ палату, поглядѣли царевну, попросили у царя особой избу, обрѣза воды, вострой сабли, большаго стола. Царь всё это далъ имъ. Заперлись они въ особую избу, клали царевну на большой столъ, разсѣкали её вострой саблей на мелкія части, кидали въ обрѣзъ съ водой, мыли, полоскали; потомъ стали складывать штука къ штукѣ; какъ старичекъ дунеть, такъ штука съ штукаю и склеиваются. Склалъ онъ всё штуки какъ надоть, въ послѣдній разъ дунуль — царевна встрепенулась и встала жива и здрава. Приходитъ самъ царь къ избѣ ихной и говоритъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» — Аминь! отвѣчаютъ ему. «Вылѣчили-ль царевну?» спрашиваетъ царь. — Вылѣчили, говорятъ дѣхтуры; вотъ она! Царевна вышла къ царю жива и здрава. Царь говоритъ дѣхтурамъ: «что хотите вы отъ добра? золота ли, серебра ли? берите». Вотъ они начали брать алато и серебро; старичекъ берётъ пѣсточкой ¹⁾, а попь горсточкой и всё кладётъ въ сумку свою; покладётъ, покладётъ, да поприздымаетъ ²⁾: заберётъ ли его могутъ ³⁾. Потомъ они распростились съ царемъ и пошли. Старичекъ говоритъ попу: «эти мы деньги въ землю складѣмъ, а сами опять лѣчить пойдѣмъ». Вотъ они шли, шли; дошли опять до другаго царства. Въ этомъ царствѣ у царя была тоже при смерти дочь, и царь объявилъ, что кто вылѣчитъ его дочь, тому полжитѣя-полцарства, а не вылѣчить — голова съ плечъ, на тычинку повѣсятъ. Вотъ они пришли; противъ царскаго двorca *паліруютьсе*, дѣхтурами называются... (Повторяется слово въ слово тотъ-же разсказъ объ излѣченіи царевны.)

¹⁾ Щепоткой, тремя пальцами (Опытъ обл. великор. словаря, стр. 185).

²⁾ Да приподниметь (*ibidem*, стр. 177).

³⁾ Возьметъ ли его сила (*ibidem*, стр. 114).

Приходятъ она опять въ третіе царство, въ которомъ тоже царевна при смерти, и царь обѣщалъ тому, кто ее вылѣчить, полжытья-полбытья-полцарства, а не вылѣчить—голова съ плечъ на тычвику повѣсятъ. Завиднаго попа мучить лукавый: какъ-бы не сказать старичку, а вылѣчить одному, серебро и злато захватить одному бы? Противъ царскихъ воровъ ходить пощъ, *палируется*, дохтуромъ называется. Такимъ же образомъ просить у царя особой избы, обрѣза воды, большого стола, вострой сабли. Заперся онъ въ особую избу, клалъ царевну на столъ, рубилъ вострой саблей, и какъ царевна ни кричала, какъ ни вязжала, пощъ, не глядя ни на крыжъ, ни на вязгъ, знай рубить да рубить, словно говядину. Разрубилъ онъ ее на мелкія части, скидалъ въ обрѣзъ, мылъ, полоскалъ, склалъ штука къ штукѣ, также какъ дѣлалъ старичекъ: глядеть, какъ будутъ склеиваться всё штуки. Какъ дунеть—такъ нѣтъ ничего! опять дунеть—хуже того! Вотъ пощъ ну опять складывать штуки въ воду; мылъ-мылъ, полоскалъ-полоскалъ, и опять предложилъ штука къ штукѣ; дунеть—всѣ вѣтъ ничего! «Ахти *мнѣцкиньки!* думаетъ пощъ, бѣда!» Поутру приходятъ царь и видитъ: никакихъ вѣтъ успѣховъ у дохтура; всё тѣло смѣшалъ съ дрянью. Царь вольвалъ дохтура въ петлю. Взмолился нашъ пощъ: «царь, вольной человекъ! оставь меня на мало время; я сбѣгаю за старичкомъ, онъ вылѣчитъ царевну». Побѣгъ пощъ старичка искать; нашелъ старичка, и говорить: «старичекъ! виноватъ я окаянный; попуталъ меня бѣсъ: хотѣлъ я одишь вылѣчить у царя дочь, да не могъ; хотѣлъ же ня вѣшать. Помоги мнѣ!» Пошелъ старичекъ съ попомъ. Повели пона въ петлю. Старичекъ говорить попу: «пощъ, а кто съѣлъ мой просвярки?»—Право не я, ей Богу не я! Ввели его на другую ступеньку. Старичекъ говорить попу: «пощъ, а кто съѣлъ мой просвярки?»—Право не я, ей Богу не я! Ввели на третью, опять: не я! Сейчасъ голову въ петлю, и всё: не

я! Ну, нечего дѣлать! Старичекъ говорить царю: «царь, вольной человекъ! позволь мнѣ царевну вылѣчить; а если не вылѣчу, вели вѣшать другую петлю: мнѣ петля, и цошу петля!» Вотъ старичекъ складъ куски тѣла царевнииа штука къ штуку, дунулъ—и царевна встала жива и здрава. Царь награждалъ ихъ обоимъ серебромъ и златомъ. «Пойдѣмъ же, цошь, деньги дѣлать», сказалъ старикъ. Пошли. Склали всѣ деньги на три кучки. Цошь глядитъ: «какъ же! насъ двое, кому же третья-то часть?»—А это тому, сказалъ старичекъ, кто съѣлъ у меня просвирки. «Я съѣлъ, старичекъ! вскрычалъ цошь; право я, ей Богу я!»—Ну на тебѣ и деньги, да возьми и мои. Служи вѣрно въ своемъ приходѣ, не жадничай, да не бей ключами Николу по плещи,—сказалъ старичекъ и вдругъ сталъ невидимъ¹⁾. — (Записана въ шенкурскомъ уѣздѣ, архангельской губерніи, г. Н. Борисовымъ.)

6. ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Живу аданнѣ багаты чалавкѣ, други бѣдны; багаты—банкетъ²⁾, а бѣдны ниць (ничего) не мѣу. Приходзиць да багатаго дѣлѣ и просицца на начѣ, дый каже: «гаспадарокъ (хозяйнѣ), мой галубокъ! ци пусьциу бы ты мене на начѣ?» Ионѣ ниць не леу емѣ, да й гордо отказау: «у мене, каже, никали не начавала ни убогіе, ни бѣдныя, ни подарожныя; дакъ и ты не будзешъ начаванъ. Идзи у тую хату, што небашъ накрыта; тамъ заусюды начуюць бѣдныя, убогіе и подарожныя, то и ты тамъ будзешъ начаванъ. Цебе тамъ пусьданъ!» Старикъ

¹⁾ *Вариантъ*: «Ну впередъ-же не бей ключами Николу-угодника; вотъ какъ прощай ты мнѣ голову!»

²⁾ Паръ (т. е. заветъ).

каже: «гаспадарокъ, мой галубокъ! накажы, гдѣ тая хата, што небамъ накрыта?» Гаспадаръ вышюу наказываць: «да вонъ дѣ тая хата небамъ накрыта, гдѣ начуюць бѣдныя, убогія и падарожныя; тамъ я тебе пусьдзяцъ.» Дакъ дзѣдъ наглядзюу (поглядилъ) гаспадара на галавѣ, и той гаспадаръ стау каніомъ.

Просицца дзѣдъ у бѣднаго нá начъ и каже: «гаспадарокъ, мой галубокъ! пусьци мене нá начъ». — Можно, дзѣдку! у мене начуюць убогія, бѣдныя и падарожныя. «Каля, гаспадарокъ, я з' каніомъ.» Дакъ іонъ каже: «дзѣдку! у мене поставиць нима гдѣ, и сѣна нима, чаго даць яму ѣсць». Дзѣдъ каже: «я-бъ на дварѣ паставиу, кастрыцы ¹⁾ падкниуу, дакъ и будзе ѣсць!» Дакъ бѣдны павіоу каня и паставиу на дварѣ, а дзѣдъ нашюу самъ у хату. На-заутра, якъ дзѣдъ адхадзюу, каже: «дарую я табѣ гэтаго каня на твае сирацтво» ²⁾. Гаспадаръ зачуу яму дзякаваць ³⁾, и каже да жонкк: «жонко! возьміомъ и вывазимъ хату». И вывазили хату ⁴⁾.

Апяць прышоу дзѣдъ нá начъ, даць той гаспадаръ не пусьциу. «Я той самы стары, а ты мене не пазнау!» И узюу изюу паглядзюу таго каня на галавѣ, и стау іонъ чоловѣкомъ; а бѣдны безъ каня зюу зробиуся бѣднымъ. (Записана въ новогрудскомъ уѣздѣ, гродненской губерніи, старшимъ учителемъ новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитриевымъ.)

¹⁾ Груха, остающаяся посѣлѣ льна и конопля. (Опытъ объ. великор. словаря, стр. 94.)

²⁾ На бѣдность, сиротство.

³⁾ Благодарить (Этнограф. сборн., выш. 2-й, стр. 116).

⁴⁾ Т. е. навозили хѣсу на новую избу. — Объяснили эту легенду, г. Дмитриевъ говорить: «На другой годъ странникъ (дѣдъ, въ видѣ котораго явился самъ Господь) во второй разъ приходитъ къ бѣдняку, гладить полареннаго имъ коня, и онъ снова обращается въ богача, который послѣ этого превращенія заказываетъ навсегда и себя и дѣтямъ своимъ гордиться, и велеть всегда помогать бѣднымъ.»

7. ПИВО И ХЛѢБЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ богатой крестьянинъ; много у него было и денегъ, и хлѣба. И давалъ онъ по всей деревнѣ бѣднымъ мужичкамъ въ займы: деньги давалъ изъ процентовъ, а коли дастъ хлѣба, то весь сполна возврати на лѣто, да сверхъ того за каждый четверникъ два дня ему проработай на полѣ. Вотъ разъ случилось: подходитъ храмовой праздникъ, и стали мужички варить къ празднику пиво; только въ этой самой деревнѣ былъ одинъ мужикъ да такой бѣдой, что скуднѣй его во всемъ околоткѣ не было. Сидитъ онъ вечеромъ, накануне праздника, въ своей избѣнкѣ съ женою и думаетъ: «что дѣлать? люди добрые станутъ гулять, веселиться; а у насъ въ котѣ нѣтъ ни куска хлѣба! Пошелъ бы къ богачу попросить въ долгъ, да вѣдь не повѣрять; да и что съ меня, горемычнаго, взять послѣ?» Подумалъ-подумалъ, приднялся съ лавки, сталъ передъ образомъ и воздохнулъ тяжелѣхонько. «Господи! говорить, прости меня грѣшнаго; и масла-та купить нѣ на что, чтобъ лампадку передъ иконою затецлить къ празднику!» Вотъ немного погодя приходитъ къ нему въ избушку старецъ: «здравствуй, хозяинъ!» — Здорово, старичекъ! «Нельзя-ль у тебя переночевать?» — Для чего нельзя! ночуй, коли угодно; только у меня, родимой, нѣтъ ни куска въ домѣ, и покормить тебя нечѣмъ. «Ничего, хозяинъ! у меня есть съ собой три кусочка хлѣбушка, а ты дай ковшикъ водицы: вотъ я хлѣбцемъ-то закушу, а водицей прихлебну — гѣмъ сытъ и буду.» Съѣлъ старикъ на лавку и говоритъ: «что, хозяинъ, такъ приунылъ? о чемъ заечалялся?» — Эхъ,

старина! отвѣчаетъ хозяинъ; какъ не тужить мнѣ? вотъ дакъ Богъ — дождался ны праздника, люди добрые стануть радоваться да веселиться, а у насъ съ женою хотъ шаромъ покати. — кругомъ пусто! «Ну, что-жь! говорить старикъ, поиди къ богатому мужику, да попроси у него въ долгъ что надо.» — Нѣтъ, не пойду; все равно не дасть! «Ступай! пристааетъ старикъ, иди смѣло и проси у него четверякъ солоду; мы съ тобой пива наваримъ.» — Э, старичекъ! теперича поздно; когда тутъ пиво варить? вить праздникъ-то завтра. «Ужь я тебѣ сказываю: ступай къ богатому мужику и проси четверякъ солоду; онъ тебѣ съ-разу дасть! небось, не откажетъ! А завтра къ обѣду такое пиво у насъ будетъ, какого во всей деревнѣ никогда не бывало!» Нечего дѣлать, собрался бѣднякъ, взялъ мѣшокъ подъ мышку и пошелъ къ богатому. Приходить къ нему въ избу, кланяется, величаетъ по имени и отчеству, и проситъ въ заѣмъ четверякъ солоду: хочю де къ празднику пива сварить. «Что-жь ты прежде-та думалъ! говорить ему богатой. Когда теперича варить? вить до праздника всего на всего одна ночь осталась.» — Ничего, родимой! отвѣчаетъ бѣдной; коли милость твоя будетъ, мы какъ-нибудь сваримъ себѣ съ женою, будемъ вдвоемъ пить да величать праздникъ. Богатой набралъ ему четверякъ солоду и насыпалъ въ мѣшокъ; бѣдной поднялъ мѣшокъ на плечи и пойдѣс домой. Воротился и рассказалъ, какъ и что было. «Ну, хозяинъ! молвилъ старикъ, будетъ я у тебя праздникъ. А что есть ли на твоёмъ дворѣ колодезь?» — Есть, говорить мужикъ. «Ну, вотъ ны въ твоёмъ колодезѣ и наваримъ пива; бери мѣшокъ да ступай за мною.» Вышли они на дворъ, и прямо къ колодезю. «Высыпай-ка сюда!» говорить старикъ. — Какъ можно такое добро въ колодезь сыпать! отвѣчаетъ хозяинъ; только одинъ четверякъ и есть, да и тотъ задаромъ должонъ пропасть! Хорошаго ничего мы не сдѣлаемъ, только воду сму-

тишь. «Слушай меня, все хорошо будет!» Что делать, вывалил хозяинъ въ колодезь весь свой солодъ. «Ну, сказалъ старецъ, была вода въ колодезѣ, сдѣлайся за ночь пивомъ!... Теперь, хозяинъ, пойдемъ въ избу да ляжемъ спать, — утро мудренѣе вечера; а завтра къ обѣду поспѣеть такое пиво, что съ одного стакана пьянъ будешь.» Вотъ дождался утра; подходитъ время къ обѣду, старикъ и говоритъ: «ну, хозяинъ! теперича доставай ты побольше ушатовъ, станови кругомъ колодезя и наливай пивомъ полнѣхоньки, да и зови всѣхъ, кого ни завидишь, пить пиво похитѣльное». Бросился мужикъ по сосѣдямъ. «Начто тебѣ ушаты понадобились?» спрашиваютъ его. — Очень, говорить, нужно; нѣ во что пива сливать. Вздыновались сосѣди: что такое значить! не съ ума ли онъ снятъ? куска хлѣба нѣтъ въ домѣ, а еще о пивѣ хлопотеть! — Вотъ хорошо, набралъ мужикъ ушатовъ двадцать, поставилъ кругомъ колодезя и сталъ наливать — и такое сдѣлалось пиво, что ни издумать, ни загадать, только въ сказкѣ сказать! Налилъ всѣ ушаты полнымъ-полнѣхоньки, а въ колодезѣ словно ничего не убыло. И сталъ онъ кричать, гостей на дворъ зазывать: «эй, православные! пожалуйте ко мнѣ пить пиво похитѣльное; вотъ пиво — такъ пиво!» Смотритъ народъ, что за диво такое? вишь налилъ изъ колодезя воды, а зоветъ на пиво; да(и)-ка зайдёмъ, посмотримъ, на какую это хитрость онъ поднялся? Вотъ поваляли мужики къ ушатамъ, стали черпать ковшикомъ, пиво пробовать; очень показалось имъ это пиво: «отродясь до такого не пивали!» И нашло народу полонъ дворъ. А хозяинъ не жалѣетъ, знай себѣ черпаетъ изъ колодезя да всѣхъ сплошь и угощаетъ. Услыхалъ про то богатой мужикъ, пришелъ къ бѣдному на дворъ, попробовалъ пива, и началъ просить бѣднаго: «няучи де меня, какой хитростью сотворилъ ты этакое пиво?» — Да тутъ нѣтъ никакой хитрости, отвѣчалъ бѣдной; дѣле самое про-

стое, — как принёс я отъ тебя четверикъ солоду, такъ прямо и высыпалъ его въ колодезь: была де вода, съблайся за ночь пивомъ! «Ну, хорошо же! думаетъ богатой, только верочусь домой, такъ и събдаю.» Вотъ приходитъ онъ домой и приказываетъ своимъ работникамъ таскать изъ анбара самой что ни есть лучшей солодъ и сыпать въ колодезь. Какъ взялись работники таскать изъ анбара, и вшёрли въ колодезь кулей десять солоду. «Ну, думаетъ богатой, пиво-то у меня будетъ получше, чѣмъ у бѣднаго!» Вотъ на другое утро вышелъ богатой на дворъ и поскорѣй къ колодезю, почерпнулъ и смотритъ: какъ была вода — такъ и есть вода! только жутнѣ стала. «Что такое! должно быть мало солоду положили; надо прибавить», думаетъ богатой и велѣлъ своимъ работникамъ еще кулей пять ввалить въ колодезь. Высыпали они и въ другой разъ; не тутъ-то было, ничего не помогаетъ! весь солодъ задаромъ пропалъ. Да какъ прошелъ праздникъ, и у бѣднаго осталась въ колодезѣ только сухая вода; пива все равно какъ не бывало.

Опять приходитъ старецъ къ бѣдному мужику, и спрашиваетъ: «послушай, хозяинъ! събаль ли ты хлѣбъ-ать нынѣшнимъ годомъ?» — Нѣтъ, дѣдушка, ни зерна не събаль! «Ну, ступай же теперича опять къ богатому мужику и проси у него по четверику всякаго хлѣба; мы съ тобой поѣдемъ на поле да и посѣемъ.» — Какъ теперича събаль? отвѣчаетъ бѣдной: вѣдь на дворъ зима трескучая! «Не твоя забота! дѣлай, что приказываю. Наварилъ тебѣ пива, насѣю и хлѣба!» Собрался бѣдной, пошелъ опять къ богатому и выпросилъ у него въ долгъ по четверику всякаго зерна. Воротался и говоритъ старику: «все готово, дѣдушка!» Вотъ вышли они на поле, розыскали по примѣтамъ мужикову полосу — и давай разбрасывать зерно по бѣлому снѣгу. Все разбросали. «Теперича, сказалъ старикъ бѣдному, ступай домой и дожидай лѣта: будешь и ты

съ хлѣбомъ!» Только пришелъ бѣдной мужикъ въ свою деревню, какъ провѣдали про него всѣ крестьяне, что онъ середь зимы хлѣбъ сѣялъ; смѣются съ него — да и только: «эка онъ, сердечной, хватился когда сѣять! осенью небось не догадался!» Ну хорошо; дождался весны, сдѣлалась теплынь, снѣга растаяли и пошли зеленые всходы. «Да(й)-ка, вздумалъ бѣдной, пойду—посмотрю, что на моей землѣ дѣлается.» Приходить на свою полосу, смотритъ, а тамъ такіе всходы, что душа ни радуется! на чужихъ десятинахъ и вполонину не такъ хороши. «Слава тебѣ, Господи! говоритъ мужикъ, теперича и я поправлюсь.» Вотъ пришло время жатвы; начали добрые люди убирать съ поля хлѣбъ. Собрался и бѣдной, хлопочетъ съ своею женою, и никакъ не сможетъ управиться; принужденъ совмывать къ себѣ на жнитво рабочій народъ и отдавать свой хлѣбъ изъ половины. Дивуются всѣ мужики бѣдному: земли онъ не пахалъ, сѣялъ середь зимы, а хлѣбъ у него выросъ такой славной. Управился бѣдной мужикъ и зажмылъ себѣ безъ нужды; коли что надо по хозяйству — поѣдитъ онъ въ городъ, продастъ хлѣба четверть, другую, и купитъ что знаетъ; а долгъ свой богатому мужику сполна заплатилъ. Вотъ богатой думаетъ: «да(й)-ка и я змой поѣсю; авось и на моей полосѣ уродится такой-же славной хлѣбъ». Дождался того самаго дня, въ которой сѣялъ бѣдной мужикъ прошлымъ годомъ, навалилъ въ сани нѣсколько четвертей разнаго хлѣба, выѣхалъ въ поле и давай сѣять по снѣгу. Засѣялъ все поле; только поднялась къ ночи погода, подули сильные вѣтры и свѣяли съ его земли все зерно на чужія полосы. Вотъ и весна красна; пошелъ богатой на поле и видитъ: пусто и голо на его землѣ, ни одного всхода не видать, а возлѣ на чужихъ полосахъ, гдѣ ни пахано, ни сѣяно, поднялись такіе зеленіи, что любо-дорого! И раздумался богатой: «Господи! много издержалъ и на семена—все нѣтъ толку; а вотъ у жонкъ должниковъ ни паха-

но, ни съяно — а хлѣбъ самъ собой растетъ! Должно быть я — великой грѣшникъ!» (Изъ собранія В. И. Дала.)

8. ХРИСТОВЪ БРАТЕЦЪ.

Одинъ старикъ, умирая, завѣщаль своему сыну, чтобы онъ не забывалъ нищихъ. Вотъ на Свѣтлый день собрался онъ въ церковь и взялъ съ собой красныхъ нищъ христосоваться съ нищею братіей, хотъ и крѣпко забранилась на него мать, — а была она злая, къ бѣднымъ немилостивая. Въ церкви не достало ему одного яйца: оставался еще одинъ срамной нищій, и позвалъ его парень на дождь къ себѣ разговѣться. Какъ увидѣла мать нищаго, больно осерчала: «лучше, говорить, со пеомъ разговѣться, нежели съ такимъ срамнымъ старикомъ!» — и не стала разговляться. Вотъ сынъ со старикомъ разговѣдись и пошли отдохнуть. И видѣтъ сынъ: на старикѣ одѣжонка плохинькая, а крестъ какъ жаръ горитъ. «Давай, говорить старецъ, крестами жѣняться; будь ты мнѣ братъ крестовый!» — Нѣтъ, братъ! отвѣчаетъ парень, коли я захо-чу — такъ куплю себѣ адакой крестъ, а тебѣ негдѣ взять. Однако старикъ уговорилъ парня помѣниться и позвалъ его къ себѣ въ гости во вторнякъ на Святой. «А дорога, говорить, — вонъ ступай по той дорожкѣ; снажи только: благослови, Господи! — такъ и дойдешь до меня.»

Вотъ въ самый вторнякъ вышелъ парень на тропинку, сказавъ: «благослови, Господи!» и пустился въ путь-дорогу. Прошелъ немного — и слышитъ дѣтскіе голоса. «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Прошелъ еще немного — и видятъ: дѣвчцы лезъ колодеца въ колодець воду переливають. «Христовъ братецъ, говорятъ

онѣ ему, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идѣтъ онъ дальше — и видитъ тынъ, а подъ тѣмъ тыномъ ввидѣются старики; всѣхъ вломъ занесло! И говорятъ они: «Христовъ братецъ, скажи объ насъ Христу — долго ли намъ мучиться?» Идѣтъ все дальше и дальше — и вотъ усмотрѣлъ того самаго старца, съ которымъ вмѣстѣ онъ разговаривался. Старецъ у него спрашиваетъ: «ве видалъ ли чего по дорогѣ?» Парень рассказалъ ему все, какъ было. «Ну, узналъ ли ты меня?» говоритъ старецъ — и только тутъ узналъ мужикъ, что это былъ самъ Господь Иисусъ Христосъ. «За что-жь, Господи, младенцы мучатся?» — Ихъ мать во чревъ прокляла, имъ въ рай и пройти нельзя! «А дѣвчцы?» — Онѣ молокомъ торговали, въ молоко воду мѣшали; теперь весь вѣкъ будутъ онѣ переливать воду! «А старики?» — Какъ жили они на бѣломъ свѣтѣ, такъ говорили: только бы на этомъ свѣтѣ хорошо пожить, а на томъ всё равно — хоть тынъ нами подпирай! Вотъ они весь вѣкъ и будутъ стоять подъ тыномъ. Потомъ повѣлъ Христосъ мужика по раю и сказалъ, что тутъ и ему мѣсто уготовано (мужикъ и выйдти оттудова не хотѣлось!) А послѣ повѣлъ его къ аду, и сидитъ въ аду мать мужика; онъ и сталъ просить Христа: «помилуй ее, Господи!» Повелѣлъ ему Христосъ свить напередъ веревку изъ кострики. Мужикъ свилъ веревку изъ кострики: видно ужъ Господь такъ далъ! Приноситъ ко Христу. «Ну, говоритъ онъ, ты вилъ эту веревку тридцать лѣтъ, дозволю потрудиася за свою мать — вытащи ее изъ ада.» Смыъ винулъ веревку къ матери, а та сидитъ въ смоли кипучей, Веревка не горитъ — такъ Богъ далъ! Смыъ совсѣмъ было вытащилъ свою мать, ужъ за голову ее схватилъ, да она какъ кривнетъ на него: «ахъ ты, борзой кобель, совсѣмъ было удавилъ!» — веревка оборвалась и полетѣла грѣшница опять въ смолу кипучую. «Не хотѣла она, сказалъ Христосъ, и

тутъ воздержать своего сердца; пусть-же сидитъ въ аду
вѣки вѣчные!» (Доставлена отъ П. В. Кирѣевского.)

9. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.

Какъ во городѣ, во Ерусалимѣ,
При царѣ было, при Федорѣ,
При царикѣ было, при Софееѣ,
Породила она Федору три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Выходятъ изъ той земля, изъ жидовскія,
Жидовскія, босурманскія,
Царица Мартемьянища.
Полонилъ онъ у Федора три дочери,
Еще четвертаго Егорія Харабраго.
Злодѣй-царица Мартемьянища
Святому Егорію глаголетъ:
«Охъ ты гой еси, Егорій Храбрый свѣтъ!
Ты не вѣруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному;
А ты вѣруй сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
Святой Егорій глаголетъ:
«Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
А я вѣрую самому Христу,
Самому Христу, царю небесному!»
Злодѣй-царица Мартемьянища
На святаго Егорія осержается,
На святое тѣло опалняется,
На святое тѣло на Егорьево

Повелѣлъ Егорія въ топоры рубить.
 Не добре Егорія топоры берутъ,
 У топоровъ лезвѣя посломалися
 Отъ святаго тѣла Егорьева.
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 Свѣтому Егорію глаголуеть:
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
 Ты не вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному;
 А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
 Святой Егорій глаголуеть:
 «Я не вѣрую сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А я вѣрую самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному!»
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло оналяется.
 На святое тѣло яа Егорьево:
 Повелѣлъ Егорія во смола варить.
 Не добре Егорія смола беретъ,
 И поверхъ смолы Егорій плаваеть,
 Самъ стихи поеть херувимскіе,
 Онъ гласы гласить все евангельскіе.
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло оналяется,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорія во пилы пилить.
 Не добре Егорія пилы берутъ,
 У пилъ зубья поломалися

Отъ святаго тѣла отъ Егорьева
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорію сапоги ковать желѣзные,
 Становить на плиты на чугуинныя, на каленныя.
 Не добре Егорія сапоги берутъ,
 Въ сапогахъ стоить —
 Самъ стихи поеть херувимскіе,
 А гласы гласить все евангельскіе.
 Злодѣй-царица Мартемьянища -
 Святому Егорію глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
 Ты не вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному;
 А ты вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ.»
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Я не вѣрую сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А я вѣрую самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному!»
 Злодѣй-царица Мартемьянища
 На святаго Егорія осержается,
 На святое тѣло опалается,
 На святое тѣло на Егорьево:
 Повелѣлъ Егорію погреба копать,
 Погреба копать ему глубокіе —
 Длины погребъ сорокъ сажень,
 Ширины погребъ тридцать сажень,
 Глубины погребъ двадцать сажень;
 Садилъ Егорія во глубокой погребъ,

А самъ собака приговариваетъ:
 «Не бывать Егорію на святой Руси,
 Не видать Егорію солнца краснаго,
 Не слышать Егорію будеть звону колокольнаго,
 Не слышать Егорію будеть четья, пѣтья ¹⁾ цер-
 ковнаго!»

Защитилъ онъ щитомъ дубовымъ,
 Задвигалъ онъ досками чугуными,
 Засыпалъ онъ песками рудожолтыми.
 Какъ по Божию повелѣнію, по Егорьеву умоленію
 Подымалися вѣтры буйныя со святой Руси,
 Со святой Руси — погода и со вихоремъ;
 Разносили пески рудожолтые,
 Раздвигали доски чугуныя,
 Разметали щиты все дубовыя.
 Выходитъ Егорій на святую Русь,
 Идетъ во свой во Ерусалимъ-градъ.
 Ерусалимъ-градъ — онъ пусть стоитъ;
 Однѣ церкви!... и стоитъ одна
 Церковь Божія соборная, богомольная:
 Во той во церква его матушка,
 Святая Софья премудрая,
 На святыхъ иконы Богу молятся;
 Молитва ея къ Богу доносится.
 Увидѣла она Егорія Харабраго,
 Называла милымъ чадомъ,
 А сама говоритъ таково слово:
 «Охъ ты гой еси, Егорій Харабрый свѣтъ!
 Ты бери себѣ коня сиваго
 Со двѣнадцати цѣпей желѣзныхъ».

¹⁾ Чтенія и пѣнья.

Позжай ты во чисто поле.»
 Святой Егорій позжаючи,
 Святую вѣру утвржаючи,
 Еще Егорій наѣжаючи
 На тѣ лѣса на дремучіе, —
 Древо съ древомъ совивалоса,
 Къ сырой земли(ѣ) приклонялоса.
 Не добре Егорию лѣзя пробхати,
 Святой Егорій глаголуеть:
 «Охъ вы гой еси, лѣса темные,
 Лѣса темные и дремучіе!
 Разойдитесь лѣса по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А вы вѣруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.»
 Разошлѣся лѣса по всей земли.
 И еще Егорій позжаючи,
 Святую вѣру утвржаючи,
 И еще Егорій наѣжаючи
 На тѣ горы на высокія, на толкучія. —
 Гора съ горою сойдется, не разойдется.
 Не добре Егорию лѣзя пробхати,
 Святой Егорій глаголуеть:
 «Охъ вы гой еси, горы толкучія!
 Разойдитесь горы по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 Ужь вы вѣруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.»
 Разошлѣся горы по всей земли.
 И еще Егорій позжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На то стадо на звѣриное, на змѣиное;
 Не добре Егорию лѣзя пробхати,
 Святой Егорій глаголуесть:
 «Охъ вы гой еси, звѣри свирѣныи!
 Разойдитесь звѣри по всей земли,
 Вы не вѣруйте сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А вы вѣруйте самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.»
 Разошлись звѣри по всей земли.
 И еще Егорій поѣзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 И еще Егорій наѣзжаючи
 На то стадо на змѣиное,
 На змѣиное, на звѣриное, —
 Пасуть то стадо три пастыря,
 Три милыя сѣстры.
 Не добре Егорию лѣзя пробхати;
 Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
 Слѣзаетъ онъ со бѣла осла (коня?).
 Береть онъ свое (с)кляпетро вострое ¹⁾,
 И побилъ онъ все стадо змѣиное,
 Все змѣиное, все звѣриное;
 А самъ говорить таково слово:
 «Охъ вы гой еси, три пастыря,
 Три милыя сѣстры!
 Вы подите во свой во Ерусалимъ-градъ

¹⁾ За этимъ стихомъ въ подлинномъ спискѣ слѣдуютъ еще два;
 Стрѣгалъ онъ во стружачи, во мелкіе,
 Обратился стружачи — каленыи стрѣлы.

И купайтесь во Иорданъ-рѣкѣ;
 Набрался всё вы духа нечистаго,
 Духа нечистаго, босурманскаго.»
 И еще Егорій повъзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 И еще Егорій навъзжаючи
 На тѣ ворота кесарійскія, іерусалимскія. —
 На воротахъ сидитъ Острафилъ-птица,
 Во когтяхъ держитъ осетра-рыбу.
 Не добре Егорию лъзя провхати.
 Святой Егорій глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, матушка Острафилъ-птица!
 Ты не вѣруй сатанѣ-врагу,
 Сатанѣ-врагу со діаволомъ;
 А ты вѣруй самому Христу,
 Самому Христу, царю небесному.
 Полетя-жь ты, птица, на сини моря,
 Пей и ѣшь повелѣнное,
 Повелѣнное, благословенное.
 И дѣтей води на снѣмъ морѣ.»
 И еще Егорій повъзжаючи,
 Святую вѣру утверждаючи,
 И еще Егорій навъзжаючи
 На того злодѣя-царяща Мартемьянища;
 Увидѣлъ онъ собака Егорія Харабраго,
 Закричалъ онъ собака по звѣриному.
 Засвисталъ онъ собака по змѣиному.
 Святой Егорій Харабрый свѣтъ —
 Слѣзаетъ онъ со бѣла осла,
 Беретъ онъ свою налицу желъзную,
 Поразилъ онъ тута царяща Мартемьянища.
 Потопила Егорія кровь жидовская,

Кровь жидовская, босурманская;
 По колѣна во кровѣ(и) стоитъ —
 Святый Егорій глаголетъ:
 «Охъ ты гой еси, матушка сыра земля!
 Приими въ себя кровь жидовскую,
 Кровь жидовскую, босурманскую.»
 Разступилася матушка сыра земля
 На двѣ стороны. на четыре четверти,
 Пожрала въ себя кровь жидовскую,
 Кровь жидовскую, босурманскую.
 Живучи Егорій мучился на вольномъ свѣтѣ,
 Отъ грѣховъ своихъ очистился.
 Богу нашему слава нынѣ и присво и во вѣки вѣ-
 ковъ. Аминь.

(Изъ собранія В. И. Даля; записана въ Сорокинской при-
 стани, екатеринбургскаго уѣзда, пермской губерніи.)

10. ИЛЬЯ-ПРОРОКЪ И НИКОЛА.

Давно было, жилъ-былъ мужикъ. Николнинъ день всегда
 почиталъ, а въ Ильинъ нѣтъ-нѣтъ, да и работѣ станеть;
 Николѣ-угодовку и молебень отслужить. и свѣчку поста-
 вить, а про Илью-пророка и думать забыть.

Вотъ разъ какъ-то идетъ Илья-пророкъ съ Николой по-
 лемь этого самаго мужика; идутъ они да смотрять — на
 нивѣ зеленѣ стоятъ такія славныя. что душа ни нарадуется.
 «Вотъ будетъ урожай, такъ урожай! говоритъ Никола. Да и
 мужикъ-то, право, хороший, доброй, набожной, Бога помнить
 и святыхъ знаетъ! Къ рукамъ добро достанется...» — А вотъ
 посмотримъ, отвѣчалъ Илья; еще много ли достанется! Какъ

свело я молией, какъ выбью градомъ все поле, такъ будетъ мужикъ твоей правду знать, да Ильинъ день почитать. — Посворили-посворили и разошлись въ разные стороны. Никола-угодникъ сейчасъ къ мужику: «продай, говорить, поскорѣе ильинскому батькѣ весь свой хлѣбъ на корню; не то ничего не останется, всё градомъ повыбьетъ». Вросился мужикъ къ попу: «не купишь ли, батюшка, хлѣба на корню? все поле продамъ; такая нужда въ деньгахъ прилучилась, что выпн да положь! Купи, отецъ! за дешёво отдамъ». Торговаться-торговаться, и сторговались. Мужикъ забралъ деньги и пошелъ домой.

Прошло ни много, ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшнымъ ливнемъ и градомъ разразилась надъ нивою мужика, весь хлѣбъ какъ ножомъ срезала — не оставила ни единой былинки. На другой день идетъ мимо Илья-пророкъ съ Николою; и говорить Илья: «посмотри, какво разорилъ я мужиково поле!» — Мужиково? Нѣтъ, братъ! разорилъ ты короно, только это поле ильинскаго попа, а не мужиково. «Какъ пона?» — Да такъ; мужикъ — съ недѣлю будетъ — какъ продалъ его ильинскому батькѣ и деньги всё сполна получалъ. То-то, чай, попъ по деньгамъ плачетъ! «Постой-же, сказалъ Илья-пророкъ; и опять поправлю ниву; будетъ она вдвое лучше прежняго.» Поговорили и попли всякой своей дорогою. Никола-угодникъ опять къ мужику: «ступай, говорить, къ попу, выкунай поле — въ убыткѣ не будешь». Пошелъ мужикъ къ попу, кланнется и говорить: «вижу, батюшка, наслалъ Господь Богъ несчастіе на тебя—все поле градомъ выбито, хотъ шаръ покати! Такъ ужъ и быть, давай пополамъ грѣхъ: я беру назадъ свое поле, а тебѣ на бѣдность вотъ половина твоихъ денегъ.» Попъ обрадовался, и тотчасъ они по рукамъ ударили.

Межь тѣмъ — откуда что взялось — стало мужиково поле поправляться; отъ старыхъ корней пошла новые свѣжіе побѣги. Дождевыя тучи то и дѣло носятся надъ нивою и поить землю; чудный уродился хлѣбъ — высокой да частой: сорной травы совсѣмъ не видать; а колось наился полной-полной такъ и гвѣтся къ землѣ. Пригрѣло солнышко, и созрѣла рожь — словно золотая стоять въ полѣ. Много нажалъ мужикъ сноповъ, много наклакъ копень; ужъ собрался возить, да въ скирды складывать. На ту пору идетъ опять мимо Илья-пророкъ съ Николою. Весело оглянулъ онъ все поле и говорить: «посмотри, Никола, какая благодать! Вотъ такъ наградила я попа, по вѣкъ свой не забудеть...» — Попа?! Нѣтъ, братъ! благодать-то велика, да вѣдь поле это — мужиково; попъ тутъ ни при чемъ останется «Что ты!» — Прѣже слово! Какъ вышло градомъ всю ниву, мужикъ пошелъ къ ильинскому батькѣ и выкупилъ ее назадъ за половинную цѣну. «Постой-же! сказалъ Илья-пророкъ; я отниму у хлѣба всю спорынью: сколько бы ни наклакъ мужикъ сноповъ, больше четверика за-разъ не вымолотить.» — Плохо дѣло! думаетъ Никола-угодникъ; сейчасъ отправился къ мужику: «смотри, говорить, какъ станешь хлѣбъ молотить, больше одного снопа за-разъ не клади на токъ».

Сталъ мужикъ молотить: что ни снопокъ, то и четверикъ зерна. Всѣ закрома, всѣ клетн набилъ рожью, а все еще остается много; поставилъ онъ новые анбары и насыпалъ полнѣхоньки. Вотъ идетъ какъ-то Илья пророкъ съ Николою мимо его двора, посмотрѣлъ туда-сюда и говорить: «яни какіе анбары вывелъ! что-то насыпать въ нихъ станеть?» — Они ужъ полнѣхоньки, отвѣчаетъ Никола-угодникъ. «Да откуда же взялъ мужикъ столько хлѣба?» — Эва! у него всякой снопокъ далъ по четверику зерна; какъ зачалъ молотить, онъ все по одному снопу клалъ на токъ. «Э, братъ Никола! догадался

Илья-пророкъ: это все ты мужику пересказываешь.» — Ну, вот выдумалъ, стану я пересказывать... «Какъ тамъ хочешь, а ужъ это твое дѣло! Ну, будетъ же меня мужикъ помнить!» — Чтожь ты ему сдѣлаешь? «А что сдѣлаю, того тебѣ не скажу.» — Вотъ когда бѣда, такъ бѣда приходитъ! думаетъ Никола-угодникъ, и опять къ мужику: купи, говоритъ, двѣ свѣчи большую да малую, и сдѣлай то то и то-то.

Вотъ на другой день идутъ вѣстѣ Илья-пророкъ и Никола-угодникъ въ видѣ странниковъ, и попадается имъ на встрѣчу мужикъ: несетъ двѣ восковыя свѣчи — одну большую рублевую, а другую копѣчную. «Куда мужичекъ, путь держишь?» спрашиваетъ его Никола-угодникъ. «Да вотъ иду свѣчку рублевую поставить Ильѣ-пророку; ужъ такой былъ милостивой ко мнѣ! Градомъ воле выбило, такъ онъ батюшка постарался, да вдвое лучше прежняго дѣлъ урожай.» — А копѣчная-то свѣча на что? «Ну, эта Никола!» Сказалъ мужикъ и пошелъ дальше. «Вотъ ты, Илья, говоришь, что я все мужику пересказываю; чай, теперь самъ видишь, какая это правда!»

На томъ дѣло и покончилось; смиловался Илья-пророкъ, пересталъ мужику бѣдою грозить; а мужикъ зажилъ прибиваючи, и сталъ съ той поры одинаково почитать и Ильинъ день, и Николинъ день. — (Записана со словъ крестьянина ярославской губернии.)

11. КАСЬЯНЪ И НИКОЛА.

Разъ въ осеннюю пору увязилъ мужикъ возъ на дорогѣ. Знамо, какія у насъ дороги; а тутъ еще случилось осенью — такъ и говорить нечего! Мимо идетъ Касьянъ-угодникъ. Му-

жикъ не узналъ его и давай просить: «помоги, родимой, возъ вытащить!» — Поди ты! сказала ему Касьянъ-угодникъ, есть либѣ когда съ вами ваяндаться! Да и пошелъ своею дорогою. Немного спустя идетъ тутъ-же Никола-угодникъ. «Батюшка, звонилъ опять мужикъ, батюшка! помоги либѣ возъ вытащить.» Никола-угодникъ и помогъ ему.

Вотъ пришли Касьянъ-угодникъ и Никола-угодникъ къ Богу въ рай. «Гдѣ ты былъ, Касьянъ-угодникъ?» спросилъ Богъ — Я былъ на землѣ, отвѣчалъ тотъ; прилучилось либѣ идти мимо мужика, у котораго возъ завязъ: онъ просилъ меня: помоги, говоритъ, возъ вытащить; да я не сталъ марать райскаго платья. «Ну, а ты гдѣ такъ выпачкался?» спросилъ Богъ у Николы угодника. — Я былъ на землѣ; шелъ по той-же дорогѣ и помогъ мужику вытащить возъ, отвѣчалъ Никола-угодникъ. «Слушай, Касьянъ! сказалъ тогда Богъ; не помогу ты мужику — за то будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны. А тебѣ, Никола-угодникъ! за то, что помогъ мужику возъ вытащить — будутъ служить молебны два раза въ годъ.» Съ тѣхъ поръ такъ и сблалось: Касьяну въ високосный только годъ служить молебны, а Николѣ два раза въ годъ. (Записана въ орловскомъ уездѣ П. И. Якушкинымъ.)

12. ЗОЛОТОЕ СТРЕМЯ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ одинъ цыганъ, была у него жена и семеро дѣтей ¹⁾, и дожилъ онъ до того, что ни бѣтъ, ни нить нечего — нѣтъ ни куска хлѣба! Работать-то онъ лѣнится, а воровать боится:

¹⁾ *Вариантъ*: Жилъ-былъ бѣдной мужикъ Нестерко а дѣтей у него шестерка.

что дѣлать? Вотъ вышелъ цыганъ на дорогу и стоитъ въ раздумья. На ту пору ѣдетъ Егорій Храбрый ¹⁾. «Здорово! говорить цыганъ; куды ѣдешь?» — Къ Богу. «Зачѣмъ?» — За приказомъ: чѣмъ кому жить, чѣмъ промышлять. «Доложи я про меня Господу, говорить цыганъ; чѣмъ велитъ мнѣ питаться?» — Хорошо, доложу! отвѣчалъ Егорій и поѣхалъ своей дорогой. Вотъ цыганъ ждалъ его, ждалъ, и только завидѣлъ, что Егорій ѣдетъ назадъ, сейчасъ и спрашиваетъ: «чтожь доложилъ про меня?» — Нѣтъ, говорить Егорій. «Чтожь такъ?» — Забылъ! — Вотъ и въ другой разъ вышелъ цыганъ на дорогу, и опять повстрѣчалъ Егорія: ѣдетъ онъ къ Богу за приказомъ. Цыганъ и проситъ: «доложи де про меня!» — Хорошо, сказалъ Егорій — и опять позабылъ. Вышелъ цыганъ и въ третій разъ на дорогу, увидалъ Егорія и снова проситъ: «скажи де про меня Богу!» — Хорошо, скажу. «Да ты, пожалуй, забудешь?» — Нѣтъ, не забуду. Только цыганъ не вѣритъ: «дай, говорить, мнѣ твое золотое стремянѣ (стремя) я подержу, пока ты назадъ вернешься; а безъ того ты опять позабудешь». Егорій отвязалъ золотое стремянѣ, отдалъ цыгану, а самъ объ одномъ стремянѣ поѣхалъ дальше. Пріѣхалъ къ Богу и сталъ спрашивать: чѣмъ кому жить, чѣмъ промышлять? Получилъ приказъ и хотѣлъ было назадъ ѣхать; только сталъ на лошадь садиться, глянулъ на стремянѣ и вспомнилъ про цыгана. Вернулся къ Богу и говорить: «попался мнѣ еще на дороге цыганъ и наказалъ спросить: чѣмъ ему питаться?» — А цыгану, говорить Господь, то я промыселъ, коли у кого что возьметъ да утаитъ; его дѣло обмануть да выбожить! Съѣлъ Егорій на коня и пріѣхалъ къ цыгану: «ну, правду ты, цыганъ, сказывалъ! колибъ нѣ ввѣлъ ты стремянѣ, совсѣмъ бы забылъ про тебя». — То-то и есть! сказалъ

¹⁾ Въ одномъ спискѣ вмѣсто Егорія введенъ св. Петръ.

цыганъ; теперь по вѣкъ меня не забудешь, какъ только глянешь на стремени — сейчасъ меня помянешь. Ну, что Господь-то сказалъ? «А то и сказалъ: коли у кого что возьмешь — утаишь да забожись, твое и будетъ!» — Спасибо, позавидь цыганъ, поклонился и повернулъ домой. «Куда-жь ты? сказалъ Егорій; отдай мое золотое стремени.» — Какое стремени? «Да ты же у меня взялъ?» — Когда я у тебя бралъ? я тебя впервой вижу, и никакого стремени не бралъ, ей Богу, не бралъ! забожился цыганъ.

Что дѣлать — бился съ нимъ, бился Егорій, такъ и уѣхалъ я съ чѣмъ! «Ну правду сказывалъ цыганъ: коли-бъ не давалъ ему стремени — и не зналъ бы его, а теперь по вѣкъ поминать буду!»

Цыганъ взялъ золотое стремени и пошелъ продавать. Идетъ дорогою, а на встрѣчу ему ѣдетъ баринъ. «Что, цыганъ, продаешь стремени?» — Продаю. «Что возьмешь?» — Полторы тысячи рублей. «Зачѣмъ такъ дорого?» — Затѣмъ, что оно золотое. «Ну, ладно!» сказала баринъ; хватился въ карманъ — нѣтъ больше тысячи. «Вотъ тебѣ, цыганъ, тысяча — отдавай стремени; а остальные деньги напоследнхъ получишь.» — Нѣтъ, баринъ; тысячу-то рублей, пожалуй, а возьми, а стремени не отдашь; какъ дошелъ что слѣдуетъ по уговору, тогда и товаръ получишь. Баринъ отдалъ ему тысячу и поѣхалъ домой. И только прѣхалъ — сейчасъ-же вынулъ пятьсотъ рублей и послалъ къ цыгану съ своимъ человѣкомъ: «отдай, говорятъ, эти деньги цыгану, да возьми у него золотое стремени». Вотъ приходитъ барской человѣкъ въ избу къ цыгану. «Здорово, цыганъ!» — Здорово, доброй человѣкъ! «Я привѣзъ тебѣ деньги отъ барина.» — Ну давай, коли привѣзъ. Взялъ цыганъ пятьсотъ рублей и давай пить его вино; напиль до-сыта! Канъ напиль до-сыта, сталъ барской человѣкъ собираться домой и говорить цыгану:

«давай же золотое стремяно». — Какое? «Да то, что барину продалъ!» — Когда продалъ? у меня никакого стремяна не было. «Ну, подавай назадъ деньги!» — Какія деньги? «Да я сейчасъ отдалъ тебѣ пятьсотъ рублей.» — Никакихъ денегъ я не выдалъ, ей Богу, не выдалъ! еще самого тебя Христа ради помялъ, не то что брать съ тебя деньги! — Такъ и отперся цыганъ. Только услыхалъ про то баринъ, сейчасъ поскакалъ къ цыгану: «чтожь ты, воръ адакой, деньги забралъ, а золотого стремяна не отдаешь?» — Да какое стремяно? ну, ты самъ, баринъ, разсуди, какъ можно, чтобъ у адакаго мужика-сѣрика да было золотое стремяно! — Вотъ баринъ съ нимъ возился-возился, ничего не беретъ. «Поѣдемъ, говорить, судиться.» — Пожалуй, отвѣчаетъ цыганъ, только подумай, какъ мнѣ съ тобой ѣхать-то? ты какъ есть баринъ, а я мужикъ-вахлакъ! Наряди-ка напередъ меня въ хорошую одѣжу, да и поѣдемъ вмѣстѣ.

Баринъ нарядилъ его въ свою одѣжу, и поѣхали они въ городъ судиться. Вотъ пріѣхали въ судъ; баринъ говорить: «купилъ я у этого цыгана золотое стремяно; онъ деньги-то забралъ, а стремяна не отдаетъ». А цыганъ говорить: «господа судьи! сами подумайте, откудава возьмется у мужика-сѣрика золотое стремяно? у меня дома и хлѣба-то нѣту! Не вѣдаю, чего этому барину надо отъ меня? Онъ, пожалуй, скажетъ, что на мнѣ и одѣжа-то его!» — Да таки моя! закричалъ баринъ. «Вотъ видите, господа судьи!» Тѣмъ дѣло и кончено; поѣхалъ баринъ домой ни съ чѣмъ, а цыганъ сталъ себѣ жить да поживать, да добра наживать ¹⁾. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

¹⁾ *Вариантъ*: Только что увхалъ Егорій, мужикъ Нестерка продалъ золотое стремяно да купилъ себѣ хлѣба и всякаго харчу, и съ той поры завсегдъ у кого чтѣ ни возьметъ — а ужъ неприкитино затанитъ и забожитъ.

13. ПЯТНИЦА.

Када-та адна баба ни пачла ¹⁾ матушку Пятницу и учла (начала) прядиво мыкать да вертѣть. Прапрядла она да абѣда, и вдругъ сонъ на неё нашолъ — такой магучай сонъ! Уснула ана, вдругъ атварилась дверь и входить, вишь, матушка Пятница въ-очью всѣмъ, въ бѣломъ шумунѣ ²⁾, да сердитая такаа! и шмых(г)ъ прама къ бабѣ. ше прядла-та. Набрала въ горсть кастрикн съ пола, какая атлгала-та атъ мочекъ ³⁾; и ну насыпать ей глаза, и ну насыпать! насыпала да и была такава: паминай какъ звали! Ничаго и на молвила, сардешпан. Та баба какъ праснулаась, такъ и взвыла благимъ матамъ атъ глазъ, и ни вѣдая, атъ чаго ани забалѣли. Другія (бабы) свда(гъ) въ ужасын и учали вопить: «ухъ ты, зкаянная! заслужила казнь лютую атъ матушки Пятницы» — и сказали ей всё, ще было. Та баба слушила-слушала и ну прасить: «матушка Пятница! замилуйся мнѣ, памилуй меня грѣшную; поставлю те(тебѣ) свѣчку, и другу-недругу закажу абижать те(тебя), матушка!» И ще-жъ ты думаешь? Ночью, вишь, апеть прихадила аиа и выбила изъ глазъ у той бабы кастру-та, и аиа апеть встала. Грѣхъ великай абижать матушку Пятницу — прядиво мыкать да прядеть! — (Записана въ ливнецкомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи сельскимъ учителемъ Елксѣемъ Сабуровымъ.)

¹⁾ Не почтыва.

²⁾ Женская одежда (Опыт обл. великор. словаря, стр. 269).

³⁾ Мочка — прядь льна или поскови (ibidem, стр. 447).

14. О ПОЪ ПРАВЕДНОМЪ.

Заставилъ Господь слюпова ды бизрукына караулить садъ. Бизрукый яблыка ни дастанить, слюпой ни найдить. Паспъ-ли яблыки, пашли духъ сладкн. «Малый, какъ-жа намъ яблычка пакушнить?» — Садись вурхомъ на мине, а я выдвизу къ яблычки. Слюпой нарвалъ пазуху яблыкъ. Бизрукый узрилъ Бога, драгнулъ ать яблычки бѣжать. Слюпой ать плечъ (онъ за плечи дуржался — вурхомъ на бизрукымъ) атарвался, ударилси абъ зель, ды-й абмѣръ. Господь приходять: «бизрукый, вѣдъ слюпой?» — Омырыкъ явó ашыбó. Господь приходеть къ слюпоу: «слюпой, съ чаво-жъ ты абмѣръ? абманывишь ты мине, слюпой! ни омырыкъ тебе ушибó, ты съ плечей убилси съ бизрукына!» — Абмануль я тебе, Госпыдн! прасти мине. Прастиль слюпова, ды й пашолъ.

Сыбрались караульщики, на варатáхъ стоять. Идѣть дьявиль: «зрастуйти, рябята! што-жъ вы яблыкъ ни јидитя?» — Какъ-жа намъ ихъ вѣсть? у мине рукъ нѣту, у ниво глазъ. Я ни дастану! — А а ли найду! «Плохи-жъ вы, рябята, кадъ въ саду яблыкъ ни јидитя.» — Мы ни ухитримси, какъ ихъ вѣсть! «Эка, какъ? бизрукый пади ударься абъ яблыню, а слюпой надбер!» Яблычки были нисажины другъ ать друга на сажню. Бизрукый какъ ударилси абъ яблыню — увесь тотъ садъ абтрѣсь. Слюпой лѣгъ на вуза, прикаталъ усю траву — исё яблыки искалъ. Ну, Господь приходить: «караульщики, хто-жъ у васъ садъ абтрѣсь?» — Вѣтирь надиялся, увесь садъ абтрѣсь! «Ать чаво-жа яблычи пазавали?» — Ать яснава со(л)ниа! «Ать чаво-жа нижни бакá папрѣди?» — Ать сильныва дожжá! «А хто-жа у васъ въ саду траву примялъ?»

Слипой гаварить: «у мене животъ блѣдъ, всё китален!» — Врѣшь ты, слипой! всё обманываешь мене! Сабраць Гасподь караульщикавъ, узляць огниными прутья, выбляць ихъ огниными прутьями: «выдѣтя, проклятыя калѣки, вонъ изъ ланво саду, набирайтиси нѣ миру атыныи да вѣку!»

Гасподь сказаць: «дай-жа я сдѣлаю Ноя Правидныва штобъ у маёмъ у свѣтѣ была правда». Приставилъ сабану голую караулить Ноя Правидныва: «смотри-жь ты, сабака, нигаво ни пушай сматрѣть мниво Ноя Правидныва!» Приходить дьявыль нѣ сабаки: «пусти мене, сабака, Ноя Правидныва нисматрѣть!» — Мнѣ Гасподь ни вляль никаво пушать. «Хотя ты ни пуцаешь мене Ноя Правидныва нисматрѣть, а я тибѣ дамъ шубу и на руки и на ныги: придетъ зима, придуть марозы — ни надыть тибѣ зубы.» Далъ дьявыль сабаке шубу; сабака пустила дьявыла нисматрѣть Ноя Правидныва. Дьявыль ахаркыль, апливалъ Ноя Правидныва; сталъ Ной синий, зелеый, душой... странно ва Ноя глядѣть стало! «Штожь ты, сабака, да Ноя дьявыла дапустила? штожь я тибѣ гаварилъ!» — А штожь ты мене безъ шубы приставилъ? «Штобъ ты цирковьява звону ни слыкала, у Бсжій храмъ ни ходила!» Взяць Гасподь, апасилъ той сабаки, Ноя вывырызалъ (sic): аплѣвышыа, ахѣркыныа въ сврѣдку... Изъ Ноевыа рѣбра сдѣлаць Гасподь жину Евгу. «Ну, Ной съ Евгаю Правидныи! усь плады ѣштя; аднаво плада ни трогайтя, вотъ съ той-та абылнки.» Евга гаварить: «Ной Правидный! ать чаво-жь эта такъ Богъ гаварить: усь плады ѣштя, а съ аднаво ни трогайтя? Давай пакушанить!» Съзлал па абылчку, па разу укусили... другъ друга зыстыдилнсь: Евга пыль лапукъ, а Ной пыль другой, другъ ать друга схаравилнсь. Приходить Гасподь: «Ной Правидный! вгдѣ ты?» — Я вѣтынь! «Иди ка мнѣ!» — Я нагъ! Ной гаварить; Госпыди! сатваря намъ адѣжу. Вышла ани къ нему; выбляць ихъ Гасподь огниными прутьями, высклалъ изъ саду вонъ!

— Выслушши изъ саду Ной Правиднына, унизилси Гасподь. «Ной Правидный, гаварить, у насъ будеть чирязъ три года патона; штобы ты въ три года кавшегъ выстраилъ. Ной Правидный! кавшегъ строй, да живи ни сказывай што строишь!» Пашолъ Ной Правидный у рошу строить кавшегъ; строить годъ, строишь два. Дьявыль приходитъ: «Ной Правидный, што дѣлаишь?» — Развѣ ты слепой? ты видишь, што я дѣлаю! «Я вижу, што ты строишь, ды ни знаю!» — И ни нелана тебе знать! Дьявыль ударилси изъ роши къ Нойвый живи, къ Евги: «Евга, успроси ты у мужа, што онъ дѣлаетъ?» А Ной Правидный живи атказывають: «я тебе на роши хажу, на дрова сматрю, самъ себѣ забавляю!» — «Ёнъ ни на роши гуляеть, ёнъ што-й-та рубить!» — Я ни знаю. «Сдѣлай-жа ты квасу, наклади хмѣлю!» — Усхваляль самъ себѣ Ной: «слава тебе, Госпиди! састроилъ себѣ судно за палгода патоны. Приходитъ, сталъ кушать: «Евга, нѣтъ ли чаю пакушамши напятца?» Напилси квасу, лёгъ атыдыхать. «Ной Правидный! два года ходишь, да мнѣ правды ни скажишь, што-й-та такой ты рабатишь?» — Экая ты! Вотъ асталася палгода да первыва ман; у ман-мѣсяцы, у первымъ числѣ, будеть патона! — Атыдохнувши, приходитъ Ной къ кавшегу: увесъ кавшегъ дьявыль разиеталъ. «Экая!... пригрянулъ я дла(я) тебе!» Шестъ мѣсяцы ёнъ живо собиралъ ни пивши, ни бѣши, и дамой ни ходилъ. Приходитъ-жа Гасподь: «Ной Правидный, сабирай-жа всякихъ звирѣвъ у кавшегъ на парѣ, и дичи, плодовъ всякихъ». Сабралъ-жа ёнъ звирѣвъ всякихъ, и ушовъ, и плодовъ всякихъ. «Будеть, гаварить Гасподь, патона: затопить в лѣса, и луга, и балота, и дамѣ! Будеть патона на двнатцать сутыкъ.» Ной забралъ всё.

Дьявыль гаварить: «Евга, какъ-жа мнѣ съ табою у кавшегъ загѣсть?» — Я ни знаю! Раауи атываю ногу, да глянь скрозъ ноги на мине; а патыль (до тѣхъ поръ) ты ни лѣзь у кавшегъ, пакыль

страшная пачона ни наставить, пакыль вида ни разальётся увидѣть; ёнь на тебе закричить: лѣзь ка мнѣ, акаянная, а то утопишишь! Какъ ёнь тебе акаянной назавѣтъ — и я съ тобой уѣзду. А датыле не лавий.» Енга глянула скрозь ноги; Ной закричалъ: «лѣзь-жа ты ка мнѣ! лѣзь-жа скэрѣя, акаянная!» Какъ сазавѣлъ Ной, дѣвнншъ какъ ситветъ (пригнетъ) у кашнегъ я паплытъ; свикуден (обратился) мышью — кашнегъ пратачилъ. Ужъ узаялъ эту дыру галавой и заткнулъ, игдѣ мышъ пратачила. Плавыви аня аднатцать сутыкъ на вазмерью, на утай ны пачони. Паслалъ Ной Правядный ворана: «павати-жа ты, чорнай воранъ, узнай есть вадѣ панижекиа, али нѣтъ?» Воранъ ляталъ, ляталъ, нашолъ падла и сталъ клявать на острави. «Идѣ-жъ ты былъ, воранъ?» — И, гаварить, аташолъ да падла кляваць! «Какъ-жа ты ни паслушилъ? мы тебе пасылали шысатрѣть вадѣ; вѣдѣ всякая душа да хвалить Госпыда! будь-жа ты, воранъ, какъ пень гарѣмый; будь-жа у тебе дѣти гадавыя: пакъ дитей даждаешьси — самъ акалѣй!» Вѣдѣ какъ воранъ даждетца дитѣй, выходитъ, выкоржитъ, — самъ акалѣить; вѣдѣ ани всѣ калѣють! «Лити-жъ ты, голубъ; шысатри-жъ ты пачонѣк сазавѣтъ ли, прибавлянтъ ли?» Ляталъ, ляталъ голубъ; пачопа сбавила на три вршина, и нашолъ ёнь такой мѣста, суха, игдѣ можна кашнегу вылѣсти на край. Припавыи х(к)ъ пристыни.

Приходитъ Господь: «што вы живы ли усѣ?» — Слава ти, Госпыди! усѣ живы! «Выходити-жъ вонъ!» Усѣ вышла; напавсѣдакъ дѣвывѣ сизъ! «Вотъ, Госпыди, хотѣлъ мине утапить; вѣдѣ я вотанъ! я тебе большой врагъ!» — Какъ-жъ ты мнѣ большой врагъ, вазьми-жъ ты мине за руку. Вазьмѣтъ дѣвывѣ Госпыда павирѣхъ руки, да ни павмантъ — руку анустиать. «Дай-жа я тебе вазьму за руку!» Какъ вазьмѣтъ Господь дѣвывѣла за руку, — «ой, ой, ой! я буду тибѣ хотѣ меншой братъ!» — все, видѣ, у братья лезить. «Лѣзь-жа ты,

меньшой братъ, у моря, дастанъ змиля горсть: давай змилю засивдѣть.» Ани приблились х(и)ть кургану, а кругомъ все моря стояла. Полвзъ дьявиль въ моря, схватилъ змиля горсть, да ни вытацилъ — всеё размыла! Разъ слѣзъ, другой, третій слѣзъ.. у четвёртой полвзъ. «Братъ, гаварить Гасподь, снажи: Госпыди Исусъ Христосъ!» Сказалъ дьявиль: Госпыди Исусъ Христосъ! вырнулъ изъ моря и вытацилъ змиля у горсти съ макавыхъ два зирна. «Лѣзъ-жа ницо, этой змиля мада!» — Пастой жа, гаварить самъ сибѣ дьявиль, я заплаю сибѣ за шку змиля: што Гасподь будить дѣлать, я сибѣ тожа слѣлаю. Взялъ Гасподь перехристался, кинулъ змилю на три стороны: слѣлаался на занорью луга, лѣса, роши... рѣваа! «Госпыди, а штожъ за наш труды, каков будить угоженіе?» — Пасажааи мы бѣлый свѣтъ; можеть, тебе будутъ хвалити, инне поминати; я и тѣмъ буду дзволитиъ.

«Ну, Ной, живи на змиля, радися, пладися!» — Госпыди, скоро-жъ ать инне ать аднаво бѣлый свѣтъ карадыцца? Гасподь гаварить: «ты нужика свалай изъ глины, а гасподь изъ пше-нишныва изъ тѣста». Барзой кабелъ стаялъ сзади, схватилъ пше-нишний кошь да бижать: ать Вароняжа да нашива слла всё аднадворцевъ и.

«Госпыди, я насидялъ народу ать Вароняжа ды Куракяна на дѣбети на восемдесять вѣреть. Госпыди, у чомъ-жа намъ жить будить? народу я раснааднаа многа!» Гасподь далъ имъ тапоры, срубилъ имъ избы: «живитя, вотъ вамъ избы!» — Госпыди, на чомъ-жа намъ работать? Далъ Гасподь лошадей. «Да чѣтъ-жа јиё абратать?» Гасподь свизалъ дѣрыть ¹⁾, свизалъ камуть. Вотъ снирва ешбралось члывѣкъ сорыкъ народу абгарити (обружить — см. Опытъ обл. словаря, стр. 131) лопашъ

¹⁾ Мочальная или жерезочная узде (Опытъ обл. словаря, стр. 135).

ды загнать въ хамугъ а тамъ обрыгъ задернуть; стади вни-
ржи, растапырjali хануть да обрыть! Господь пайналь
лошадь, задрѣгъ: «вогъ вамъ, гаварить, изба. лошадь. упряжъ:
живитя да мнне хвалитя! Вогъ мы таперича живѣмъ да и
хвалитя живѣ: «слава тибѣ, Госцили! што усѣ наказалъ». —
(Доставлена П. В. Кирѣевскимъ.)

15. СОЛОМОНЪ ПРЕМУДРОЙ.

Иисусъ Христосъ, послѣ распятія, сошелъ во адъ и всѣхъ
оттуда вывелъ, окромя одного Соломона Премудраго. «Ты,
сказалъ ему Христосъ, самъ вы(й)ди своими мудростями!»
И остался Соломонъ одинъ въ аду; какъ ему выйти изъ аду?
Думалъ-думалъ да и сталъ вить завѣртку. Подходитъ къ
нему маленькой чертенюкъ, да и спрашиваетъ, на что вѣсть
онъ веревку безъ конца? «Много будешь знать, отвѣчалъ Со-
ломонъ, будешь старше дѣда своего сатаны! увидишь на что!»
Селъ Соломонъ завѣртку, да и сталъ разбѣрять ея въ аду.
Чертенюкъ опять сталъ у него спрашивать, на что онъ затъ
разбѣрять? «Вотъ тутъ монастырь поставлю, говоритъ Со-
ломонъ Премудрой; вотъ тутъ церковь соборную.» Чертенюкъ
чопугался, бѣгомъ побѣжалъ и рассказалъ все дѣду своему
сатанѣ, а сатана: взялъ да и выгналъ изъ аду Соломона Пре-
мудраго. (Записана въ орловскомъ уездѣ П. И. Якушкинымъ.)

16. СОЛДАТЪ И СМЕРТЬ.

а. Одинъ солдатъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ, а от-
ставки ему нѣтъ — какъ нѣтъ! Сталъ онъ думать да гадать:
«что такое значить? прослужилъ я Богу и великому государю

двадцать пять лѣтъ, въ штрафѣхъ не бывалъ, а въ отставку не пускаютъ; дай пойду, куды глаза глядятъ!» Думалъ-думалъ и убѣжалъ. Вотъ ходилъ онъ день, и другой, и третій; и повстрѣчался съ Господомъ. Господь его спрашиваетъ: «куда идешь, служба?» — Господи! прослужилъ я двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, вижу: отставки не даютъ — вотъ я и убѣжалъ; иду теперь, куды глаза глядятъ! «Ну, коли ты прослужилъ двадцать пять лѣтъ вѣрою и правдою, такъ ступай въ рай — въ царство небесное.» Приходитъ солдатъ въ рай, видитъ благодать неизрѣченную, и думаетъ себѣ. вотъ когда поживу-то! Ну только ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ: «не продастъ ли кто табаку?» — Какой, служба, табакъ! тутъ рай, царство небесное! Солдатъ замолчалъ. Опять ходилъ онъ, ходилъ по райскимъ мѣстамъ, подошелъ въ другой разъ къ святымъ отцамъ и спрашиваетъ. «не продаютъ ли гдѣ близко вина?» — Ахъ ты, служба-служба! какое тутъ вино! здѣсь рай, царство небесное! . . . . . «Какой тутъ рай: ни табаку, ни вина!» сказала солдатъ и ушелъ вонъ изъ раю.

Идетъ себѣ да идетъ, и попался опять на встрѣчу Господу. «Въ какой, говорить, рай послалъ ты меня, Господи? ни табаку, ни вина нѣтъ!» — Ну, ступай по лѣвую руку, отвѣчаетъ Господь; тамъ все есть! Солдатъ повернулся назадъ, и пустился въ дорогу. Бѣжить нечистая сила: «что угодно, господи, служба?» — Погоди спрашивать; дай прежде мѣсто, тогда и разговаривай. Вотъ привели солдата въ клетку ¹⁾. «А что табакъ есть?» спрашиваетъ онъ у нечистой силы. — Есть, служивой! «А вино есть?» — И вино есть! «Подайвай всего!» Подали ему нечистые трубку съ табаконъ и полштофъ пер-

¹⁾ Вариантъ: въ адъ.

повки. Солдатъ нѣтъ-гуляетъ, трубку покуриваетъ, и радѣ-
конель сталъ: «вотъ взаправду рай — такъ рай!» Да недолге
нагулялъ солдатъ; стали его черти со всѣхъ сторонъ прижи-
нать, тошно ему пришлось! Что дѣлать? пустился на выдумки,
сдѣлалъ сажень, настрогалъ колышковъ и двай жерить: отжѣ-
рить сажень и вобьетъ колышокъ¹⁾). Подскочиль къ нему чертъ:
«что ты, служба, дѣлаешь?» — Развѣ ты ослѣпъ! Не видишь
что-ли? хочю монастырь построить²⁾). Какъ бросится чертъ къ
своему дѣдушкѣ: «погляди-тка, дѣдушка, солдатъ хочеть у насъ
монастырь стронть!» Дѣдъ вскочиль и самъ побѣжалъ къ сол-
дату: «что, говорить, ты дѣлаешь?» — Развѣ не видишь? хочю
монастырь стронть. Дѣдъ испугался и побѣжалъ прямо къ
Богу: «Господи! какого солдата прислалъ ты въ пекло: хочеть
монастырь у насъ постронть!» — А мнѣ что за дѣло! зачѣмъ
такимъ къ себѣ при(ни)заете? «Господи! возьми его отгѣдо-
ва» — А какъ его взять-то! самъ пожелалъ. «Ахти! заво-
пилъ дѣдъ, что-же намъ бѣднымъ съ нимъ дѣлать?» — Сту-
пай, слери съ чертенка кожу и ватли барабанъ, да послѣ
выйди изъ пекла и бей тревогу; онъ самъ уйдетъ!воротился
дѣдъ, пойналъ чертенка, содралъ съ него кожу и натянулъ
барабанъ. «Смотрите же, наказываетъ чертамъ, какъ выска-
чить солдатъ изъ пекла, сейчасъ запирайте ворота крѣпко-
накрѣпко, а то какъ-бы оиать сюда ни ворвался!» Вышелъ
дѣдъ за ворота и забилъ тревогу; солдатъ какъ услыхалъ бара-
банный бой — пустился бѣжать изъ аду сломя голову, словно
бѣшеной; всѣхъ чертей распугалъ, и выскочилъ за ворота.
Только выскочилъ — ворота хлопъ и заперлися крѣпко-на-
крѣпко. Солдатъ осмотрѣлся кругомъ: никого не видать и
тревоги не слышать; пошелъ назадъ и давай стучаться въ пек-

¹⁾ Вар. Взялъ шнуръ, вынулъ изъ ранца кусокъ жѣлу, навѣялъ шнуръ и
сталъ разиѣрять пекло.

²⁾ Вар. Хочю соборъ постронть: придетъ табель, покуда я въ парадъ идти!

ло: «отворите скорѣе! кричить во все горло, ни то ворота сломаю!» — Нѣтъ, братъ, не сломаешь! говорятъ черти. Ступай себѣ, куда хочешь, а мы тебя не пустимъ; мы и такъ наслау тебя выжили!

Повѣсилъ солдатъ голову и побрѣлъ, куда глаза глядятъ. Шелъ-шелъ, и повстрѣчалъ Господа. «Куда идешь, служба?» — И самъ не знаю! «Ну, куда, я тебя дѣну? послалъ въ рай — не хорошо! послалъ въ адъ — и тамъ не ужился!» — Господи, поставь меня у свонтъ дверей на часахъ. «Ну, становись.» Сталъ солдатъ на часы. Вотъ пришла Смерть. «Куда идешь?» спрашиваетъ часовой ¹⁾. Смерть отвѣчаетъ: «иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ». — Погоди, я пойду спрошу. Пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года морила самой старой людъ. Солдатъ думаетъ себѣ: «эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморить; вѣдь они старики». Вышелъ и говорить Смерти: «ступай по лѣсамъ и три года точи самые старые дубы» ²⁾. Заплакала Смерть: «за что Господь на меня прогнѣвался? посылаетъ дубы точить!» И побрѣлъ по лѣсамъ, три года точила самые старые дубы; а какъ изшло время — веротилась опять къ Богу за повелѣніемъ. «Зачѣмъ притаивалась?» спрашиваетъ солдатъ. — За повелѣніемъ, кого морить Господь прикажетъ. «Погоди, я пойду спрошу.» Опять пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла, кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года морила молодой народъ ³⁾. Солдатъ думаетъ себѣ: «эдакъ, по-

¹⁾ *Вариантъ*: Поставилъ Богъ солдата у райскихъ дверей: «смотри, приказываетъ никого не пропускай!» — Слушаю, старого солдата нечего учить. Вотъ стоитъ онъ на часахъ, никого не пропускаетъ. Идетъ Смерть. «Куда идешь?» окликаетъ солдатъ. — Смерть. «Куда?» — Къ Богу. «Зачѣмъ?»

²⁾ *Вар.* Грызла старой лѣсъ, которой сто лѣтъ на корню простояла

³⁾ *Вар.* срединки людей.

жалуй, она братьевъ моихъ уморить!» Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай опять по тѣмъ-же лѣсамъ и жѣлыхъ три года точи молодые дубы ¹⁾; такъ Господь приказалъ!» — За что это Господь на меня прогнѣвался! Заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года точила всё молодые дубы — а какъ изшло время — идетъ къ Богу, едва ноги тащить. «Куда?» спрашиваетъ солдатъ. — Къ Господу за повелѣнiемъ, кого морить прикажетъ. «Погоди, я пойду спрочу.» Опять пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобъ три года младенцевъ морила. Солдатъ думаетъ себѣ: «у моихъ братьевъ есть ребята; этакъ, пожалуй, она ихъ уморить!» Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай опять по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года гложи самые малые дубки». — За что Господь меня мучаетъ! заплакала Смерть и пошла по лѣсамъ, три года глодила самые что ни есть малые дубки; а какъ изшло время — идетъ опять къ Богу, едва ноги перелопачиваетъ ²⁾. «Ну теперь хоть полдерусь съ солдатомъ, а сама дойду до Господа! за что такъ девять лѣтъ онъ меня наказуетъ?» Солдатъ увидѣлъ Смерть и окликаетъ: «куда идешь?» Смерть молчитъ, лѣзетъ на крыльцо. Солдатъ ухватилъ ее за шиворотъ, не пускаетъ. И подняли они такой шумъ, что Господь услышалъ и вышелъ: «что такое?» Смерть упала въ ноги: «Господи! за что на меня прогнѣвался? мучилась я жѣлыхъ девять лѣтъ: всё по лѣсамъ таскалась, три года точила старые дубы, три года точила молодые дубы, а три года глодила самые малые дубки... еле ноги таскаю!» — Это всё ты! сказалъ Господь солдатъ. «Виноватъ, Господи!» — Ну, ступай-же за это, носи девять лѣтъ Смерть на закортышкахъ! (на плечать. — см. Слов. Росс. Акад.)

¹⁾ Вар. гриза средней лѣсъ.

²⁾ Вар. Идетъ чуть инная; только вѣтеръ подуетъ — такъ отъ лѣтру вылетса!

Засла Смерть на солдата верхомъ. Солдатъ — дѣлать нечего — повѣзъ ее на себѣ, вѣзъ-вѣзъ и умирится; вытащилъ рожокъ съ табакомъ и сталъ нюхать. Смерть увидала, что солдатъ нюхаетъ, и говоритъ ему: «служивой, дай мнѣ понюхать табачку». — Вотъ-те на! полѣзай въ рожокъ да и нюхай, сколько души угодно. «Ну, отвори-ка свой рожокъ!» Солдатъ открылъ, а только Смерть туда влѣзла — онъ въ ту-жъ минуту закрылъ рожокъ и заткнулъ его за голенища ¹⁾. Пришелъ опять на старое мѣсто и сталъ на часы. Увидалъ его Господь и спрашиваетъ: «а Смерть гдѣ?» — Со мною. «Гдѣ съ тобою?» — Вотъ здѣсь за голенищемъ. «А ну, покажи!» — Нѣтъ, Господи, не покажу, пока девять лѣтъ не выйдетъ; шутка ли еѣ носить на закуртышкахъ! вѣдь она не легка! «Покажь, я тебя прощамъ!» Солдатъ вытащилъ рожокъ и только открылъ его — Смерть тотчасъ и слѣла ему на плеча. «Слѣзай, коли не сумѣла влѣзть!» сказалъ Господь. Смерть слѣзла. «Умори-же теперь солдата!» приказалъ ей Господь и пошелъ — куда зналъ.

«Ну, солдатъ! говоритъ Смерть, слышалъ — тебя Господь велѣлъ уморить!» — Чтожь? надо когда-нибудь умирать! дай только мнѣ исправиться. «Ну, исправься!» Солдатъ надѣлъ чистое бѣлье и притащилъ гробъ. «Готовъ?» спрашиваетъ Смерть. — Совѣсь готовъ! «Ну, ложись въ гробъ!» Солдатъ легъ спиной къ верху. «Не такъ!» говоритъ Смерть. — А какъ же? спрашиваетъ солдатъ — и улегся на бокъ. «Да всё не такъ!» — На тебя и умереть-те не угодишь! — и улегся на другой бокъ. «Ахъ, какой ты, право! развѣ не видалъ, какъ умирають?» — То-то и есть, что не видалъ! «Ну-

¹⁾ Вар. Велѣлъ Господь солдату кормить Смерть орѣхами, чтобъ она поправилась. Пошелъ солдатъ съ нимъ въ лѣсъ, и распоролъ: «ты де не влѣзши въ пустой орѣхъ!» Смерть сдуру и влѣзла, а солдатъ заткнулъ дырочку (въ орѣхѣ) козырькомъ, спряталъ орѣхъ къ карману, и пошелъ на старое мѣсто.

сти, а тебѣ покажу.» Солдатъ выскочилъ изъ гроба а Смерть легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ крышку, накрылъ поскорѣе гробъ и наколотилъ на него желѣзные обручи; какъ наколотилъ обручи — сейчасъ-же поднялъ гробъ на плеча и стащилъ въ рѣку. Стащилъ въ рѣку, воротился на прежнее мѣсто и сталъ на часы. Господь увидалъ его и спрашиваетъ: «Гдѣ же Смерть?» — Я пустилъ ее въ рѣку. Господь глянулъ — а она далеко плыветъ по водѣ. Выпустилъ ее Господь на волю. «Чтожь ты солдата не уморил?» — Вишь, онъ какой хитрой! съ нимъ ничего не слѣдаешь. «Да ты съ нимъ долго не разговаривай; пойдн и уморн его!» Смерть пошла и уморила солдата.

В. Жилъ да былъ одинъ солдатъ, и зажилъ онъ долго на свѣтѣ, по-просту сказать — чужой вѣкъ сталъ забѣдать. Сверстники его по-немногу отпраиваются на тотъ свѣтъ, а солдатъ себѣ и ухомъ не ведеть, знай себѣ таскается изъ города въ городъ, изъ мѣста въ мѣсто. А по правдѣ сказать-не солдатъ: Смерть давно на него зубы точила. Вотъ приходитъ Смерть къ Богу и просить у него позволенія взять солдата: долго де зажилъ на свѣтѣ, пора де ему и честь знать, пора и умирать! Позвоилъ Богъ Смерти взять солдата.

Смерть слетѣла съ небесъ съ такою радостію, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Остановилась у избушки солдата и стучится. «Кто тутъ?» — Я. «Кто ты?» — Смерть. «А! зачѣмъ пожаловала? я умирать-то не хочу.» Смерть разсказала солдату все, какъ слѣдуетъ. «А! если ужъ Богъ велѣлъ, такъ другое дѣло! противъ воли Божіей нельзя идти. Тащи гробъ! Солдатъ на казенный счетъ всегда умираетъ. Ну, поворачивайся, беззубая!» Смерть притащила гробъ и поставила посреди избы. «Ну, служивый, ложись; когда-нибудь

нзю-же ужирать» — Не растабарыная вняю я вашето брата не надуешь. Ложись-на прежде сама «Канъ сама?» — Да тааъ. Я безъ артикула вичего не ривыкъ дѣлать; что начальство понажотъ фруить — что ли тааъ, аль другое что. — то и дѣлаешь. Ужь такъ привыкъ, сударка моя! не перучиваться же мнѣ старенскъ сталъ! Смерть поморщилась и ползала въ гробъ. Только что расположилась она въ гробу, какъ слѣдуетъ, — солдатъ воаъня да и наклонни гробъ-то крышкой, завязалъ веревкой и бросилъ въ море. И долго, долго носилась Смерть по волнамъ, пока ни разбило бурей гроба, въ которомъ она лежала.

Первымъ дѣломъ Смерти, какъ только она получила свободу, опять была просьба къ Богу, чтобъ позволилъ ей взять солдата. Богъ далъ позволеніе. Снова пришла Смерть къ солдатской избушкѣ и стучится въ двери. Солдатъ узналъ свою прежнюю гостью, и спрашиваетъ: «что нужно?» — Да я за тобой, дружище! теиерь не вывернешься. А врешь, старая чертовка! не вѣрю я тебѣ. Пойдемъ вмѣстѣ къ Богу.» — Пойдемъ Подожди, мундиръ натану.» Отправились въ путь. Дошли до Бога; Смерть хотѣла было идти впередъ, да солдатъ не пустилъ: «ву куда ты лѣзешь? какъ смѣешь ты безъ мундира... идти? Я найду впередъ, а ты жди!» Вотъ воротился солдатъ отъ Бога. «Что, служивый, правду я сказала?» спрашиваетъ Смерть. Врешь, солгала немного. Богъ велѣлъ тебѣ прежде еише лѣса подстригать да горы ровнять; а потомъ и за меня приниматься. И солдатъ отправился на земниа квартиры вольнымъ шагомъ, а Смерть осталась въ страшномъ горѣ. Шутка ли! развѣ жала работа — лѣса подстригать да горы ровнять? И много, много лѣтъ трудилась Смерть за этой работой, а солдатъ жилъ себѣ да жилъ.

Наконецъ и въ третій разъ пришла за солдатомъ Смерть, и нечаялъ ему было отговориться: пошелъ солдатъ въ адъ:

Пришелъ и видать, что народу многое множество. Омъ то толчкомъ, то бочкомъ, а гдѣ и ружье на перевязь, и добрался до самаго сатаны. Посмотрѣлъ на сатану и побрѣлъ искать въ аду угозна, гдѣ бы ему расположиться. Вотъ и нашелъ; тотчасъ наколотилъ въ стѣну гвоздей, развѣсилъ аммуницію и закурилъ трубку. Не стало въ аду прохода отъ солдата; не пускаетъ никого мимо своего добра: «не ходить! вишь, казенныя вещи лежать; а ты, можетъ, на руку нечистъ. Здѣсь всякаго народу много!» Велятъ ему черти воду носить, а солдатъ говорить: «я двадцать пять лѣтъ Богу и великому государю служилъ, да воды не носилъ; а вы съ чего это вздумали... Убирайтесь-ка къ своему дѣдушкѣ!» Не стало чертямъ житья отъ солдата; хотъ бы выжить его изъ ада, такъ не идетъ: «миѣ, говоритъ, и здѣсь хорошо!» Вотъ черти и придумали штуку: натянули свиначью кожу, и только улегся солдатъ спать — какъ забилъ тревогу. Солдатъ вскочилъ да бѣжать; а черти сейчасъ за нимъ двери и притворили, да такъ себѣ обрадовались, что надули солдата!... И съ той поры таскался солдатъ изъ города въ городъ, и долго еще жилъ на бѣломъ свѣтѣ, — да вотъ какъ-то на прошлой недѣлѣ только померъ. (Записана въ Нижнемъ-Новгородѣ.)

с. Служилъ солдатъ Богу и великому государю цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, выслужилъ три сухаря и пошелъ домой на родину. Шелъ-шелъ и крѣпко задумался: «Господи Боже ты мой! служилъ я царю двадцать пять лѣтъ, былъ сытъ и одѣтъ; а теперь до чего дожилъ? и голоденъ, и холоденъ; только и есть что три сухаря». А на встрѣчу ему убогой нищій и просить милостишку. Солдатъ отдалъ нищему одинъ сухарь, а себѣ оставилъ два. Пошелъ дальше; немного погода попадается ему другой нищій, кланяется и просить мило-

стижку. Солдатъ подалъ и этому сухарю, и остался у него одинъ. Опять пошелъ дальше своей дорогою, и повстрѣчалъ третьяго «нищяге: кланяется ему старецъ и проситъ милостяжку. Вынулъ солдатъ послѣдній сухарь и думаетъ: цѣлой дать — самому не останется; половинку дать — пожалуй, сойдется этотъ старецъ съ прежними нищими, увидятъ у нихъ по цѣлому сухарю и обидятся; лучше отдамъ ему весь, а самъ обойдусь кой какъ! Отдалъ послѣдній сухарь, и остался ни при чемъ. Вотъ старецъ и спрашиваетъ его: «скажи, доброй человекъ, чего желаешь, въ чемъ нуждаешься? я тебѣ помогу». — Богъ съ тобой! отвѣчаетъ солдатъ; съ тебя, старичекъ, взять нечего ты самъ человекъ убогой. «Да ты не смотри на мое убожество; только скажи, чего желаешь, — а я ужъ награжу тебя за твою добродѣтель.» — Мнѣ ничего не надо: а коли есть у тебя карты, такъ подари на память. Старецъ вынулъ изъ за пазухи карты и даетъ солдату: «возьми, говоритъ; съ кѣмъ ни станешь играть въ эти карты — всякаго обыграешь; да вотъ на тебѣ и торбу: что ни встрѣтишь на дорогѣ, звѣря ли, птицу ли, и захочешь поймать, — только распахни торбу и скажи: ползай сюда, звѣрь или птица! и все сдѣлается по твоему»¹⁾. — Спасибо, сказала солдатъ, взявъ карты и торбу, и поплѣлся въ путь-дорогу.

¹⁾ *Вариантъ 1.* Служилъ солдатъ двадцать пять лѣтъ и выслужилъ три денежки. Идетъ на родину, а на встрѣчу ему самъ Господь съ двѣнадцатымъ апостоломъ. Подходитъ Христосъ въ нищенскомъ образѣ и проситъ милостяжку. «Чтожь тебѣ подать, старичекъ, говоритъ солдатъ; хлѣба у меня нѣтъ ни куска, вотъ тебѣ денежка — прими Христа ради!» Помогъ солдатъ своей дорогой, а Господь зашелъ впередъ, повстрѣчалъ его и спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего желаешь?» Апостолы говорятъ: «проси, солдатъ, царства небоснаго!» А онъ въ отвѣтъ: «я двадцать пять лѣтъ служилъ своимъ умомъ, и теперь не хочу слушать чужаго разуму! Дай мнѣ, говорить, кيسеть табаку». Далъ ему Господь кисеть табаку. На другой день идетъ Христосъ и по прежнему проситъ у солдата милостяжку; отдалъ ему

Шелъ близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, и пришелъ къ озеру, а на томъ озерѣ плавають три дикіе гуси. Вотъ солдатъ и задумалъ: «дай-ка я торбу свою попробую!» Вынулъ её, распакинулъ и говоритъ: «эй, вы дикіе гуси! полетайте въ мою торбу.» И только выговорилъ эти слова — какъ слыжась гуенъ съ озера и прилетѣли прямо въ торбу. Солдатъ завязалъ торбу, поднялъ на плечѣ и пустился въ дорогу. Шелъ-шелъ, и пришелъ въ городъ. Забрался въ трактиръ и говоритъ хозяину: «возьми этого гуса и зажарь мнѣ къ ужину, а другога гуса отдаю тебѣ за хлопоты, а третьяго прожъвай мнѣ на водку». Вотъ солдатъ сидитъ себѣ въ трактирѣ да

сидитъ и другую денежку. Пошелъ солдатъ своей дорогой, а Господь зашелъ впередъ, на встрѣчу ему, и опять спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего желаешь?» — Прси царства небеснаго! говорятъ апостоламъ. «Не дочу жить чужимъ умомъ, отвѣчалъ солдатъ; дай мнѣ кошель съ деньгами.» Далъ ему Господь кошель съ деньгами. На третій день идетъ Христось и опять проситъ у солдата милостину: отдай ему солдатъ и послѣднюю заслуженную денежку. И въ третій разъ зашелъ Господь ему на встрѣчу и спрашиваетъ: «скажи, служивой, чего желаешь?» — Прси царства небеснаго! говорятъ апостоламъ. «Что вы учите! сердито закричалъ солдатъ; сказали вамъ, что не дочу чужимъ умомъ жить — и не приставайте! Вишь, своимъ умомъ-то я выпросилъ выскетъ табаку да кошель денегъ, и сколько табаку ни курю, сколько денегъ ни беру — все не убываетъ!» Была у солдата порожняя сумъ, вотъ онъ ее хватилъ, и говоритъ Христу: «пуцай по моему слову будетъ она полна, чѣмъ пожелаю!» — Ну, пуцай! сказалъ Христось, и пошелъ съ апостолами своей дорогой.

Вариантъ 2. Выслужилъ солдатъ три сухаря и пошелъ домой. Идетъ, а на встрѣчу ему Господь съ апостолами Петромъ. «Служивой, дай чего-нибудь перекусить намъ!» Солдатъ далъ имъ по сухарю, себѣ оставилъ третій. «Спасибо!» — и пошли они въ разныя стороны. Вотъ Господь и говоритъ апостолу Петру: «ступай, нагоня солдата и спроси, чего отъ Бога желаетъ?» Нагоняетъ апостолъ Петръ солдата, а солдатъ увидаль его и кричать: «что, братъ, ахъ за третьимъ сухаремъ идешь? У самого одинъ остался, и де проси — не дамъ!» — Вѣтъ, служивой! скажи-ка, чего ты отъ Бога желаешь? «Чего желаю? да только колоду картъ, да еще коли на что погляжу и выволаю: по Господневу слову полѣзай въ раницу! — чтобъ всё туда и лѣзло.»

угаеется: вынуть вина да гусень и закунуть. И адуналось ему посмотреть въ окошко: стоять на другой стороне большой дворець. только во всеи дворець нить ни одвего стена цѣлаго. «Послушай, сирашиваетъ оиъ хозяинна. что это за дворець и отчего пустой стоять?» — Да види, говорить хозяинн. царь нашъ выстроялъ себѣ этотъ дворець, только жить-то въ немъ нельзя; вотъ ужъ семь лѣтъ пустуетъ! всѣхъ нечистая сила выгоняетъ! Кажкую ночь собирается тамъ чертовское соимнище. шумитъ, пляшетъ, въ карты играетъ и всякія сиверны творить. Вотъ солдатъ пешель къ царю. «Ваше царское величество! позволъ, говорить, нитъ въ твоеиъ пороженнѣ дворець одну ночь переночевать.» — Что ты, служба! говорить ему царь; Богъ съ тобою! ужъ были такіе смѣльчаки. брались переночевать въ знтоиъ дворець, да ни одинъ живой не ворочался! «Небось, русской солдатъ ни въ водѣ не тонеть, ни въ огнѣ не горить. Служилъ я Богу и великому государю двадцать пять лѣтъ, да не умеръ; а то за одну ночь у тебя помру!» — Я-жъ тебѣ говорю: поидеть гуа съ вечера живой человекъ, а утроиъ однѣ косточки найдутъ. Солдатъ стоять на своемъ: пусти да пусти его во дворець. «Ну, говорить царь, ступай съ Богомъ, почуй, коли хочешь; я съ тебя воли не снимаю.»

Пришелъ солдатъ во дворець и расположился въ самой большой комнатѣ; сивалъ съ себя ранецъ и саблю, ранецъ поставилъ въ уродокъ, а саблю на гвоздикъ повѣсилъ; сѣлъ за столъ, вынулъ кисеть съ табакомъ, набилъ трубку—и покуриваетъ себѣ. Вотъ ровно въ двѣнадцать часонъ—откуда что взалось — набѣжало во дворець чертей видимо невидимо; поднался гамъ. крикъ, плясъ, музыка. «А я ты, служивой здѣсь! закричала черти. Занѣмъ пожаловалъ? Не хочешь ли поиграть съ нами въ карты?»—Отъ чего не хотѣтъ! только чуръ играть моими квертами. Сейчасъ вынулъ свои карты и ну сдавать.

Стали играть; разъ сыграли—солдаты выиграть, въ другой — опять солдаты выиграть; сколько ни ухитрились черти, а всё деньги спустили солдату: онъ знаетъ себя заграбаетъ! «Постой, служивой, говорить черти; есть у насъ еще шестьдесятъ четвериковъ серебра да сорокъ золота, давай-ка играть съ тобою на это серебро и золото!»—и посылаютъ они налаго чертёнка таскать серебро. Стали снова играть, солдаты все обыгрываютъ: ужъ чертёнокъ таскалъ-таскалъ, все серебро перетаскалъ, и говорить старому дьяволу: «дѣдушка, больше вѣту!»—Таскай, пострѣль, золото! Вотъ онъ таскалъ-таскалъ золото, цѣлой уголь завалилъ, а толпу все вѣту, все солдаты обыгрываетъ. Жалко стало чертишь своихъ денегъ; вотъ они и давай приступать къ солдату, да какъ заревутъ: «разорвемъ его, братцы! съядимъ его!» — Еще посмотришь, кто кого съестъ! говорить солдаты, схватилъ торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «а это что?»—Торба, говорить черти. «А ну, по Божьему слову, ползайте въ торбу!» Только сказалъ—и ползали черти въ торбу; да и много-жъ набралось ихъ, чуть не давятъ другъ дружку! Солдаты завязалъ торбу покрѣпче и повѣсилъ на стѣнку, на гвоздь; а самъ улегся спать.

Поутру посылаетъ царь своихъ людей: «ступайте, провѣдайте—что съ солдатами дѣется? Если пропалъ отъ нечистой силы, такъ пряберите его косточки!» Вотъ и пошлн; приходятъ во дворецъ—а солдаты весело по горницамъ похаживаютъ да трубочку покуриваютъ. «Здорово, служивой! не чаяла увидать тебя живаго! Ну, какъ ночевалъ, какъ съ чертями поладилъ?»—Что черти! вы посмотрите-ка, сколько я серебра да золота у нихъ выигралъ, вишь какія кучи! Посмотрѣли царскіе люди и вадивовались, а солдаты имъ наказываютъ: «приведите, братцы, да пожгите двухъ кузнецовъ, да чтобъ захватили съ собой желѣзную плиту и молоты». Тѣ бѣгѣмъ бросились въ кузницу, и живо справили дѣло. Прислалъ кузнецы съ

железной плитой, съ тяжелыми молотами. «Ну-ка, говорить солдатъ, снимите эту торбу да приударьте её по кузнешному.» Стали кузнецы снимать торбу и говорить проежь собой: «миш какая тяжелая! черти—что-ли въ ней напханы!» А черти откликаются: «мы батюшки! мы, родимые!» Сейчас положили кузнецы торбу на железную плиту и давай молотами постукивать, словно желъзо куютъ. Жутко пришлось чертямъ, не въ ногу стало тереть: «смилуйся! заорали; выпусти, служивой, на вольной свѣтъ, по вѣкъ тебя не забудемъ; а ужъ въ этотъ дворець-ни одинъ чортъ ни ногой... всѣмъ закажемъ, за сто верстъ отъ него будемъ бѣгать!» Солдатъ остановилъ кузнецовъ, и только развазалъ торбу — черти такъ и прыгнули, и пустились безъ оглядки въ тартарары — въ преисподнюю. А солдатъ не промахъ, хватилъ одного стараго чорта, разрѣзалъ ему лану до крови: «подавай, говорить, росписку, что будешь мнѣ вѣрно служить!» Нечистой написалъ ему въ томъ росписку своюю кровью, отдалъ и наострилъ лыжи. Прибѣжали черти въ пекло, переполошили всю нечистую силу—и старыхъ, и малыхъ; сейчасъ разставили кругомъ пекла часовыхъ и крѣпко-накрѣпко приказали караулить, чтобъ какъ-нибудь ни пробрался туда солдатъ съ торбою.

Пришелъ солдатъ къ царю. Такъ и такъ, говорить, очистилъ дворець отъ дьявольскаго навожденія. «Спасибо, говорить ему царь; оставайся жьть у меня, стану тебя замѣсто брата почитать.» Остался солдатъ при царѣ жьть ¹⁾; всего у

¹⁾ *Вариантъ 1:* Жилъ-жилъ, и пришло ему время умирать. Посылаетъ Господь ангеловъ вынуть его душу. Вотъ ангелы взяли солдатскую душу, понесли по митарствамъ, и спрашиваютъ у Бога: куда прикажетъ эту душу—въ рай или адъ? «Посадите ее въ муку вѣчную, сказалъ Господь; она сама отказалась отъ царства небеснаго!» Посадилъ солдата въ муку вѣковѣчную. Вотъ онъ осморгнулся и видитъ: висятъ кругомъ котлы съ горичею смолою, а въ котлахъ грѣшныя души мучатся, плачутъ и скрежещутъ зубами. Обступая солдата черти: «ну, служивой, пора и тебѣ въ котель отправляться!» — Въ меня

яго вдоволь, денегъ куры не клюютъ, и задумалъ онъ жениться. Оженился, а черезъ годъ послѣ того далъ ему Богъ сына. Вотъ и приключилась этому мальчику хворь, да такая — не можетъ никто вылѣчить; ужъ сколько лѣкарей перебывало, а толку нѣтъ ни на грошъ. И вздумалъ солдатъ про того стараго чорта, что далъ ему росписку, а въ роспискѣ написалъ: вѣчно де буду тебѣ вѣрнымъ слугою; вздумалъ и говорить: «куда-то мой старой чортъ дѣвался?» Вдругъ явился передъ

котломъ не страшайте, а давайте-ка лучше играть въ карты. «Нѣтъ, братъ, можно! мы съ тобой играть не станемъ.»—А вотъ-же врите; станете играть, только торбу ваязъ показать... «Ншшто она съ тобою?»—Со мною. Перепугались черти: «давай, служивой, карты!» Вотъ и стали они играть на грѣшныя души. Солдатъ обыгралъ. «Ну, теперь ты здѣсь хозяинъ!» сказали ему черти. А онъ тому и радъ, повыпускалъ изъ котловъ всѣ грѣшныя души, построилъ ихъ по-солдатски въ три шеренги, и повелъ прямо къ райскимъ дверямъ. «Отпирай ворота!» кричить солдатъ. Апостолъ Петръ говорить: «постой, найду у Бога спрошу.»—О чемъ-же ты прежде думалъ? Пошелъ апостолъ Петръ къ Богу: «Господи! говорить, пришелъ къ райскимъ дверямъ солдатъ и привелъ съ собой изъ пекла многое множество грѣшныхъ душъ.»—Прими отъ него по счету, а самаго не пушай въ рай. Вотъ апостолъ Петръ отперъ райскія двери и сталъ принимать души—всѣ по одной. А солдатъ: «эхъ, братъ, ты и считать не умѣешь! а ты вотъ какъ считаешь: разъ, два, три—ступай туды! разъ, два, три—и я туды!»—и полѣзъ было въ рай; апостолъ Петръ схватилъ его за руку: «нѣтъ, говорить, погоди! ты самъ не пожелаешь себѣ царства небеснаго, на себя и цени!»

Вариантъ 2: Посадилъ солдатъ въ адъ, увидалъ онъ у чорта два большіе ключа и спрашиваетъ: «что это за ключи?»—Одинъ отъ котла, другой отъ холодной горницы. «А тамъ что?» Въ котлѣ кипятъ грѣшныя души, а въ холодной горницѣ мерзнутъ. «Давай играть въ карты на эти ключи!»—Давай! Солдатъ выигралъ ключи и повыпускалъ на волю всѣ грѣшныя души. Пришелъ чортъ: «служивой! куда дѣвался ты грѣшныя души?» Солдатъ показывается себѣ на грудь и говорить: «вотана грѣшная душа!» Любѣжалъ чортъ къ своимъ товарищамъ: «ну, братцы! солдатъ всѣ грѣшныя души похѣлъ! пожалуй, и до насъ доберется». И тутъ-же выснали его изъ пекла. Собралъ солдатъ всѣхъ выпущенныхъ изъ котла и холодной горницы грѣшниковъ и повелъ въ царство небесное. «Кто ѣдетъ?» спрашиваетъ солдата.—Я съ грѣшными душами. «Сюда грѣшныхъ не принимаютъ; здѣсь рай!»—Знаю, что край; отъ того и не йду дальше.....

нимъ тотъ самой чортъ и спрашиваетъ: «что твоей милости угодно?»—А вотъ что: захворалъ у меня сынниша, не знаешь ли—какъ-бы его вылѣчить? Чортъ вытащилъ изъ кармана стаканъ, налилъ его холодной водою, поставилъ хворому въ головахъ и говоритъ солдату: «ходи-ка, посмотри на воду». Солдатъ смотритъ на воду, а чортъ его спрашиваетъ: «ну, что видишь?» — Я вижу: въ ногахъ у моего сына стоитъ Смерть. «Ну, коли въ ногахъ стоитъ, то будетъ здоровъ; а если бы Смерть въ головахъ стояла—то непримѣнно бы померъ!» Потомъ берётъ чортъ стаканъ съ водою и брызнулъ на солдатскаго сына, и въ ту-же минуту онъ здоровъ сдѣлался. «Подари мнѣ этотъ стаканъ, говоритъ солдатъ, и больше ничего отъ тебя не надо!» Чортъ подарилъ ему стаканъ, а солдатъ воротилъ назадъ росписку. Сдѣлался солдатъ знахаремъ, сталъ лѣчить и бояръ, и генераловъ; только посмотритъ въ стаканъ — и сейчасъ скажетъ: кому помереть, кому выздороветь.

Случилось самому царю захворать; призвали солдата. Вотъ онъ налилъ въ стаканъ холодной воды, поставилъ царю въ головахъ, поглядѣлъ—и видитъ, что Смерть тутъ-же въ головахъ стоитъ. И говоритъ солдатъ: «ваше царское величество! никто тебя не сможетъ вылѣчить, Смерть въ головахъ ужъ стоитъ; всего на всего только три часа и осталось тебѣ жить!» Царь услышалъ эти рѣчи и сильно на солдата озлобился: «какъ такъ? закричалъ на него, ты многихъ бояръ и генераловъ вылѣчивалъ, а меня не хочешь? сейчасъ прикажу казнить тебя смертію!» Вотъ солдатъ думалъ-думалъ: что ему дѣлать? и началъ просить Смерть: «отдай, говоритъ, царю мой вѣкъ, а меня умори; все равно придется мнѣ помереть—такъ ужъ лучше помереть своею смертію, чѣмъ лютую казнь претерпѣть!» Посмотрѣлъ въ стаканъ, и видитъ, что Смерть стоитъ у цара въ ногахъ. Тутъ солдатъ взялъ воду и сбрызнулъ царя: сталъ

онъ совершенно здоровъ. «Ну, Смерть! говоришь солдатъ, дай мнѣ сроку хоть на три часа, только домой сходить да съ женой и сыномъ проститься.»—Ступай! отвѣчаетъ Смерть. Пришелъ солдатъ домой, легъ на кровать и крѣпко разболѣлся. А Смерть ужь около него стоитъ: «ну, служивой! прощайся сморѣе, всего три минуты осталось тебѣ жить на свѣтѣ». Солдатъ потянулся, досталъ изъ-подъ головъ свою торбу, распахнулъ и спрашиваетъ: «что это?» Смерть отвѣчаетъ: «торба».—Ну, коли торба, такъ пользай въ нее! Смерть прямо въ торбу и *шуренула*. Солдатъ—куда и хворь дѣвалась—вскочилъ съ постели, завязалъ торбу крѣпко-пакрѣпко, взвалилъ ее на плеча и пошелъ въ лѣса Брянскіе, дремучіе. Пришелъ и повѣсилъ эту торбу на горькой осинѣ, на самой вершинѣ, а самъ воротился домой.

Съ той поры не сталъ народъ помирать: рожаться—рожается, а не умираетъ! Вотъ прошло много лѣтъ, солдатъ все торбы не снимаетъ. И случилось ему идти по городу. Идетъ, а на встрѣчу ему эдакая древняя старушка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту сторону и валется. «Види какая старуха! сказалъ солдатъ; чай, давно ужь помирать пора!»—Да, батюшка! отвѣчаетъ старушка, мнѣ давно помереть пора,—еще въ тоѣ время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житья моего на бѣломъ свѣтѣ одинъ только часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не принимаетъ, а тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощенный грѣхъ! вѣдь ни одна душа на свѣтѣ также, какъ я, мучится!—Вотъ солдатъ и сталъ думать: «видно, надобно выпустить Смерть-та; ужь пускай уморитъ меня... И безъ того на мнѣ грѣховъ много; такъ лучше теперь, пока еще силенъ, отмучуюсь на томъ свѣтѣ; а какъ сдѣлаюсь крѣпко-старъ, тогда хуже будетъ мучиться». Собрался и пошелъ въ Брянскіе лѣса. Подходить къ осинѣ и видитъ: виситъ торба высоко-высоко и качается ея вѣтромъ въ разны

стороны. «А что, Смерть, жива?» спрашивает солдатъ. Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «жива, батюшка!» Снявъ солдатъ торбу, развязавъ и выпустивъ Смерть, и самъ лёгъ на кровать, прощается съ женою и сыномъ, и просить Смерть, чтобъ уморила его. А она бѣгомъ за двери, давай Богъ ноги: «пушай, кричить, тебя черти уморать, а я тебя морить не стану!»

Остался солдатъ живъ и здоровъ, и вздумалъ: «пойду-ка я прямо въ пекло; пушай меня черти бросать въ кипучую смолу и варять до тѣхъ поръ, покуда на мнѣ грѣховъ не будетъ». Простился со всеми, и пошелъ съ торбою въ рукахъ прямо въ пекло. Шелъ онъ блиско ли—далеко, низко ли—высоко, мелко ли—глубоко, и пришелъ таки въ преисподнюю. Смотритъ, а кругомъ пекла стоятъ часовые. Только онъ къ воротамъ, а чертъ спрашиваетъ: «кто идетъ?»—Грѣшная душа къ вамъ на мученіе. «А это что у тебя?»—Торба. Заоралъ чертъ во все горло, ударили тревогу, сбѣжалась вся нечистая сила, давай запираетъ все двери и окна крѣпкими запорами. Ходитъ солдатъ вокругъ пекла и кричитъ князю пекельному: «пусти, пожалуств, меня въ пекло; я пришелъ къ вамъ за своимъ грѣхъ мучиться». —Нѣтъ, не пушай! ступай, куда знаешь; здѣсь тебѣ мѣста нѣту. «Ну, коли не пушаешь меня мучиться, то дай мнѣ двѣсти грѣшныхъ душъ; я поведу ихъ къ Богу, можетъ—Господь и проститъ меня за это!» Князь пекельный отвѣчаетъ: «я тебѣ еще отъ себя прибавлю душъ пятьдесятъ, только уходи отсюда!» Сейчасъ велѣлъ отсчитать двѣсти пятьдесятъ душъ и вывести въ задніе ворота, такъ чтобы солдатъ не увидѣлъ. Сказано, сдѣлано. Забралъ солдатъ грѣшныя души и повелъ къ самому раю. Апостолы увидали и доложили Господу: «такой-то солдатъ двѣсти пятьдесятъ душъ въ пекла привелъ». —Примите ихъ въ рай, а солдата не пушайте. Только солдатъ отдалъ одной грѣшной душѣ свою торбу и прика-

зая: «смотри, какъ войдешь въ райскіе двери—сейчасъ скажи: полюбай, солдатъ, въ торбу!» Вотъ райскіе двери отворились, стада входить туда души, вошла и грѣшная душа съ торбою, да о солдатѣ отъ радости и забыла. Такъ солдатъ и остался, ни въ одно мѣсто не угодилъ. И долго послѣ того онъ желъ-жилъ на бѣломъ свѣтѣ, да вотъ только на дняхъ померъ. — (Всѣ замѣствованы изъ собранія В. И. Дала.)

17. В И Д Ъ Н І Е.

а. Шель прохожій и выпросился вочевать къ одному дворнику. Накормили его ужиномъ, и улегся онъ спать на лавочку. У этого дворника было три сына, всѣ женатые. Вотъ послѣ ужина разошлись оны съ женами спать въ особыя клѣткы, а старикъ-хозяинъ избрался на печку. Прохожій проснулся ночью и увидалъ на столѣ разной гадъ; не стерпѣлъ такой срамоты, вышелъ изъ избы вонъ и зашелъ въ ту клѣтку, гдѣ спалъ большой хозяйской сынъ; здѣсь увидалъ, что дубинка бьется отъ полу до самаго потолка. Ужаснулся и перешелъ въ другую клѣтку, гдѣ спалъ середній сынъ; посмотрѣлъ, а межъ нимъ и женою лежатъ змій и дышеть на нихъ. «Дай еще испытзю третьяго сына», подумалъ прохожій и пошелъ въ иную клѣтку; тутъ увидалъ кунку (куницу): перескакиваетъ съ мужа на жену, съ жены на мужа. Далъ имъ покой и отправился въ поле; легъ подъ зорбѣ (большая куча, стогъ — Оп. обл. великор. слов.) сѣна, и послышалось ему — будто какой человѣкъ въ снѣхъ стонетъ и говоритъ: «тошно животу (скотинѣ) моему! ахъ, тошно животу моему!» Прохожій испу-

гадся и легъ было подъ еуслонъ ¹⁾ ржаной; и тутъ послышалъ голосъ, кричать: «постой, возьми меня съ собой!» Не успелось прохожему, воротился къ старичку-хозяину въ избу, и зачалъ его старичкъ спрашивать: «гдѣ быть, прохожій?» Овъ пересказалъ старичку все видѣнное да слышанное: «на столѣ, говорить, нашьелъ и разной гадъ, — отъ того, что послѣ ужина нештетки твои ничего благословася не собрали и не покрыли; у большого сына бьется въ клѣтѣ дубинка, — это отъ того, что кочется ему большакомъ (старшимъ, главнымъ въ домѣ, хозяиномъ) быть, да малые братья не слушаются: бьется-то не дубинка, а умъ-разумъ его; промезъ середняго сына и жены его видѣлъ змѣя, — это потому, что другъ на друга вражду имѣють; у меньшого сына видѣлъ вунку, — значить, у него съ женой благодать Божія, живутъ въ добромъ согласіи; въ сѣнѣ слышалъ стонъ, — это потому: коли кто ползетъ на чужое сѣно, скосятъ да снететь въ одво мѣсто съ своимъ, тады чужое-то давить свое, а свое стонеть, да и животу тяжело; а что колосье кричало: постой, возьми меня съ собой! — это которое съ колосы не собрано, оно-де говорить: пропаду, соберите меня!» А послѣ сказалъ прохожій старичку: «наблюдай, хозяинъ, за своею семьєю: большому сыну отдай большину и во всемъ ему помогай; середняго сына съ женою разговаривай, чтобы жили совѣтнѣе; чужаго сѣна не коси, а колосье съ колосъ собирай до чиста». Распростился съ старичкомъ и пошелъ въ путь-дорогу.

б. Ходилъ по міру старинькой старичекъ, и попросился почевать къ одному мужику. «Пежалуй, говорить мужикъ,

¹⁾ Несколько сноповъ хлеба, складенныхъ въ пучу (Опытъ обл. великорус. словаря, стр. 224).

я тебѣ пушчу; только станешь ли всю ночь сказывать мнѣ сказки?» — Хорошо. буду сказывать; дай только отдохнуть. «Ну, ступай!» Пошелъ старичекъ въ избу и легъ на полатѣ. Хозяинъ говоритъ: «ноди-ка, почтенной, поужинай». Старичекъ слѣзъ и поужиналъ. «Ну, старичекъ, сказывай сказку.» — Погоди, лучше я поутру расскажу. «Ладно!» Улеглись спать. Вотъ старикъ проснулся въ ночи и видитъ: теплятся передъ образами двѣ свѣчки и порхаютъ по набѣ двѣ птички. Захотѣлось ему напиться; слѣзъ онъ съ полатей, и по полу такъ и бѣгаютъ ищерицы; подошелъ къ столу, а тамъ лягушки прыгаютъ да крикаютъ. Посмотрѣлъ на старшаго хозяйскаго сына, а промежъ нимъ и женою зѣна лежитъ; посмотрѣлъ на втораго сына — на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула; глянулъ на меньшаго сына, а промежъ нимъ и женою младенецъ лежитъ. Страшно показалось старичку, пошелъ онъ и легъ на гувнѣ (овинъ—Оп. обл. великор. слов.), а тутъ кричатъ: «сестра! сестра! придержи меня». Легъ подъ вигородой, и тутъ кричатъ: «выдерни да вторни (потъни — *ibidem*) меня!» Легъ подъ чугунъ, здѣсь кричитъ: «на бобрѣ вѣшу, на бобрѣ упаду!» Пошелъ старичекъ опять въ избу. Просыпается хозяинъ и говоритъ; «ву, сказывай сказку!» А старичекъ ему: «я не сказки буду тебѣ сказывать, а правду. Знаешь ли, что я въ твоємъ домѣ видѣлъ? Проснулся я и вижу: теплятся передъ образами двѣ свѣчки, а по набѣ двѣ птички перенархиваютъ». — Это мои два ангела перенархивали! говоритъ хозяинъ. Да еще видѣлъ я: промежъ старшихъ твоимъ сыномъ и его женою зѣна лежала.» — Это отъ того, что они въ ссорѣ. «Глянулъ я ночью и на другаго сына, а на его женѣ кошка сидитъ, на мужа ротъ разинула.» — Это значить, что они недружно живутъ, хочеть жена мужа извести. «А какъ посмотрѣлъ на меньшаго сына, такъ межъ нѣмъ и женою младенецъ лежалъ.» — Это не младенецъ,

ангелъ лежалъ, отъ того что живутъ они дружно, согласно. «Отъ чего-же, хозяйнѣ, какъ слѣзъ я съ полатей, такъ по полу щеринны бѣгали; а какъ подошелъ къ столу и хотѣлъ испить, такъ по немъ лягушки прыгали да крикали?» — Отъ того, сказала хозяйнѣ, что снохи мои никогда угарочка (лучины — Оп. обл. великор. слов.) не подметутъ, а квась, какъ нацѣдятъ въ кружку, такъ не благословясь и поставятъ на столъ. «Помелъ было я спать на гувно, а тамъ кричатъ: сестра! сестра! приברי меня.» — А это вотъ что значить: сыновья мои никогда мѣтелъ благословясь на мѣсто не поставятъ! «Потомъ легъ я подъ изгороду, а тамъ кричатъ: выдерни, да вторни!» — Это значить, что изгорода вверхъ низомъ поставлена. «Потомъ легъ я подъ чугуны, а тамъ кричатъ: на бобрѣ вѣшю, на бобрѣ упаду.» Хозяйнѣ говоритъ: «а это вотъ что — коли я помру, то и весь домъ мой опустится!» — (Изъ собранія В. И. Даля; первая записана въ архангельской губерніи, а вторая въ зубцовскомъ уездѣ тверской губерніи.)

18. ПОТАНЬКА.

Одна баба не благословясь замѣшала опару. Прибѣжалъ бѣсъ Потанька, да и сялъ. А баба и вспомнила, што не благословясь замѣшала опару, пришла да и перекрестила: Потанькѣ выскочить-то и нельзя. Баба процѣдила опару и вывалила опарины на улиду, а Потанька всё тутъ. Свины перепеживаютъ его съ мѣста на мѣсто, а вырватца не мѡгутъ; да чрезъ трой суд(т)ни коѣ-какъ выбился и безъ оглядки убѣжалъ. Прибѣжалъ къ товарищамъ; тѣ спрашиваютъ: «гдѣ былъ, Потанька?» — Да будь она проклятая баба! опару.

говорить, замѣсила ли, завела ли не благословесь; я пришлогда и саялъ. Она взяла да меня и перекрестила, дакъ насылау вырвался чрезъ трои судки: свиная перенехиваютъ меня съ опариной, а я выбитца не могу; теперь въ жиз(и)ю мою никогда не сяду къ бабѣ въ опару! — (Записана въ пермской губерніи, шадринскаго округа, въ заштатномъ городѣ Долматовѣ, государственнымъ крестьяниномъ Александромъ Зыряновымъ.)

19. ПОВѢЗКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Какой-то архимандритъ (в)сталъ къ заутринѣ; пришлогда умыватца видить въ рукомои(ни)кѣ нечистой духъ, взялъ ево да и заградилъ (крестомъ). Вотъ дьяволъ и взмолился: «выпусти, отче! каву хошь налош(ж)ь службу — сослужу!» Архимандритъ говорить: «свозишь ли меня между обѣдней и заутриной въ Ерусалимъ?» — Свою, отче, свою! Архимандритъ ево выпустилъ а послѣ заутрины до обѣдни успѣлъ съѣздить въ Ерусалимъ, къ обѣднѣ поспѣлъ обратно. Послѣ забралъ какъ то справки, — всё удивляясь, какъ онъ скоро мок(г)ъ съѣздить въ Ерусалимъ: спросили ево, и онъ разсказалъ это. — (Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

20. ПУСТЫННИКЪ И ДЬЯВОЛЪ.

а. Одинъ пустынникъ молился тридцать три года, и видить въ накому-та царю ходять дьявола на обѣдъ, ѡвкаютъ, гайка-

ютъ (кричать, кличуть), пляшутъ, скачутъ и ижеи поють. Одинъ разъ Потанька хромою отсталъ отъ дьяволовъ; пустынный вышолъ да и спрашивать его: «куда вы такъ ходите?» — Да ходишь вотъ къ такому-та царю на обѣдъ; у него всё страпухи дѣлаютъ всё не благословесь, намъ и ладно! Старикъ и думать, какъ-бы объ этомъ извѣстить царя; а отъ царя послали ему обѣдать каждой день. Онъ принялъ ѣства да на тарелкахъ взялъ и надписалъ, што дьявола къ нему ходитъ на обѣдъ каждой день. Царь увидалъ эту надпись, тотчасъ всѣхъ людей перебринилъ и поставилъ къ страннѣмъ людямъ набожныхъ; за чѣво они не возмутца — всё говорятъ: «Господи, благослови!» Видитъ пустынный дьяволовъ — впередъ шли весѣлы и радостны, а назадъ идутъ заунывыи и печальныи, и спрашивать опеть Потаньку, што они не весѣлы? Тотъ только и сказалъ: «молчи-жо! ужѣ мы тебѣ отплатимъ!» Не сталъ видѣть послѣ того пустынный дьяволовъ. Одинъ разъ приходять къ нему женщина ибожна. Онъ её распроедалъ: какъ, откуда? тѣ - другіи разговоры, стали вницо поивать и напелась, сговорилась вѣнчатца; пошла, видѣть — всё готово, какъ и есть. Пришло время вѣнцы надѣвать; ужъ начали — только надѣть. Пустынный и перекрестился; дьявола отступилась, и онъ увидалъ нетлю; да послѣ того опеть тридцетъ три года молился, грѣхи замаливалъ! — (Записана тамъ-же государственнымъ крестьяниномъ А. Зыряновымъ.)

в. Былъ пустынный, молился тридцать лѣтъ Богу: мимо его часто пробѣгали бѣсы. Одинъ изъ нихъ хромою отставалъ далеко отъ своихъ товарищей. Пустынный остановилъ хромого и спросилъ: «куды вы, бѣсы, бѣгаете?» Хромою сказалъ: «мы бѣгаемъ къ царю на обѣдъ». — Когда побѣжишь назадъ, принеси мнѣ солонку отъ царя; тогда я повѣрю, что вы

тань объѣдаете. Онъ принесъ солонницу. Пустынникъ сказалъ: «когда побѣдишь опять къ царю объѣдать, забѣги ко мнѣ взять назадъ солонницу». Между тѣмъ на солонкѣ написать: «ты, царь, не благословясь кушаешь; съ тобой бѣси бѣаты!» Государь велѣлъ, чтобы на столѣ становили все благословясь. После того бѣсенки прибѣжали на обѣдъ и не могутъ подойти къ благословенному столу, жжетъ ихъ, и убѣжали назадъ. Начали спрашивать хромаго: «ты оставался съ пустыннокомъ; вѣрно, говорилъ съ нимъ, что мы на обѣдъ ходимъ?» Онъ сказалъ: «я только одну солонницу приносилъ ему отъ царя». Начали бѣси хромаго за то драть, для чего сказывалъ пустыннику. Вотъ хромой въ отищеніе построилъ противъ кельи пустытника кузницу, и сталъ стариковъ передѣлывать въ горнѣ на молодыхъ. Пустынникъ увидалъ это, захотѣлъ и самъ передѣлаться: «дака, говорить, и я передѣлаюсь!» Пришелъ въ кузницу къ бѣсенку, говорить: «нельзя ли и меня передѣлать на молодого?» — Изволь, отвѣчаетъ хромой, и бросилъ пустытника въ горно; тамъ его варилъ-варилъ и выдернулъ молодцомъ; поставилъ его передъ зеркало: «поглядись-ка теперь — каковъ ты?» Пустынникъ самъ себѣ налюбоваться не можетъ. Потомъ поправилось (закотѣлось) ему жениться. Хромой предоставлялъ ему невѣсту; оба они гладятся-не наглядятся другъ на друга, любятъ-не влюбуются. Вотъ надобно хватъ къ вѣнцу; бѣсенокъ и говорить пустыннику: «смотри, когда вѣнцы станутъ накладывать, ты не крестись!» Пустынникъ думаетъ: какъ-же не креститься, когда вѣнцы накладываютъ? Не послушался его и перекрестился, а когда перекрестился — то увидѣлъ, что надъ нимъ нагнута осина, а на ней петля. Еслибъ не перекрестился, такъ бы тутъ и повисъ на деревѣ; но Богъ отвелъ его отъ конечной погибели. — (Изъ собранія В. И. Дала.)

с. Жилъ-былъ святой пустыльникъ, и вычиталъ онъ въ писаніи: всё, чего ни пожелаешь, и всё, чего ни попросишь у Бога съ вѣрою, — то Господь тебѣ и даруетъ. Захотѣлось ему испытать: правда ли это? «Ну, можно ли тому стать, думалъ онъ; коли я пожелаю взять за себя царевну, то ужли-жь царь и выдастъ её за такого старца!» Думалъ-думалъ и пошелъ къ царю. Такъ и такъ, говорятъ, хочу взять за себя царевну замужъ. А царь говоритъ: «коли ты доставишь мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто не видывалъ, такъ царевна будетъ твоею женою». Воротился пустыльникъ въ келью; а чорту давно ужъ досадно смотрѣть на его святое житіе, пришелъ онъ соблазнять пустыника и сталъ сказывать ему про свое могущество. «А сможешь ли ты, нечистой, влѣзть въ этотъ кувшинъ съ водою?» — Э! да и, пожалуй, въ пустой орѣхъ влѣзу, не только въ кувшинъ! «Одначе попробуй сюда влѣзть!» Чортъ съ дуру влѣзъ въ кувшинъ, а пустыникъ и началъ его крестить. «Пусти меня; сдѣлай милость, пусти! заоралъ чортъ во все горло; крестъ меня жжетъ, страшно жжетъ!» — Нѣтъ, не пушу! развѣ возьмешься достать мнѣ такой дорогой камень, какого еще никто на свѣтѣ не видывалъ — ну, тогда другое дѣло! «Достану; право слово, достану; только пусти! Пустыникъ открестилъ кувшинъ; чортъ выскочилъ оттудова и улетѣлъ. Черезъ малое время воротился онъ съ такимъ дорогимъ камнемъ, что всякому на диво! Взялъ пустыникъ камень и понесъ къ царю. Тотъ — дѣлать нечего — велѣлъ царевнѣ готовиться замужъ за старца; а пустыникъ и говоритъ: «не надо! вишь, начиталъ я въ писаніи: что ни попрошу у Бога — то мнѣ и сдѣлаетъ, вотъ мнѣ и захотѣлось попытать, а взаправду-то жениться я не хочу». А нечистой ужъ какъ было радовался, что смутилъ пустыника: «вотъ-де женится на царевнѣ, какое тутъ спасенье!»

Въ другой разъ заспорилъ пустынникъ съ чортомъ: «не вѣзьмишь де ты, окаанный, въ орѣхъ-святунъ (свищъ)! Чортъ расхвастался и вѣзъ. Вотъ пустынникъ давай его крестить. «Пусти! закричалъ нечистой, пожадуста пусти! меня огнемъ жжетъ!» — Вынущу, коли пропоешь ангельскіе гласы! «Не смѣю, говорить нечистой; меня разорвутъ за это наши!» — Одначе пропой! — Что дѣлать? согласился чортъ; вотъ выпустилъ его пустынникъ на волю, самъ палъ на колѣни и зачалъ Богу молиться, а нечистой заиѣлъ ангельскіе гласы: то-то хорошо! то-то чудесно! Вишь, черти-то прежде были ангели, отъ того они и знаютъ ангельскіе гласы. Какъ заиѣлъ онъ — такъ и поднялся на небо: Богъ, значить, простилъ его за это пѣніе. — (Записана надателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

24. ПУСТЫННИКЪ.

Было жило три мужика. Одинъ мужикъ былъ богатой; только жилъ онъ, жилъ на бѣломъ свѣтѣ, дѣтъ двѣсти прожилъ, всё не умираетъ; и старуха его была жива, и дѣти, и внуки, и правнуки всё были живы — никто не умираетъ; да что? изъ скотины даже ни одна не тратилась (не издыхала)! А другой мужикъ слылъ безсчастнымъ, ни въ чемъ не было ему удачи, потому что за всякое дѣло принимался безъ молитвы; ну, и бродилъ себѣ то туда, то сюда, безъ толку. А третій-то мужикъ былъ горькой-горькой пьяница; все дѣло чиста съ себя пропилъ и сталъ таскаться по міру.

Вотъ однова сошлись они вмѣстѣ, и отправились всё трое къ одному пустыннику. Старику захотѣлось вывѣдать, скоро ли Смерть за нимъ прійдетъ, а безсчастному да пьяницѣ —

долго ли имъ горе шныкать? Пришли и рассказали всё, что съ ними сталося. Пустынникъ вывелъ ихъ въ лѣсъ, на то мѣсто, гдѣ сходились три дорожки, и велѣлъ древнему старику идти по одной тропинкѣ, безсчастному по другой, пьяницѣ по третьей: тамъ дискать всякъ свое увидить. Вотъ пошелъ старикъ по своей тропинкѣ, шелъ-шелъ, шелъ-шелъ, и увидалъ хоромы, да такіе славныя, а въ хоромѣхъ два пона; только подступилъ къ понамъ, они ему и гуторять: «ступай, старичекъ, домой! какъ вернешься — такъ и умрешь». Безсчастной увидалъ на своей тропинкѣ избу, вошелъ въ нее, а въ избѣ стоятъ столъ, на столѣ краюшка хлѣба. Проголодався безсчастный, обрадовался краюшкѣ, ужъ и руку протянулъ, да позабылъ добъ-то перекрестить — и краюшка тотчасъ исчезла! А пьяница шелъ-шелъ по своей дорожкѣ и дошелъ до колодца, заглянулъ туда, а въ немъ гады, лягува, змѣя и всякая срамота! Воротился безсчастный съ пьяницей къ пустыннику и рассказали ему, что видѣли. «Ну, сказалъ пустынникъ безсчастному, тебѣ николи и ни въ чемъ не будетъ удачи, пока ни станешь ты за дѣло приматься, благословяся и съ молитвою; а тебѣ, молвилъ пьяницѣ, уготована на томъ свѣтѣ мѣла вѣчная — за то, что униваешься ты внонѣ, не вѣдая ни постовъ, ни праздниковъ!» А старикъ-то древній пошелъ домой, и только въ избу, а Смерть ужъ пришла за душою. Онъ и зачалъ просить: «позволь еще пожить на бѣломъ свѣтѣ, я бы роздалъ свое богатство нищимъ; дай сроку хоть на три года!» — Нѣтъ тебѣ сроку ни на три недѣли, ни на три часа, ни на три минуты! говоритъ Смерть, чего прежде думалъ — не раздавалъ? Такъ и умеръ старикъ. Долго жилъ на землѣ, долго ждалъ Господь а только какъ Смерть пришла — вспомнилъ о нищихъ. — (Записана издательствѣ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уездѣ.)

22. ПОВѢСТЬ О БРАЖНИКѢ.

Во дни ивни посла Господь ангеловъ взяти душу бражникову, и поставити ю у вратъ пречистаго раи повелѣ. Бражникъ же нача талк(ит)ися во врата пречистаго раи. И приде ко вратамъ раи Петръ апостоль и рече: «кто талкѣйся во врата пречистаго раи?» И отвѣща ему: «азъ ес(м)ь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече Петръ апостоль: «отыде отсюда, человекѣ; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ изготована мука вѣчная со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща ему бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица не вижу, и имени твоего не вѣмъ». — Азъ ес(м)ь Петръ апостоль, который имѣю(еть) ключи сего царствія славы. «Помнишь ли ты, господине Петре, когда Господа нашего І(и)суса Христа іудеи на судилище къ Каиаѣ поведоша и тебя вопрошали: ученикъ есть сего І(и)суса вазаринина?—а ты трикраты отъ него отрекся. Аще бы не слезы твои и покаянiе, и тебѣ не быть въ раю; а я *хоша* и бражникъ—по всь дни Божіе шилъ и за великимъ корпомъ имя Господне прославлялъ, а не отрекался отъ него.» Слыша Петръ отвѣтъ бражниковъ, отыде отъ вратъ пречистаго раи и сувиися о семь человекѣ бражникѣ.

Вторяцею нача бражникъ талкитися у вратъ пречистаго раи, и приде ко вратамъ царь и пророкъ Давыдъ и рече: «кто талкѣйся у вратъ пречистаго раи?» И быеть гласъ къ нему: «азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами въ раю жити». И рече къ нему царь Давыдъ: «отыде, человекѣ, отсюда; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ изготовано мѣсто въ муку вѣчную со блудниками вмѣстѣ». И отвѣща бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вѣмъ». И рече къ нему царь Давыдъ: «азъ есмь царь и про-

рокъ, который съиди со Авраамомъ и Исаакомъ на лонѣ царствія сего, и состави псалтырь и пѣсня тропичныя». И бысть отвѣтъ бражниковъ: «помнише ли ты, царю Давыде, когда бысть брань на Голиафы (?), тогда ты слугу своего Урию на войну усаляя, и тамо его смерти предати повелѣлъ, а жену его къ себѣ въ прелюбодѣяніе пріялъ? Аще бы не были твои слезы и покаяніе, и тебѣ не быть бы въ раю». Слыша сіе, царь Давыдъ отыде и сумнися о семъ человецѣхъ.

Бражникъ же нача третицею талкитися у вратъ пречистаго рая. И приде ко вратамъ Іоаннъ Богословъ и рече: «кто талкитися у вратъ пречистаго рая?» И отвѣща ему: «азъ есмь бражникъ, и желаю съ вами вѣстѣ въ раю жити». И рече Іоаннъ Богословъ: «отыде отсюда, человецѣ; здѣсь бражники не водворяютца, ибо имъ уготовано мѣсто во огнь кромечный съ прелюбодѣяніи вѣстѣ». Отвѣща бражникъ: «господяне, гласъ твой слышу, а лица твоего не вижу, и имени твоего не вѣмъ». — Азъ есмь Іоаннъ Богословъ, другъ Христовъ, напереникъ, возлюбленникъ и дѣвственникъ. «О господине Іоанне Богослове! не самъ ли ты написалъ во евангелію(и), что любите другъ друга, а ты нынѣ меня ненавидиши и въ раю жити не водвориши; или отренися отъ письма рука твоя, или вырви изъ книги листъ тотъ, который написалъ ты самъ!» Отыде Іоаннъ Богословъ и сумнися о семъ человецѣхъ, и повелѣ апостолу Петру впустити его во царствіе небесное. — (Замѣтвована изъ рукописи XVIII-го столѣтія.)

23. ЦАРЕВИЧЬ ЕВСТАФІИ.

Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь. У него былъ младой сынъ царевичъ Евстафій; не любилъ онъ ни пировъ, ни плясокъ, ни гульбищъ, а любилъ ходить по улицамъ, да во-

даться съ нищими, людьми простыми и убогими, и дарить их деньгами. Крѣпко разсердился на него царь, повелѣлъ вести къ висѣлицѣ и предать лютой смерти. Привели царевича и хотѣть уже вѣшать. Вотъ царевичъ палъ передъ отцемъ на колѣни и сталъ просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, далъ ему сроку на три часа. Царевичъ Евстафій пошелъ тѣмъ временемъ къ слесарямъ и заказалъ сдѣлать въ скорости три сундука: одинъ золотой, другой серебряной, а третій — просто расколотъ краемъ на двое, выдолбить корытомъ, и прибить замокъ. Сдѣлали слесаріи три сундука и принесли къ висѣлицѣ. Царь съ боярами смотрѣть, что такое будетъ; а царевичъ открылъ сундуки и показываетъ: въ золотомъ насыпано полно золота, въ серебряномъ насыпано полно серебра, а въ деревянномъ наложена всякая мерзость. Показалъ и опять затворилъ сундуки и занеръ ихъ накрѣпко. Царь еще пуще разгнѣвался, и спрашиваетъ у царевича Евстафія: «что это за насмѣшку ты дѣлаешь?» — «Государь батюшка! говорить царевичъ; ты здѣсь съ боярами, вели оцѣнить сундуки-то, чего они стоить?» Вотъ бояре серебряной сундукъ оцѣнили дорого, золотой того дороже, а на деревянной и смотрѣть не хотѣть. Евстафій-царевичъ говоритъ: «отомкните-ка теперь сундуки, и посмотрите что въ нихъ!» Вотъ отомкнула золотой сундукъ, а тамъ змѣи, лягушки и всякая срамота; посмотрѣли въ серебряной — и здѣсь тоже; открыли деревянной, а въ немъ растутъ древа съ плодами и листвѣемъ, испускають отъ себя духъ сладкіе, а посреди стоитъ церковь съ оградой. Изумился царь и не велѣлъ казнить царевича Евстафія. — (Записана въ саратовской губерніи. Изъ собранія В. И. Дала.)

24. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ АГГЕѢ И КАКО ПОСТРАДА ГОРДОСТІЮ.

Бысть во градѣ Фидуякѣ царь, именемъ Аггей, славень зѣло. И по времени приключишася стояти ему въ церкви у божественныя литургіи и чтущу іерею святое евангеліе, огад іерей прочтя строки евангельскія, вземлетъ писано: «богати обнищаютъ, а нищии обогащаются!» Слышавъ же то царь и возъярися, и рече царь: «писано ложно есть сіе писаніе: евангельское слово, а неправда!» И глаголетъ царь: «азъ осмы богаты зѣло и славень: како мнѣ обнищати, а нищему обогатѣти противъ меня?» Егда-жь оттолчи (?) ужастя наполнися. и повелѣ царь іерея посадити въ темницу, а листъ повелѣ възъ евангеліа выдрать. И повде царь въ домъ свой и нача пити л ясти и веселетися.

Видѣвши же царь въ полѣ оленя, цохъа ¹⁾ и взи съ еобом юношомъ, и погна въ слѣдъ я хотѣ оленя уловити. Бѣ же олень прекрасенъ зѣло. Царь же рече отрокомъ своимъ: «стойте вы здѣ, азъ пойду, уловлю единъ оленя». И погна въ слѣдъ; олень поплы за рѣку. Царь привяза коня своего къ дубу, и совлече одежду съ себя и поплы нагъ за рѣку. Егда рѣку переплы, и абіе олень невидимъ бысть. Ангель Господень вѣдъ на коня царева во образѣ царя Аггея, сказа юношамъ своимъ: «уцпалы олень за рѣку»—и цохде ²⁾ съ юношамъ во градъ свой ко царю. Царь же Аггей обратился взадъ на коня, и ни коня ни платія не обрѣтаетъ, и ста нагъ и весьма задумался.

¹⁾ Въ рукописи: «царь же похвѣвши».

²⁾ Въ рук. прибавлено: «царь».

И поиде Аггей ко граду своему, и видѣ пастуховъ па-
суща воловъ и вопроша у нихъ: «братія меньшая пастухи,
гдѣ есть видѣли коня и платіе мое?» Пастухи вопроша
его: «кто еси ты?» Онъ же рече имъ: «азъ есмь царь
вашъ Аггей». Пастухи же рѣша: «окаянный человекъ!
какъ ты сѣбѣши называтиси царемъ? мы же видѣли цара
Аггея, нынѣ проѣхалъ во градъ свой съ пяти(ю) юношами». И нача его бранити, бити кнутами и трубами (?); царь же на-
ча плакати и рыдати. Пастухи отбиха его прочь, и пошедъ
ко граду своему нагъ. И срѣгоша его торгсвые люди града
того и вопрошаша его: «человѣче, что еси нагъ?» И онъ ре-
че: «одежду мою пограбили разбойники». Они же даша ему
одежду худую и раздраную. Онъ же взявъ и поклонившася
имъ, и поиде ко граду своему; и приходши ко граду своему,
попросися къ нѣкоей вдовѣ почевать и нача ее вопрошати:
«скажи, госпоже моя, кто есть у васъ царь?» Она же отвѣ-
щаша ему: «или ты не нашей земли человекъ?» И сказа ему:
«царь есть у насъ Аггей». Онъ вопроши: «сколько лѣтъ цар-
ствуетъ?» Она же сказала ему: «35 лѣтъ». Онъ же написавъ
своею рукою письмо къ царицѣ, что у него были съ нею тай-
ныя дѣла и мысли, и повелѣ нѣкоей женѣ снести письмо къ
царицѣ. Царица взяла письмо и повелѣ чести предъ собою.
Онъ же написася мужемъ ея царемъ Аггеимъ. И нападе на
ню страхъ великъ; во страхъ томъ нача говорити: «како сей
убогій ¹⁾ человекъ нарицаетъ своею ми ²⁾ женою? аще сіе по-
вѣдаеть царь, поведеть казнити». И повелѣ бити его кнутомъ
нещадно безъ царскаго вѣдома. Биша его безъ милости и от-
пустиша едва жива; онъ же поиде изъ града, плача и рыдая,
и воспоминавая евангельское слово, что богатіи обнищаютъ, а

¹⁾ Въ рукоп.: «убити».

²⁾ Въ рукоп.: «нарицается *се* ми».

нищія обогатѣють, и кажея о томъ пону, како похули святое евангеліе, и како іерея въ темницу посадилъ, и поидоша незнаемымъ путемъ. Царица рече являющемуся во образѣ царя ангелу: «ты, государь мой милый, годъ со мною не спиши и постели не твориши; како мнѣ пребывати мимо тебя?» Царь же рече ей: «обѣщаніе дано Богу, что три года съ тобою не спать и постели не творить» — отыде отъ нея въ царскую свою палату.

Аггей царь прииде въ незнаемый градъ, наваялся у крестьянина работати въ лѣто; и работати крестьянскаго дѣла не умѣеть, и крестьянинъ ему отказа. Онъ же нача плакати и рыдати, и поидоша путемъ отъ города того, и срѣтоша его на пути нищія. Онъ же рече имъ: «возьмите убо, братія, и меня съ собою; нынѣ человекъ убогъ, работати не умѣю, а просить не смѣю и стыжуся. Что ми велите, я у васъ стану трудятися». Они же понише его съ собою и даша ему суму носити. Они же придоша къ ночлегу ночевати и повелѣ ему баню топтити, и воду носити, и постелю стлати. Царь же Аггей возплакася горько: «увы мнѣ! что сотворилъ себѣ, Владыку прогнѣвалъ; самъ же царства своего лишился и погибелъ себѣ сотворилъ, а вси пострадалъ за слово евангельское!..¹⁾». Заутра же возста нищіе и поидоша ко граду своему Филуану, и пришедши на царскій дворъ и нача милостыни просити. И бысть въ то время у царя пиръ великъ; и повелѣ царь взяти нищихъ въ палату, коршити²⁾ довольно, и повелѣ взяти у нищихъ мѣхоншну въ царскія палаты и посадити въ особую палату. И какъ пиръ у царя разошелся, и бояра и гости все разошася, ангелъ³⁾ въ образѣ Аггея царя прииде къ нему въ палату, гдѣ Аггей царь съ нищими обѣдаетъ. «Вѣдаши ли

¹⁾ Въ рукоп. прибавлено: «а правда».

²⁾ Въ рукоп. вставлено здѣсь: «вергъ».

³⁾ Въ рукоп. вмѣсто этого слова стоитъ: «царь».

ты царя гердаго и великаго, како похули слово евангельское?» И нача его учить и наказывати впрелд евангельское слово не хулить и священниковъ почитать, а себя не превозносить, кротку и смиренну быть ¹⁾). — (Изъ собранія В. И. Даля, которому легенда эта, заимствованная изъ старой рукописи, доставлена изъ шенкурскаго уѣзда, архангельской губернии.)

25. СМЕРТЬ ПРАВЕДНАГО И ГРѢШНАГО.

Одинъ старецъ просилъ у Бога, чтобъ допустить его увидѣть, какъ умирають праведники. Вотъ явился къ нему ангель и говорить: «ступай въ такое-то село и увидишь, какъ умирають праведники». Пошелъ старецъ; приходитъ въ село и просится въ одинъ докъ ночевать. Хозяйка ему отбѣчаютъ: «мы бы рады пустить тебя, старичекъ, да родитель у насъ боленъ, при смерти лежитъ». Больной услышалъ эти рѣчи и приказалъ дѣтямъ впустить странника. Старецъ вошелъ въ избу и расположился на ночлегъ. А больной созвалъ своихъ сыновей и снохъ, сдѣлалъ имъ родительское наставленіе, далъ свое послѣднее на вѣки нерушимое благословеніе, и простился со всѣми. И въ ту же ночь пришла къ нему Смерть съ ангелами; вынули душу праведную, положили на золотую тарелку, заплъли: «Иже херувимы» и понесли въ рай. Никто того не могъ видѣть: видѣлъ только одинъ старецъ. Дождался онъ

¹⁾ Въ другомъ спискѣ ангель спрашиваетъ царя Аггея: «правду ли въ церкви поють: богатые обнищаютъ и изалкають?» Царь говорить: «справедливъ этотъ стихъ; каждую службу везю его пѣть, лишь бы Господь меня простилъ». Ангель отдалъ ему царское платье, и исчезъ. Царь Аггей опять сѣлъ на царство, рассказалъ свое похождение и заповѣдалъ всякую службу пѣть стихъ: богатые обнищаютъ и изалкають.

похоронъ праведника, отслужить панихиду и возвратился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть святую кончину.

Послѣ того просилъ старецъ у Бога, чтобы допустилъ его увидѣть, какъ умираютъ грѣшники; и былъ ему гласъ свыше: «иди въ такое-то село и увидишь, какъ умираютъ грѣшники». Старецъ пошелъ въ то самое село и выпросился переночевать у трехъ братьевъ. Вотъ хозяева воротились съ молотѣбы въ избѣ, и принялись всакъ за свое дѣло, начали пустое болтать да пѣсни пѣть; и невидимо имъ пришла Смерть съ молоткомъ въ рукахъ и ударила одного брата въ голову. «Ой голова болить!... ой смерть моя!...» закричалъ онъ и тутъ-же померъ. Старецъ дождался похоронъ грѣшника и воротился домой, благодаря Господа, что сподобилъ его видѣть смерть праведнаго и грѣшнаго. — (Записана въ саратовской губерніи. Изъ собранія В. И. Дала.)

26. АНГЕЛЪ.

Родила баба двойни. И посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ привѣтъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ души изъ бабы и полетѣлъ назадъ къ Богу. «Что вынулъ душу?» спрашиваетъ его Господь. — Нѣтъ, Господи! «Чтожь такъ?» Ангелъ сказалъ: «у той бабы, Господи, есть два малыхъ младенца; чѣмъ же они стануть питаться?» Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его на двое. «Полѣзай туда!» сказалъ Богъ ангелу; ангелъ полѣзъ въ трещину. «Что видишь тамъ?» спросилъ Господь. — Вижу двухъ червячковъ. «Кто питаетъ этихъ червячковъ, тотъ пропиталъ бы и двухъ малыхъ

младенцев!» И отнял Богъ у ангела крылья, и пустилъ его на землю на три года.

Нанялся ангелъ въ батраки у попа. Живеть у него годъ и другой; разъ послалъ его попу куда-то за дѣломъ. Идетъ батракъ мимо церкви, остановился и давай бросать въ нее камешья, а самъ норовить, какъ-бы прямо въ крестъ попасть. Народу собралось много-много, и принялись все ругать его; чуть-чуть ни приблили! Пошелъ батракъ дальше, шелъ-шелъ, увидѣлъ кабакъ и давай на него Богу молиться. «Что за болванъ такой! говорятъ прохожіе; на церковь камешья швыряеть, а на кабакъ молится! мало бьютъ эдакихъ дураковъ!...» А батракъ помолился и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ, увидѣлъ нищаго и ну его ругать попрошайкою. Услыхалъ то люди прохожіе и пошли къ попу съ жалобой: такъ и такъ, говорятъ, ходитъ твой батракъ по улицамъ — только дуритъ, надъ святынею насмѣхается, надъ убогими ругается. Сталъ попу его допрашивать: «зачѣмъ же ты на церковь камешья бросалъ, на кабакъ Богу молился?» Говорить ему батракъ: «не на церковь бросалъ я камешья, не на кабакъ Богу молился! Шелъ я мимо церкви и увидѣлъ, что нечистая сила за грѣхи наши такъ и кружится надъ храмомъ Божиимъ, такъ и лѣзится на крестъ; вотъ я и сталъ шибать въ нее камешьями. А мимо кабака идучи, увидѣлъ я много народу, пьютъ, гуляютъ, о смертномъ часѣ не думаютъ; и помолился тутъ я Богу, чтобъ не допускалъ православныхъ до пьянства и смѣртной погибели». — А за что облаялъ убогаго? «Какой то убогой! много есть у него денегъ, а все ходитъ по міру да собираетъ милостину: только у прямыхъ нищихъ хлѣбъ огнимаеть. За то и называлъ его попрошайкою ¹⁾».

¹⁾ *Variante*: Нанялся ангелъ у мужика три года работать; выработалъ три рубля, пошелъ на базаръ, накупилъ кашей и роздалъ нищимъ. Видеть онъ: влутъ два мальчишка и ужалъ лицомъ на-земь, а послѣ набралъ камней

Отжилъ батракъ свои три года. Поць даетъ ему деньги, а онъ говоритъ: «нѣтъ, мнѣ деньги не нужны; а ты лучше проводи мена». Пошелъ поць провожать его. Вотъ шли они-шли, долго шли. И далъ Господь снова ангелу крылья; поднялся онъ отъ земли и улетѣлъ на небо. Тутъ только узналъ поць, кто служилъ у него цѣлыхъ три года. — (Записана издателемъ въ воронежской губерніи, бобровскомъ уѣздѣ.)

27. КУШОВА КРОВАТЬ.

Жили были мужикъ да баба, у нихъ былъ сынъ. И такъ обѣдняли они, хоть по міру шли. Мужикъ думалъ-думалъ, что дѣлать, какъ хлѣба добывать? — и надумался: сталъ учиться колдовству, учился-учился, и таки выучился съ чертвми водиться. Вотъ пришло ему время женить сына. «Дай, говоритъ окъ, пойду да сосватаю у своихъ пріятелей-чертей.» Пошелъ и сосваталъ за сына опившюся дѣвку, что возить у чертей воду съ прочими опойцами. Дѣло сдѣлали, по рукавъ ударили, начали пиво варить. Нечистые завели свата и жениха въ богатые каменные хоромы свадьбу играть, и разослали позыватыхъ звать гостей на ширъ, на веселье. Со всѣхъ сторонъ наѣхало видимо-невидимо чертей; собрались и начали пить, ѣсть, веселиться. Сватъ съ самимъ сатаной въ передѣ ¹⁾ сидитъ. Вотъ начали молодые дары дарить. Сатана

и давай метать на избу. Вотъ стали его спрашивать: «скажи, человекъ, зачѣмъ ты лицомъ упалъ на-земь?» — А за тѣмъ, что ради этихъ мальчи ковъ Богъ отнял у меня зигельскія крылья. «А зачѣмъ металъ на избу камень?» — За тѣмъ, что хозяева на ту пору обѣдали, и я отогналъ отъ нихъ дьявола.

¹⁾ Передъ — передній уголъ, почетное мѣсто въ избѣ (Опытъ обл. повѣр. словаря, стр. 155).

много на отдарье положилъ кззны, и говорить свату: «ну, сватушка! подарилъ я молодого деньгами, подарю и слугою. Вишь, одинъ мужикъ продалъ намъ своего сына и росписку на томъ далъ; коли хочешь, кумъ, — и тебѣ съ сыномъ подарю эту росписку?» Кумъ билъ ему челожь, а сатана созвалъ всѣхъ чертей и спрашиваетъ: у кого росписка? Указали на одного чорта, а тотъ знай себѣ запирается. не хочетъ отдавать росписки. Сатана приказалъ его раздѣть и бить за утайку желѣзными прутьями. Какъ не били, какъ ни колотили его — не могли ничего сдѣлать, стоитъ на своемъ да и только. Сатана и крикнулъ: «тащите-ка его на кумову кровать!» Чортъ такъ напугался, что сейчасъ-же досталъ росписку и отдалъ сатанѣ, а сатана куму. Вотъ свать и спрашиваетъ сатану: «какая это у васъ кумова кровать, что даже чортъ напугался?» — «Да такъ, кумъ, простая!» — «Какъ, кумъ, простая? нѣтъ, смотри, не простая!» — «Ну для тебѣ, пожалуй, скажу; только ты никому не сказывай! Кровать эта сдѣлана для насъ, чертей, и для нашихъ сродниковъ, сватовъ, кумовьевъ; она вся огненная, на колесахъ, и кругомъ вертится.» Свать убоился, вскочилъ съ мѣста и давай Богъ ноги. А сатана вслѣдъ ему говорить: «куда, кумъ, торопишься? посиди, побесѣдуй съ нами. Да вѣдь не уйдешь отъ насъ; пожалуй, и притащутъ жилаго!» — (Записана въ саратовской губерніи; изъ собранія В. И. Дала.)

28. ГРѢХЪ И ПОКАЯНІЕ.

а. Жила была старуха, у ней были одинъ сынъ и одна дочь. Жили они въ превеликой бѣдности. Вотъ разъ какъ-то пошелъ сынъ въ чистое поле посмотрѣть на озимые всходы;

вышел и осмотрѣлся кругомъ: стоитъ недалече высокая гора, а на той горѣ на самомъ верху клубится густой дымъ. «Что за диво такое! думаетъ онъ; ужь давно стоитъ эта гора, никогда не видалъ на ней и малаго дыма, а теперича, вишь, какой густой поднялся! Дай пойду, посмотрю на гору.» Вотъ полѣзъ на гору, а она была крутая-крутан! — насилу взобрался на самой верхъ. Смотрить — а тамъ стоитъ большой котелъ полною золота. «Это Господь кладъ послалъ на нашу бѣдность!» подумалъ парень, подошелъ къ котлу, нагнулся и только хотѣлъ горсть набрать — какъ послышался голосъ: «не смѣй брать этихъ денегъ, а то худо будетъ!» Оглянулся онъ назадъ — никого не видно, и думаетъ: вѣрно мнѣ почудилось! Опять нагнулся и только хотѣлъ набрать горсть изъ котла — какъ послышались тѣ-же самыя слова. «Что такое? говорить онъ самъ себѣ, никого нѣтъ, а голосъ слышу!» Думалъ-думалъ и рѣшился въ третій разъ подойти къ котлу. Опять нагнулся за золотомъ и опять раздался голосъ: «тебѣ сказано — не смѣй трогать! а коли хочешь получить это золото, такъ ступай домой и сдѣлай напередъ грѣхъ съ родной матерью, сестрою и кумою. Тогда и приходи: все золото — твое будетъ!»

Воротился парень домой и крѣпко призадумался. Мать и спрашиваетъ: «что съ тобой? вишь ты какой невеселой!» Пристала къ нему, и такъ и сякъ подговаривается; сынъ не выдержалъ, и признался про все, что съ нимъ было. Старуха какъ услыхала, что онъ нашелъ большой кладъ, съ того самаго часу и зачала въ мысляхъ держать, какъ-бы ухитриться, смутить сына да на грѣхъ навести. И въ первой таки праздникъ позвала къ себѣ куму, перемолвила съ нею и съ дочерью, и придунали онъ вмѣстѣ напоить малаго пьянымъ. Привесла вина и ну его подчивать; вотъ онъ выпилъ рюмку, выпилъ и другую, и третью, и напился до того, что совсѣмъ позабылся

я сотворилъ грѣхъ со всѣми тремя: съ матерью, сестрою и луною. Пьяному морю по колѣна; а какъ проспался да вспомнилъ, какой грѣхъ-то сотворилъ, — такъ просто на свѣтъ не смотрѣлъ бы! «Ну что-же, сыночек! говорить ему старуха. о чемъ тебѣ печалиться? ступай-ка на гору да таскай деньги въ избу.» Собрался парень, взомель на гору, смотреть: золото стоитъ въ котлѣ нетроуто, такъ и блестить! «Куды инѣ дѣвать это золото? я бы теперь последнюю рубаху отдалъ, только-бы грѣха избыть.» И послышался голосъ: «ну, что еще думаешь? теперича не бойся, бери смѣло, все золото — твое!» Тяжело воздохнулъ парень, горько заплакалъ, нѣ взялъ ни одной копейки и пошелъ, куда глаза глядятъ.

Идетъ себѣ да идетъ дорогою, и кто ни встрѣтится — всякаго спрашиваетъ: не знаетъ ли, какъ замолить ему грѣхи тяжкіе? Нѣтъ, никто не можетъ ему сказать, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И съ страшнаго горя пустился онъ въ разбой; всякаго, кто только попадетъ на встрѣчу, онъ допрашиваетъ: какъ замолить ему передъ Богомъ свои грѣхи? и если не скажетъ — тотчасъ убиваетъ до-смерти. Много загубилъ онъ душъ, загубилъ и мать, и сестру, и жужу, и всего — девяносто девять душъ; а никто ему не сказалъ, какъ замолить грѣхи тяжкіе. И пошелъ онъ въ темный дремучій лѣсъ, ходилъ-ходилъ, и увидалъ избушку — такая малая, тѣсная, вся изъ дѣрну складена; а въ этой избушкѣ спасался скитникъ. Вошелъ въ избушку; скитникъ и спрашиваетъ: «откуда ты, доброй человекъ, и чего ищешь?» Разбойникъ рассказалъ ему. Скитникъ подумалъ и говорить: «много за тобою грѣховъ, не могу наложить на тебя эпитимью!» — Коли не наложу на меня эпитимьи, такъ и тебѣ не миновать смерти; я загубилъ девяносто девять душъ, а съ тобой ровно будетъ сто. Убилъ скитника и пошелъ дальше. Шелъ-шелъ и добрался до такого мѣста, гдѣ спасался другой скитникъ, и рассказалъ

ему про все. «Хорошо, говоритъ скитникъ, я наложу на тебя эпитимью, только можешь ли ты снести?» — Что знаешь, то и приказывай, хоть каменья грызть зубами — и то стану дѣлать! — Взявъ скитникъ горѣлаю головешку, повелъ разбойника на высокую гору, вырылъ тамъ яму и закопалъ въ ней головешку. «Видишь, спрашиваетъ онъ, озеро?» А озеро-то было внизу горы, съ полверсты вдалѣ. «Вижу», говоритъ разбойникъ. «Ну, ползай же къ этому озеру на колѣнкахъ, носи оттуда ртомъ воду и поливай это самое мѣсто, гдѣ зарыта горѣлая головешка, и до тѣхъ таки поръ поливай, покуда она цуктитъ она отростковъ и ни выростетъ отъ неё(я) яблоня. Вотъ когда выростетъ отъ неё яблоня, зацвѣтетъ да принесетъ сто яблоковъ, а ты трянешь ее, и всѣ яблоки упадутъ съ дерева на-земь: тогда знай, что Господь простилъ тебѣ всѣ твои грѣхи.» Сказалъ скитникъ и пошелъ въ свою келью спастись по прежнему. А разбойникъ сталъ на колѣна, поползъ къ озеру и набралъ въ ротъ воды, вальзавъ на гору, полилъ головешку и опять поползъ за водою. Долго, долго вдалѣ онъ потрудился; прошло цѣлыхъ тридцать лѣтъ — и пробилъ онъ колѣнками дорогу, по которой ползаль, въ поясъ глубины, и дала головешка отростокъ. Прешло еще семь лѣтъ — и выросла яблоня, разцвѣла и принесла сто яблоковъ. Тогда пришелъ къ разбойнику скитникъ и увидѣлъ его худого да тощаго: одинъ кость! «Ну, братъ, трясн теперь яблоню.» Тряхнулъ онъ дерево, и съ-разу осыпались всѣ до ваянаго яблоки; въ ту-жь минуту и самъ онъ померъ. Скитникъ вырылъ яму и предалъ его землѣ честно.

в. Была вдова, у ней было двое дѣтей: сынъ и дочь. Жили они въ большой бѣдности. Вотъ мать и надумалась отдать своего сына въ пастухи. Въ одно время пасъ онъ скотину въ лѣсу. И привѣзъ туда кодумъ возъ денегъ, вырылъ яму

ывалилъ въ нее деньги, забросалъ землю, и сталъ закли-
 лать: «достаньтесь, мои деньги, тому, кто сотворитъ грѣхъ
 съ родной матерью, съ родной сестрою и съ кумою!» Закалялъ
 и убхалъ. Пастухъ все это слышалъ; притналъ скотину на
 село, и разказалъ про этотъ кладъ своей матери. Крѣпко
 польстилась она на деньги; вотъ на утро нарядилась она такъ,
 что и признать ее нельзя, и пошла туда, гдѣ сынъ ея пасъ
 скотину; пришла и давай съ нимъ играть. Играла-игралъ и
 навела его на грѣхъ... На другой день нарядила она свою
 дочь, послала въ поле и наказала, что дѣлать. И эта играла-
 играла съ пастухомъ, и навела его на грѣхъ... Воротился
 сынъ домой. Вдова и говорить ему: «ступай, доставай
 кладъ!» — Ахъ, матушка, вѣдь я тебѣ сказывалъ, какой это
 кладъ: нѣтъ онъ не дастся! «Небось, дастся! вѣдь ты сотво-
 рилъ грѣхъ и со мною, и съ сестрою, а она тебѣ и сестра и
 кума вмѣстѣ; ты съ ней у сосѣда крестилъ.» — Ахъ, матуш-
 ка, матушка! до чего ты меня довела? не хочу теперь съ
 вами жить, лучше пойду—куда глаза глядятъ! И только вышелъ
 сынъ за ворота и сдѣлалъ шаговъ десять, какъ вдругъ под-
 нялся вѣтеръ, изба вспыхнула и въ одну минуту сгорѣла вмѣ-
 стѣ съ его матерью и сестрою. Онъ еще пуще приунылъ и
 подумалъ про себя: «стало быть, я великой грѣшникъ передъ
 людьми и Богомъ!»

Шелъ онъ, шелъ, и попалъ въ большой дремучій лѣсъ;
 увидалъ тропинку, пустился по этой тропинкѣ и пришелъ къ
 кельѣ; началъ стучаться, пустынный его и спрашиваетъ:
 «кто тамъ?» — Грѣшникъ, святой отче! «Подожди, молитву
 окончу.» Окончилъ молитву, вышелъ изъ кельи и спраши-
 ваетъ: «куда Богъ несетъ? и что надобно?» Разказалъ ему
 странникъ. «Это грѣхъ великой! не вѣдаю, можно ли отмо-
 литъ его; ступай-ка ты по этой дорожкѣ, и дойдешь до другой
 кельи:— тамъ живетъ пустынный старшій меня вдвое; мо-

жетъ. онъ тебѣ и скажетъ...» Пошелъ странникъ дальше и дальше. приходитъ къ кельѣ и опять стучится. Пустынникъ стоялъ тогда на молитвѣ. «Кто тамъ?» спрашиваетъ онъ. — Грѣшникъ, святой отче! «Подожди, молитву окончу.» Окончилъ молитву, вышелъ и спрашиваетъ: что за грѣшникъ такой? Странникъ рассказалъ про все. «Если хочешь отмазывать свои грѣхи, сказалъ ему пустынникъ, такъ поидежь со мною.» Далъ ему топоръ и повелъ къ толстой березѣ: «свалика эту березу и разрубь ее на три части». Тотъ свалилъ березу съ корня и разрубилъ на три части. Пустынникъ зажегъ эти три бревна; вотъ они герѣян-горѣян, и остались только три малыя головешки. «Закопай ты эти головешки въ землю, и день и ночь поливай ихъ водою!» сказалъ пустынникъ и ушелъ. Грѣшникъ зарылъ три головешки въ землю и началъ поливать ихъ и день, и ночь; годъ поливалъ, и другой, и третій... долго-долго трудился: двѣ головешки ужъ пустыя отростки, а третья ивѣтъ какъ ивѣтъ! Пришелъ къ нему пустынникъ, видитъ: выросло двѣ березки, и говорятъ: «Богъ простилъ тебѣ два грѣха — съ матерью и сестрою, а третьяго — съ кумою—ты еще не замолилъ у Господа. Вотъ тебѣ стадо черныхъ овецъ, паси его да молись Богу до тѣхъ поръ, пока ни стануть все овецы бѣлыми». Погналъ грѣшникъ овецъ, пасеть годъ, и другой, и третій, много молится, много трудовъ несётъ — только овцы все остаются черными.

Вотъ сталъ мимо его по зарѣ ѣздить какой-то человекъ: ѣдетъ себѣ и всякой разъ распѣваетъ веселыя пѣсни. «Дай спрошу, думаетъ грѣшникъ, что это за человекъ ѣздитъ?» Вышелъ на дорогу, подождалъ немножко и видитъ: подъѣзжаетъ тотъ самый человекъ и поетъ пѣсню. Онъ сейчасъ схватилъ его лошадь за узду, остановилъ и спрашиваетъ: «кто ты таковъ и зачѣмъ поешь зааякія пѣсни?» — Я разбойникъ, ѣзжу по дорогамъ и убиваю людей; чѣмъ больше убью

за ночь, тѣмъ веселѣе пѣсно пою! Не утерпѣвъ настухъ, размахнулся своею дубинкою и убилъ разбойника нановалъ. «Ахъ, что-же а надѣламъ? говорить онъ, одного еще грѣха не отшолчалъ, а ужъ другой грѣхъ нажилъ!» Вернулся къ овцамъ, а онѣ всѣ бѣлыя; пригналъ овецъ къ пустыннику и разсказалъ все, что съ нимъ было. Пустынникъ и говорить: «это за тебя мѣръ умолилъ Бога!» — (Объ изъ собранія В. И. Дзая.)

29. ГОРЬКОЙ ПЬЯНИЦА.

Жилъ-былъ старикъ, да такой горькой пьяница, что и сказать нельзя. Вотъ забрался онъ какъ-то въ кабакъ, упился зелена вина, и пошелся во хмѣлю домой, а путь-то лежалъ черезъ рѣку; подошелъ къ рѣкѣ, не сталъ долго думать, скинуть съ себя сапоги, повѣсилъ на шею и побрѣлъ по водѣ; только дошелъ до середины — спотыкнулся о камень, уналъ въ воду, да и поминай какъ звали!

Остался у него сынъ Петруша. Видитъ Петруша, что отецъ пропалъ безъ вѣсти, потужилъ, поплакалъ, отслужилъ за упокой души паннаху и принялся хозяйничать. Разъ въ воскресный день пошелъ онъ въ церковь Богу помолиться. Идетъ себѣ по дорогѣ, а впереди его тащится баба: шла-шла, спотыкнулась о камышекъ и заругалась: «кой чортъ тебя подѣлъ ноги суеть!» Петруша услышалъ такія рѣчи и говорить: «здорово, тетка! куда путь держишь?» — Въ церковь, родимой. Богу молиться. «Какъ-же тебѣ не грѣшно: идешь въ церковь Богу молиться, а поминаешь нечистаго! сама спотыкнулась, да на чорта сваливаешь...» Ну, отслушалъ онъ обѣдню и пошелъ домой; шелъ-шелъ, и вдругъ откуда ни возь-

мись — сталъ передъ нимъ молодецъ, поклонился и говорить: «спасибо тебѣ, Петруша, на добромъ словѣ!» — Кто ты таковъ и за что благодарствуешь? спрашиваетъ Петруша. «Я дьяволъ; а тебѣ благодарствую за то, что какъ спотыкнулась баба да обляла меня понапрасну, такъ ты замолвилъ за меня доброе слово.» И началъ просить: «побывай де, Петруша, ко мнѣ въ гости, а тебя во-какъ награжу! и серебромъ и златомъ, вѣшь надѣлю!» — Хорошо, говоритъ Петруша побываю. Дьяволъ разсказалъ ему про дорогу и пропалъ въ одну минуту, а Петруша воротился домой.

На другой день собрался Петруша въ гости къ дьяволу: шелъ-шелъ, цѣлыхъ три дня шелъ, и пришелъ въ большой лѣсъ, дремучій да темный — и неба не видать! А въ томъ лѣсу стоялъ богатой дворецъ. Вотъ онъ вошелъ во дворецъ, и увидѣла его красная дѣвица — выкрадена была нечистыми изъ одного села; увидѣла его и спрашиваетъ: «зачѣмъ пожаловалъ сюда, доброй молодецъ? здѣсь черти живутъ, они тебя въ клочки разорвутъ». Петруша разсказалъ ей, какъ и зачѣмъ пошалъ въ этотъ дворецъ. «Ну, смотри же, говоритъ ему красная дѣвица, станеть давать тебѣ дьяволъ золото и серебро — ты ничего не бери, а проси, чтобъ подарилъ тебѣ того самаго ледащаго коня, на которомъ нечистые дрова и воду возать. Этотъ конь — твой отецъ; какъ шелъ онъ изъ кабака пьяной да упалъ въ воду, черти тотчасъ подхватили его, сбѣжали своей лошадыю, да и возать теперь на немъ дрова и воду!» Тутъ пришелъ тотъ самый молодецъ, что звалъ Петрушу въ гости, и привился угощать его всякими нажитками и наядками. Пришло время отираваться Петрушѣ домой. «Пойдемъ, сказалъ ему дьяволъ, а надѣлю тебѣ деньгами и славною лошадыю, живо до дому доѣдешь.» — Ничего мнѣ не нужно, отвѣчалъ Петруша; а коли хочешь дарить — подарь ту ледащую кляченку, на которой у васъ дрова и воду возать.

«Кула тебѣ эта кляча! скоро ли на ней до дому доберешься, она того и смотри окозветь!» — Все равно, подари; окроми ее, другой не возмю! Отдай ему дьяволъ худую кляченку. Петруша взявъ и повелъ ее за узду. Только за ворота, а на встрѣчу ему красная дѣвица: «что достала лошадь?» — Достала. «Ну, доброй молодецъ, какъ придешь подъ свою деревню — сними съ себя крестъ, очерти кругомъ этой лошади три раза и повѣсь ей крестъ на голову.» Петруша поклонился и отправился въ путь; пришелъ подъ свою деревню — и сдѣлалъ все, что научила его эта дѣвица: снялъ съ себя жѣдный крестъ, очертилъ кругомъ лошади три раза и повѣсилъ ей крестъ на голову. И вдругъ лошади не стало, а на мѣсто ея стоялъ передъ Петрушкою родной его отецъ. Посмотрѣлъ сынъ на отца, залился горячими слезами и повелъ его въ свою избу: старикъ-ать три дня жилъ безъ говору, языкомъ не владалъ. Ну, послѣ стали они себѣ жить во всякомъ добрѣ и счастіи. Старикъ совсѣмъ позабылъ про шянство, и до самаго поослѣдняго дня ни капли вина не пилъ. — (Изъ собранія В. И. Дала.)

30. КРЕСТНОЙ ОТЕЦЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ бѣдной мужикъ съ женою; дѣтей у нихъ не было. Стали оны просить Бога, чтобы далъ имъ дѣтище во младости на посмотриніе, подъ старость на утѣшеніе, а по смерти на поиниѣ души. Создалъ имъ Господь дѣтище. Обрадовался мужикъ, пошелъ къ сосѣду и началъ просить въ кумовья: «пожалуй, говорить, приведи младенца въ крещеную вѣру». Сосѣдъ отказался за тѣмъ, что мужикъ-то былъ очень бѣденъ. По-

шелъ онъ къ другому, и тотъ отказался. Всю деревню иско-
дывалъ. никто къ нему не идетъ въ кумовья. Что дѣлать? по-
шелъ мужикъ въ иную деревню. Идетъ путемъ-дорогою, и
попадаетъ ему на встрѣчу незнакомый старецъ. «Здорово,
добрый человекъ! куда идешь, куда путь держишь?» — здо-
рово, дѣдушка! дажь мнѣ Господь дѣтище во младости на по-
смотрѣніе, подь старость на утѣшеніе, а по смерти на поминъ
души, да вотъ прилучилось какое горе: человекъ я бѣдной,
никто и не идетъ ко мнѣ привести младенца въ крещеніи
вѣру. «Возьми меня.» Мужикъ несказанно тому обрадовался
и благодарствовалъ старику. «Ну, говоритъ старецъ, ступай
теперь къ богатому купцу, проси дочь его въ крѣс(т)ныя
матери.» — Ахъ, нарѣченной кумъ! какъ мнѣ къ купцу идти,
онъ мною побрезгаетъ. «Не твоя печаль! ступай и проси. Да
смотри, чтобъ къ завтраму, къ утру, все было готово.» Бѣд-
ной мужикъ воротился домой, задрѣгъ лошадь и поѣхалъ въ
городъ къ богатому купцу. «Что надѣть?» спрашиваетъ ку-
пецъ. — Да вотъ, господниъ купецъ! дажь мнѣ Господь
дѣтище во младости на посмотрѣніе, подь старость на утѣше-
ніе, а по смерти на поминъ души. Пожалуй, отпусти свою
дочь въ крѣс(т)ныя. «А когда у тебя кетны (крестны)?»
— Завтра утромъ. «Ну, хорошо; ступай съ Богомъ, она
приведетъ.»

На другой день поутру привѣзла кума, пришелъ и кумъ, и
окрестилъ младенца. Распрощались и пошла по своимъ мѣстамъ.
Сталъ младенецъ возрастать, да такой умной да доброй, всѣмъ
сосѣдямъ на зависть. Отдали его учиться грамотѣ; которые
учатся дѣть по пяти, а онъ всю науку въ годъ окончалъ.
всѣхъ перегналъ! Пришла святая недѣля. Отслушалъ маль-
чикъ заутреню и раннюю обѣдню, сходилъ къ крѣс(т)ной
матери, похристовался, воротился домой и спрашиваетъ:
«батюшка и матушка! гдѣ живетъ мой крѣс(т)ной, а бы къ

нему пошелъ, покрестосовался?» — Любезный сынъ, говорить они, мы и сама не знаемъ; какъ окрестилъ онъ тебя — съ той самой поры мы его и не видали, и ничего про него не слышали. «Ну, батюшка и матушка! прощайте; пойду искать своего крѣс(т)наго.» И пошелъ онъ, куда глаза глядятъ; шелъ-шелъ, вышелъ въ чистое поле и повстрѣчался ему старецъ. «Здравствуй! говорить старецъ, куда идешь, куда путь держишь?» — Здорово, дѣдушка! -иду искать крѣс(т)наго. «Я твой крѣс(т)ной, говорить старикъ; пойдемъ со мною.» А старикъ-то былъ самъ Господь, и повелъ онъ своего крестника въ царство небесное; привелъ и приказываетъ: «смотри, крестникъ! по всѣмъ палатамъ гуляй, не входи только въ эту дверь». Сказалъ и ушелъ отъ него; остался мальчикъ одинъ. Вотъ онъ ходилъ-ходилъ по всѣмъ палатамъ и вздумалъ себѣ: отъ чего такъ не велѣлъ мнѣ крѣс(т)ной входить въ эту комнату? дай пойду, посмотрю — что тамъ такое? Вошелъ и увидѣлъ тамъ разбойника, а передъ нимъ на козлахъ стоитъ человекъ; жалко ему стало того человека, ухватилъ онъ камень и убилъ разбойника. Вдругъ является Господь. «Не послушалъ, говорить, ты моего приказанія! Этотъ разбойникъ убилъ въ свою жизнь девять человекъ, а ты его грѣхи теперь на себя снялъ; ступай-же на землю и трудись, пока грѣховъ своихъ ни замолишь!» Указалъ ему Господь дорогу: «иди вотъ по этой дорогѣ; будутъ тебѣ на пути два озера, по поясъ глубины отъ берега до берега; смотри-же не пей изъ нихъ воды, а коли напьешься — на вѣкъ погибнешь».

Пошелъ мальчикъ путемъ-дорогою; шелъ-шелъ, и пришелъ къ первому озеру. Сталъ переходить на другой берегъ, добрался ужъ до середины, и закотѣлось ему нить; такая жажда напала, что утерпѣть не въ моготу. Началъ онъ молиться Богу, и вздумалъ помочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему легче. Вышелъ онъ на другую сторону, глянуть

въ воду и видитъ, что на головѣ у него волосы стали серебряные. Пустылся дальше въ путь-дорогу, пришелъ къ другому озеру, сталъ перебираться на тотъ берегъ, добрался до средины, и опять напала на него жажда: такъ бы вотъ и испилъ! Началъ онъ Богу молиться, и опять вздумалъ поочить голову водою; помочилъ — и сдѣлалось ему гораздо полегче. Вышелъ на берегъ, глянулъ въ воду и увидѣлъ на своей головѣ золотые волосы. Пустылся дальше; шелъ-шелъ, пришелъ въ большой городъ, купилъ на рынкѣ воловій пузырь и надѣлъ его на голову; взмарался весь грязью и замѣшался межъ поденщиками. Пришелъ на рынокъ царской садовникъ, забралъ всѣхъ поденщиковъ; одного его не берётъ на работу. «Чтожь ты меня не возьмешь?» — Да ты кто? «Я — Иванъ Шолудивый, садовникъ.» — Ну, коли ты садовникъ, мнѣ такихъ и надо. И повелъ его прямо къ царю въ садъ. Раздалъ всѣмъ поденщикамъ работу, остался одинъ Иванъ Шолудивый. А у этого царя была любимая яблоня, и засохла тому дѣтъ уже десять; привелъ онъ его къ той яблоню и говоритъ: «вотъ тебѣ работа, привей эту яблоню». Иванъ Шолудивый взялъ ножикъ и привилъ яблоню; она сейчасъ принялась, разцвѣла и принесла такія же славныя яблоки, какія и прежде давала. Какъ увидалъ то садовникъ — взливовался; къ вечеру рассчиталъ онъ всѣхъ поденщиковъ, а Ивана Шолудиваго оставилъ при себѣ: «живи, братъ, у меня; ты мнѣ нуженъ!» Живетъ Иванъ Шолудивый у царя въ саду, ни съ кѣмъ дружбы не сводить, не гуляетъ, а все Богу молится. Разъ поутру всталъ онъ рано и пошелъ прямо къ колодезю, скинулъ съ головы воловій пузырь и давай умываться; умылся и началъ расчесывать свои золотыя кудри. Увидала его изъ окна меньшая царевна и такъ полюбила, что и во снѣ и на яву — все его видитъ.

Вотъ собрались царевны, зрѣли къ своему родителю и пали въ ноги: «не прикажи, говорить, казнить; прикажи рѣчь

говорить». — Говорите, любезныя дочери! «Милосливой батюшка! мы уже въ совершенныхъ лѣтахъ, пора намъ выходить замужъ.» — Ладно, говорятъ царь и рязослалъ по всемъ царствамъ, по воишь государствамъ, чтобы со всѣхъ сторонъ съѣзжались женихи: нари и царевичи, короли и королевичи, и могучіе богатыря. Съѣхались женихи, пошелъ пирь на весь міръ ¹⁾). Вотъ царь всталъ и говоритъ своей большой дочери: «ступай, дочь любезная! выбирай себѣ жениха». Выбрала большая царевна; послѣ того пошла середняя царевна — и та выбрала себѣ жениха. «Ну, выбирай ты!» говорятъ царь меньшей царевнѣ. Она взяла налила чарку водки и говоритъ: «кто эту чарку выпьетъ, тотъ и женихъ мой будетъ!» Поднесла чарку прямо къ Ивану Шолудивому, поклонилась ему и подчуетъ: «ну, нарѣченный суиругъ, кушай на здравіе!» У царя ни пиво варить, ни вино курить, честнымъ пиркомъ да за свадебку. Повѣнчали царевенъ. Вотъ старшія сестры и смѣются надъ меньшою: твой же мужъ какъ есть дуракъ! — Вамъ что за нужда? отвѣчаетъ царевна, вить не вамъ съ дуракомъ жить!

Жили они долго ли, коротко ли; началъ на то царство сильный непріятель. Собрались старшіе зятя и поехали сражаться. А Иванъ Шолудивый вышелъ въ чистое поле, свиснулъ-крикнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ: «эй ты, сивки-бурка! стань передо мною, какъ листъ передъ травой!» Откуда не взялся конь, сталъ передъ нимъ какъ вкопанный. Надѣлъ онъ на себя платье богатырское, сѣлъ на коня, ударилъ по крутымъ бедрамъ, и повесся на непріятеля, словно соколъ на гусей и лебедей, и сталъ побивать направо и налево. Только самого его ранили въ лѣвую руку; увидала то меньшая царевна, взяла платокъ и перевязала ему руку.

¹⁾ Вар. «пошелъ пирь горою.»

Ониѣ побѣхалъ Иванъ Шолудивый и перебилъ до чиста все войско неприятельское; воротился въ царской садъ, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Увидала его царица и спознала, кто таковъ богатырь былъ; сказала царю — тотъ такъ обрадовался, что на радостяхъ отдалъ ему половину царства; и стали они себѣ жить-поживать, да добра наживать. — (Изъ собранія В. И. Дала.)

31. КУЗНЕЦЪ И ЧОРТЪ.

Жилъ-былъ кузнецъ, у него былъ сынъ лѣтъ шести, мальчикъ бойкой и разумной. Разъ пошелъ старикъ въ церковь, сталъ передъ образомъ страшнаго суда, и видитъ: нарисованъ чортъ да такой страшной — чорной, съ рогами и съ хвостомъ. «Ишь какой!» подумалъ онъ, «дай-ка я себѣ намалюю такого въ кузницѣ.» Вотъ и нанялъ маляра, и велѣлъ ему нарисовать на дверяхъ кузницы чорта точь въ точь такого, какого видѣлъ въ церкви. Нарисовалъ маляръ. Съ той поры старикъ, какъ войдетъ въ кузницу, всегда взглянетъ на чорта и скажетъ: «здорово, землякъ!» А послѣ разведетъ въ горни огонь и примется за работу. Жилъ эдакъ кузнецъ въ ладу съ чортомъ лѣтъ съ десятокъ; потомъ заболѣлъ и померъ. Сталъ сынъ его за хозяина, принялся за кузнечное дѣло; только не захотѣлъ онъ почитать чорта, какъ почиталъ его старикъ. Прійдетъ ли поутру въ кузницу — съ нимъ никогда не поздоровается, а замѣсто ласковаго слова возьметъ самой что ни есть большой молотъ и огрѣетъ этимъ молотомъ чорта прямо въ лобъ раза три, да потомъ и за работу. А какъ настанетъ у Бога праздникъ — сходить онъ въ церковь, поставитъ святыхъ по свѣчкѣ; а къ чорту прійдетъ, и плюнетъ въ глаза. Провал

дѣлме три года, а онъ все угощаетъ нечистаго каждое утро то молотомъ, то плевками. Терпѣлъ, терпѣлъ чортъ, да и вывелъ изъ терпѣнія; не въ моготу стало. «Полно, душаешь, принимать имѣ отъ него такое изругательство! дай ухитрюсь, да что-нибудь надъ нимъ сдѣлаю.»

Вотъ обернулся чортъ царнемъ и приходитъ въ кузницу. «Здравствуй, дядя!»—Здорово. «А что, дядя, возьми меня къ себѣ въ ученье? буду тебѣ хоть уголья таскать, да имѣа раздывать.» Кузнецъ тому и радъ: «отчего не взять! вдвоемъ все спортъ...» Пошелъ чортъ въ науку; пожилъ мѣсяцъ и узналъ кузничное дѣло лучше самого хозяина: чего хозяинъ не сможетъ, то онъ сдѣлаетъ. Любо-дорого посмотреть! Кузнецъ ужъ такъ его полюбилъ, ужъ такъ имѣ доволенъ, что и сказать нельзя. Въ другой разъ самъ не идетъ въ кузницу — нагѣтся на работника: онъ всемъ управитъ. Разъ какъ-то не было хозяина дома, а въ кузницѣ оставался одинъ работникъ. Видитъ онъ—идетъ мимо старая барыня, высунувъ голову изъ дверей и давай причать: «эй, господа! вы пожалуйте сюда; здѣсь новая работа открывається, старые въ молодыхъ передѣлываются». Барыня сейчасъ изъ коляски да въ кузницу. «Чѣмъ ты это похваляешься? да вправду ли? да съумѣешь ли?» спрашиваетъ царя. — Не учиться намъ стать! отвѣчаетъ нечистой; коля-бъ не умѣлъ, такъ и не вызывался бы. «А что стѣнить?» спрашиваетъ барыня. — Да всего пятьсотъ рублей. «Ну, вотъ тебѣ деньги, сдѣлай изъ меня молодую.» Нечистой взялъ деньги, посылаетъ кучера на деревню: «ступай, говорить, притащи сюда два ушата молока»; а самѣ барыню схватилъ вѣщами за ноги, бросилъ въ горнь и сжегъ всю дѣчета: только однѣ косточки и остались. Какъ принесли два ушата съ молокомъ, онъ вынулъ ихъ въ кадушку, собралъ все косточки и побросалъ въ молоко. Глядь—минуты черезъ три выходятъ изъ молока барыня: живая, да молодая, да красивая!

Съѣла она въ коляску и поѣхала домой; входитъ къ баринѣ, а тотъ уставялъ на нее глаза и не узнаетъ своей жены. «Что глаза-то выпучилъ? говорить барыня. Видишь, я и молода, и статна; не хочу, чтобъ у меня мужъ былъ старой! Сейчасъ же поѣздай въ кузницу, пускай и тебя перекуютъ въ молодого... а то и знать тебя не хочу!» Нечего дѣлать, поѣхалъ баринъ.

А тѣмъ временемъ кузнецъ воротился домой и пошелъ въ кузницу; смотритъ—нѣту работника; вокалъ-искалъ его, спрашивалъ-спрашивалъ—нѣтъ какъ нѣтъ, и слѣдъ простылъ. Принялся одинъ за работу, только молотомъ постукиваетъ. Приѣзжаетъ баринъ и прямо въ кузницу: «сдѣлай, говорить, изъ меня молодого».—Въ уши ли ты, баринъ? какъ сдѣлать изъ тебя молодого? «Ну, такъ какъ знаешь!»—Я ничего не знаю. «Врѣшь, мошенникъ! коли передѣлали мою старуху, передѣлывайте и меня; а то мнѣ житья отъ нея не будетъ...» — Да я твоей барыни и въ глаза-то не видалъ. «Все равно твой работникъ видѣлъ. Если онъ съумѣлъ дѣло повершить, такъ ты, старой мастеръ, и подавну долженъ умиѣть. Ну, живѣй поворачивайся; не то быть худу: попробуешь у меня березовой бани.» Принужденъ былъ кузнецъ передѣлывать барина. Распросилъ потихоньку у кучера, какъ и что сдѣлалъ работникъ его съ барыней, и думаетъ: куда не шло! стану тоже дѣлать; попаду на лядъ—хорошо, не попаду—все равно пропадать! Тотчасъ раздѣлъ барина до нага, схватилъ его клещами за ноги, сунулъ въ горячъ и давай поддувать мѣхами; сжегъ всего въ пепелъ. Послѣ того вынулъ кости, покидалъ въ молоко, и ждетъ—скоро ли выскочить оттуда молодой баринъ. Ждетъ часъ, и другой—нѣтъ ничего; посмотрѣлъ въ кадущку—однѣ косточки плаваютъ, и тѣ обгорѣлыя... А барыня идетъ по слову въ кузницу: скоро ли будетъ готовъ баринъ? Отвѣчаетъ бѣдный кузнецъ, что баринъ приказалъ долго жить; по-

минайте, какъ звали! Какъ узнала барыня, что кузнецъ только сжегъ ея мужа, а молодымъ не сдѣлалъ, сильно разгнѣвалась, созвала своихъ вѣрныхъ слугъ и велѣла тащить кузнеца на висѣлицу. Сказано-сдѣлано. Побѣждали слуги въ кузницу, схватили его, связали и потащили на висѣлицу. Вдругъ нагоняетъ ихъ тотъ самой малой, что у кузнеца жилъ въ работникахъ, и спрашиваетъ: «куда ведутъ тебя, хозяинъ?»—Хотятъ повѣстать, отвѣчалъ кузнецъ, и рассказалъ все, что съ нимъ стязалося. «Ну, дядя! молвилъ нечистый, поклонись, что никогда не будешь бить меня своимъ молотомъ, а станешь ко мнѣ такую-же честь держать, какую твой отецъ держалъ.—и баринъ сейчасъ будетъ и живъ, и молодъ.» Кузнецъ забожился, заклялся, что никогда не подыметъ на чорта молота, а будетъ отдавать ему всякую нечесть. Тутъ работникъ побѣждалъ въ кузницу, и наскоро воротился оттуда вмѣстѣ съ бариномъ: «стой, причитъ слугамъ, не вѣшайте! вотъ вашъ баринъ!» Она сейчасъ развязала веревки и отпустили кузнеца на все на четыре стороны; съ тѣхъ поръ пересталъ кузнецъ плевать на чорта и бить его молотомъ, работникъ его скрылся и больше на глаза не показывался, а баринъ съ барыней стали жить да поживать, да добра наживать, а теперь еще живутъ, коли не умерли. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

32. ВОЛКЪ.

Дѣло было въ старину, когда еще Христосъ ходилъ по землѣ вмѣстѣ съ апостолами. Разъ идуть они дорогою, идуть широко; понадеется на встрѣчу волкъ и говорить: «Господя! мнѣ ѣсть хочется!»—Поди сказалъ ему Христосъ, съѣшь кобылу. Волкъ побѣждалъ искать кобылу; увидалъ ее, подходитъ и го-

ворить: «кобыла! Господь велѣлъ тебя съѣсть». Она отвѣчаетъ: «ну, нѣтъ! меня не съѣшь, не позволено; у меня на то естѣ видъ (паспортъ), только далеко забыть». — Ну, покажи! «Подойди поближе къ заднимъ ногамъ.» Волкъ подошелъ; она какъ треснетъ его по зубамъ задними копытами, ажно (такъ что) волкъ на три сажени назадъ отлетѣлъ! А кобыла убѣжала.

Пошелъ волкъ съ жалобой; приходитъ ко Христу и говоритъ: «Господи! кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» — Ступай, съѣшь барана. Волкъ побѣжалъ къ барану; побѣжалъ и говоритъ: «баранъ! я тебя съѣмъ, Господь приказалъ». — Пожалуй, съѣшь! да ты стань подъ горою да разнижь свою пасть, а я стану на горѣ разбѣгусь, такъ прямо къ тебѣ въ ротъ и вскочу! Волкъ сталъ подъ горою и разниулъ пасть: а баранъ какъ разбѣжется съ горы, да какъ ударитъ его своимъ бараньимъ лбомъ: бацъ! Сшибъ волка съ ногъ, да самъ и ушелъ. Волкъ всталъ, глядитъ на всѣ стороны: нѣтъ барана!

Опять отправился съ жалобой: приходитъ ко Христу и говоритъ: «Господи! и баранъ меня обманулъ; чуть-чуть совсемъ не убилъ!» — Поди, сказалъ Христосъ; съѣшь портнаго. Побѣжалъ волкъ; попадется ему на встрѣчу портной. «Портной! а тебя съѣмъ, Господь приказалъ.» — погоди, дай хоть съ родными проститься. «Нѣтъ, и съ родными не дамъ проститься.» — Ну, что дѣлать! такъ в бытъ, съѣшь. Дай только и тебя смѣряю: влѣзу ли еще въ тебя-то? «Смѣрай!» говоритъ волкъ. Портной зашелъ сзади, схватилъ волка за хвостъ, занялъ хвостъ за руку, и давай сраго утисжить (бить). Волкъ бился-бился, рвался-рвался, оторвалъ хвостъ, да давай Богъ ноги. Бѣжить что есть силы, а на встрѣчу ему семь волковъ. «Постой! говорить; что ты, смѣрой, безъ хвоста?» — Портной оторвалъ. «Гдѣ портной?» — Волкъ идетъ по дорогѣ. «Давай на-

гонять его», и пустились за портнымъ. Портной услышалъ погоню, видя въ — что дѣло плохо, взобрался поскорѣй на дерево, на самый верхъ, и сидѣть. Вотъ волки прибѣжали и говорятъ: «станемъ, братцы, доставать портнаго; ты, кургузой (безхвостый), ложись подъ-исподъ, а мы ля тебе, да другъ на дружку устанемся. — авось достанемъ!» Кургузой лёгъ на-земь, на него сталъ волкъ, на того другой, на другаго третій, все выше и выше; ужъ послѣдній валъзаетъ. Видя портной бѣду неминуемую: вотъ-вотъ достануть! и закричалъ сверху: «ну, ужъ никому такъ не достанется, какъ кургузому!» Кургузой какъ выскочить изъ-подъ низу да бѣжать! Всѣ семеро волковъ попадали на-земь, да за нимъ въ догонку; нагнали и ну его рвать, только ключья летятъ. А портной слѣзъ съ дерева и пошелъ домой. — (Изъ собранія В. И. Даля.)

33. ПЬТУХЪ И ЖОРНОВКИ¹⁾).

Жилъ да былъ себѣ старикъ со старухой, бѣдные-бѣдные! Хлѣба-то у нихъ не было; вотъ они поѣхали въ лѣсъ, набрали жолудей, привезли домой и начали ѣсть. Долго ли, коротко ли они ѣли, только старуха уронила одинъ жолудь въ подполье. Пустякъ жолудь ростокъ и въ небольшое время доросъ до полу. Старуха запримѣтила и говоритъ: «старикъ! надобно полята прорубить: пускай дубъ растетъ выше; какъ вырастетъ, не станемъ въ лѣсъ за жолудями ѣздить, станемъ въ набѣ рвать». Старикъ прорубилъ поле; дерево росло росло и выросло до потолка. Старикъ разобралъ и потолокъ, а послѣ и крышу снялъ: дерево все растетъ да растетъ, и доросло до

¹⁾ Ручная мельница.

самого неба. Не стало у старика со старухой жолудей, взялъ онъ иѣшокъ и полѣзъ на дубъ. Дѣзъ-лѣзъ, и взобрался на небо¹⁾. Ходилъ-ходилъ по небу, увидалъ: сидитъ кочетокъ-золотой гребенѣкъ, маслена головка, и стоятъ жорновцы. Вотъ старикъ-ать долго не думалъ, захватилъ съ собою и кочетка и жорновцы, и спустился въ избу. Спустился и говоритъ: «какъ намъ, старуха быть, что намъ ѣсть?»—Постой, молвила старуха, я попробую жорновцы. Взяла жорновцы и стала молотъ: ахъ блинъ да пирогъ, блинъ да пирогъ! что ей повернетъ—все блинъ да пирогъ! И накормила старика.

Вѣхалъ мимо какой-то баринъ, и заѣхалъ къ старуку со старушкой въ хату «Нѣтъ ли, спрашиваетъ, чего-нибудь поѣсть?» Старуха говоритъ: «чего тебѣ, родимый, дать поѣсть, развѣ блинковъ?» Взяла жорновцы и намолоча: напачала блинны да пирожки. Протѣзжій поѣлъ и говоритъ: «продай мнѣ, бабушка, твои жорновцы».—Нѣтъ, говоритъ старушка, продать нельзя. Онъ взялъ да и укралъ у ней жорновцы. Какъ увидали старикъ со старушкою, что украдены жорновцы, стали горе горевать. «Постой, говоритъ кочетокъ-золотой гребенѣкъ; я полечу, догоню!» Прилетѣлъ онъ къ боярскимъ хоромамъ, сѣлъ на ворота и кричитъ: «кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Какъ услышалъ баринъ, сейчасъ приказываетъ: «эй малой! возьми-брось его въ воду». Поймали кочетка, бросили въ колодезь; онъ и сталъ приговаривать: «носикъ, носикъ! пей воду; ротикъ, ротикъ! пей воду»—и выпилъ всю воду. Выпилъ всю воду и полетѣлъ къ боярскимъ хоромамъ, усѣлся на балконъ и опять кричитъ:

¹⁾ *Вариантъ:* Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Разъ ѣли они горохъ, и уронили подъ полъ одну горошину. Стала она расти, росла-росла, и выросла до самаго потолка. Дѣдъ разобралъ и крышу, и потолокъ; а горошина взяла расти до самаго неба. Полѣзъ дѣдъ на небо....

«кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые; голубые!» Баринъ велѣлъ повару бросить его въ горячую печь. Поймали кочетка, бросили въ горячую печь—прямо въ огонь; онъ и сталъ приговаривать: «носикъ, носикъ! лей воду: ротикъ, ротикъ! лей воду»—и залилъ весь жаръ въ печи. Вспорхнулъ, влетѣлъ въ боярскую горницу и опять кричать: «кукуреку! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые! бояринъ, бояринъ! отдай наши жорновцы золотые, голубые!» Гости услышали это и побѣгли изъ дому, а хозяинъ побѣгъ догонять ихъ; кочетокъ—золотой гребенёкъ схватилъ жорновцы, да и улетѣлъ съ ними.—(Записана изда-телемъ въ воронежскомъ уѣздѣ.)

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. ЧУДЕСНАЯ МОЛОТЬБА.

Въ изданіи Вольфа «Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde» (т. I, вып. I, стр 41—42) напечатана совершенно сходная съ записанною мною легенда: «Wie Petrus dreschen sollte», но съ слѣдующимъ характеристическимъ допущеніемъ въ началѣ. Однажды Христосъ съ апостоламъ Петромъ, странствуя по землѣ, пришли поздно вечеромъ къ крестьянину и попросились у него переночевать. Мужикъ пустилъ ихъ, но съ условіемъ чтобы утромъ сабадующаго дня пособилъ ему молотить. Рано проснулся онъ и велѣлъ будить странниковъ и звать на работу. «Petrus wollte hinabsteigen, aber der herr hiess ihn ruhig liegen bleiben. Da währte dem bauern die sache zu lang, er stieg mit einem stock die leiter hinauf und schlug herzhaft auf den Petrus los, welcher vorn lag. Doch als er wieder unten war, hatte er gut warten und rufen, lie fremden kamen nicht. Petrus dachte indessen: «wenn er wieder kommt soll er mich nicht mehr vorn finden» und verkroch sich hinter den herrn, der bauer aber kam zum zweitenmale mit dem stock, sprach: «der vorn liegt, hat sein theil, er muss hartschlägig sein, nun gehts an den andern» — und gab dem armen Petrus ein zweites frühstück, noch kräftiger als das erste.» Слѣдуетъ чудесная молотьба огнемъ, какъ и въ русской легендѣ. Когда таинственные странники распростылись съ хозяиномъ и отправлялись въ свой путь, апостоль Петръ сталъ жаловаться на жестокосердіе крестьянина; «оборотись!» сказала ему

Господь. Въ то время они взошли на холмъ; апостолъ взглянулъ назадъ: весь дворъ и изба крестьянина стояли въ пламени. (См. еще *Zeitschrift für Deutsche Mythologie*, т. I, вып. 4, стр. 471—2; т. II, вып. 1, стр. 13—16; т. IV, вып. 1 стр. 50—54.) Подобный рассказъ можно слышать и у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Приводимъ здѣсь вариантъ, записанный П. И. Якушвинымъ въ орловскомъ уездѣ:

Въ одну зимнюю ненастную ночь шелъ по дорогѣ Иванъ Милостивой съ двѣнадцатью апостолами. Въ полѣ почевать было холодно; они и постучались къ одному мужику: «пусти обогрѣться!» Мужикъ сначала не хотѣлъ пускать ихъ, да потомъ согласился и пустилъ съ условіемъ, чтобы завтра чуть свѣтъ обмолотили ему три конны ржи. На утро хозяинъ толкнулъ Ивана Милостиваго, а онъ вмѣстѣ съ апостолами лежалъ на полу: «пора молотить, собирайтесь!» Толкнулъ и пошелъ на дворъ. Вотъ апостолы поднялись было и хотѣли идти на гумно; да Иванъ Милостивой уговорилъ ихъ еще немного поспать. Мужикъ ждалъ-ждалъ, нѣтъ помощниковъ! Взялъ кнутъ, пошелъ въ избу и давай стегать крайняго, а крайній-то былъ Иванъ Милостивой. «Полю! закричалъ Иванъ Милостивой, въ слѣдъ за тобой иду.» Мужикъ ушелъ. Апостолы опять было поднялись; но Иванъ Милостивой снова уговорилъ ихъ остаться и еще хоть немного отдохнуть. «Будетъ съ него! полавилъ онъ, отстегалъ кнутомъ, теперь больше не придетъ.» А у самого на умѣ: «какъ придетъ мужикъ, опять придется за крайняго!» и залѣзъ на самой задъ. Мужикъ ждалъ-ждалъ, воротился въ избу съ кнутомъ и думаетъ самъ съ собою: «за что-жь я буду бить одного крайняго? сежь на премусъ за задняго!» — и принялся за Ивана Милостиваго. Только ушелъ мужикъ, Иванъ Милостивой и въ третій разъ уговорилъ апостоловъ не вставать на работу, а самъ залѣзъ въ середину. Вотъ хозяинъ ждалъ-ждалъ, не дождался,

и снова пошелъ въ избу съ кнутомъ: пришелъ и думаетъ. «крайнему ужъ досталось, заднему тоже, примусь-ка теперь за середняго!» И опять-таки досталось Ивану Милостивому. Нечего дѣлать, поднялся онъ и самъ началъ просить апостоловъ, чтобъ шла помогать мужику.

3. БѢДНАЯ ВДОВА.

Въ этой легендѣ замѣчательно представленіе будущей жизни, предназначенной для добродѣтельныхъ и злыхъ. (См. также легенду «Пустынникъ» подл № 21.) Первыхъ ожидаетъ такое полное блаженство, что время для нихъ какъ-бы переставетъ существовать: годъ пролетитъ, какъ единая минута. Тоже представленіе встрѣчаемъ и въ другихъ народныхъ сказаніяхъ (смотри варианты къ легендѣ: «Христовъ братецъ»). Валахская легенда (*Walachische Märgchen*, № 2) рассказываетъ о дѣвочкѣ, которую взяла съ собою Св. Дѣва. «Гдѣ ты была?» спрашиваетъ ее однажды Св. Дѣва. — Я пробыла одинъ день въ раю, отвѣчаетъ дѣвочка. «Не одинъ день, а цѣлый годъ пробыла ты!» Въ другой разъ повторяетъ свой вопросъ Св. Дѣва: «гдѣ ты была?» — Я пробыла одинъ часъ въ раю. «Не часъ, а три человѣческихъ жизни.» Въ третій разъ спрашиваетъ Св. Дѣва, и на отвѣтъ дѣвочки: «я на мгновенье побывала на небѣ» — замѣчаетъ: «ошибаешься. дитя! не мгновенье, а полнѣчности пробыла ты въ жилищѣ блаженныхъ». (Смачи съ рассказомъ изпечатаннымъ въ Сербск. народ. приповиѣтк., № 17, стр. 113—4.) На одной лубочной картинѣ изображено сказаніе о старцѣ, который молилъ Бога, чтобъ даровалъ ему извѣдать сладость блаженства праведныхъ; Богъ услышалъ его молитву: разъ старецъ заслушался пѣніа райской птички; слушалъ, слушалъ, и триста

лѣтъ пронеслись для него, какъ три часа. У народовъ романскихъ есть такое-же преданіе о пустынноикѣ, который заслушался въ лѣсу соловья, впалъ въ сладкое забытіе на цѣлыя сто лѣтъ, и когда очнулся — все для него было ново и незнакомо.

Въ легендѣ о бѣдной вдовѣ разсказывается чудо, какъ Господь одною малою краюшкою хлѣба накормилъ двѣнадцать апостоловъ, и еще лошты остались. Для сравненія съ этимъ сказаніемъ приводимъ слѣдующее любопытное жѣсто изъ легенды: *Christus in der Bauershütte* записанной въ Буковинѣ: Христосъ посѣтилъ хижину крестьянина. Здѣсь встрѣтила его совершенная нищета. Маленькія дѣти съ плачемъ просили у матери хлѣба, но у бѣдной женщины не было ни крошки. Въ горѣ она развела на очагѣ огонь, принесла со двора кусокъ коровьяго навозу (*kuhmist*) и посадила его въ печь, чтобы хоть этимъ утолить дѣтскій голодь. Черезъ полчаса вынула она свою страйну; но какъ изумилась, когда увидѣла, что коровій навозъ превратился въ прекрасный штательный хлѣбъ! Стала крестьянка одѣлять своихъ дѣтей, — и совершилось другое чудо: какъ много ни отламывала она отъ хлѣба, всякой разъ столько-же вновь его выростало. Не оставалось болѣе сомнѣнія, что гостемъ ея былъ самъ Господь; она пала къ стопамъ Спасителя и пролила благодарныя слезы (*Zeitschrift für Deutsche Mythologie etc.*, т. I, выш. 4 стр. 472).

4. ИСЦѢЛЕНІЕ. — 5. ПОПЪ-ЗАВИДУЮЩІЕ ГЛАЗА.

Въ собраніи народныхъ сказокъ В. И. Даля находится еще слѣдующій списокъ этой интересной легенды:

Жилъ-былъ попъ; приходъ у него былъ большой и богатой, набралъ онъ много денегъ и понесъ прятать въ церковь; при-

шелъ туда, поднялъ половицу и спряталъ. Только понамарь и подсмотри это; вынулъ потихоньку поповскія деньги и забралъ себѣ всё до единой копѣйки. Прошло съ недѣлю; затѣлось поцу посмотреть на свое добро; пошелъ въ церковь, приво- нялъ половицу, глядь — а денегъ-то нѣту! Ударился пошъ въ большую печаль; съ горя и дошой не воротился, а пустился странствовать по бѣлу свѣту — куды глаза глядятъ.

Вотъ шелъ онъ, шелъ, и повстрѣчалъ Никола-угодника; въ то время еще святые отцы по землѣ ходили и всякія бо- лѣзни лечили. «Здра(в)ствуй, старче!» говорить пошъ. — Здравствуй! куда Богъ несетъ? «Иду, куды глаза глядятъ!» — Пойдемъ вмѣстѣ. «А ты кто таковъ?» — Я Божій странникъ. «Ну, пойдешь.» Пошли вмѣстѣ по одной дорогѣ; идутъ день, идутъ и другой; все прѣли, что у нихъ было. Оставалась у Никола-угодника одна просвирка; пошъ утащилъ ее ночью и съѣлъ ¹⁾. «Нѣ взялъ ли ты мою просвирку?» спрашиваетъ по- утру Никола-угодникъ у попа; «нѣтъ, говорить; я ее и въ глаза не видалъ!» — Ой взялъ! признайся, братъ. Пошъ заглялся-забожился, что не бралъ просвиры.

«Пойдемъ темеръ въ эту сторону, сказалъ Никола-угод- никъ; тамъ есть баринъ, три года бѣснуется, и никто не мо- жетъ его вылечить; возьмемъ-ка мы лечить.» — Что я за лѣкаръ! отвѣчаетъ пошъ, я этого дѣла не знаю. «Ничего, я знаю; ты ступай за мной, что я буду говорить — то и ты говори.» Вотъ пришли они къ барину. «Что вы за люди?» спрашиваютъ ихъ. — Мы знахари, отвѣчаетъ Никола-угод- никъ. — Мы знахари, повторяетъ за нимъ пошъ. «Умѣте

¹⁾ *Вариантъ:* Пошли вмѣстѣ. У Никола-угодника былъ мѣшокъ съ лепеш- ками. «Дай я понесу», вызвался пошъ. — Возьми, носи! Ночью пошъ прѣлъ всё лепешки, а въ мѣшкѣ дыру прорвалъ. Утромъ на другой день говорить Никола: «давай позавтракаемъ». — Да чего завтракать-та? «А лепешки гдѣ?» — Вышь дыра въ мѣшкѣ, всё по дорогѣ разсыпалось.

лѣчить?» — Умѣемъ, говоритъ Никола-угодникъ. — Умѣемъ, повторяетъ попъ. «Ну, лѣчите барина.» Никола-угодникъ приказалъ истопить баню и привести туда барина. Сейчас истопили баню, и привели туда больного. Говоритъ Никола-угодникъ попу: «руби ему правую руку» — На что рубить? «Не твое дѣло! руби прочь.» Попъ отрубилъ барину правую руку «Руби теперь лѣвую ногу.» Попъ отрубилъ и лѣвую ногу. «Клади въ котелъ и мѣшай.» Попъ положилъ въ котелъ и давай мѣшать. Тѣмъ временемъ посылаетъ барыня своего слугу: «попъ, посмотри, что тамъ надъ бариною дѣется?» Слуга сбѣгалъ въ баню, посмотрѣлъ и докладываетъ, что знахари разрубили барина на части и варятъ его въ котлѣ. Тутъ барыня крѣпко осерчала, приказала поставить вѣслицу и долго не мѣшкая повѣсить обомъ знахарей. Поставили вѣслицу и повели ихъ вѣшать. Испугался попъ, божится, что онъ никогда не бывалъ знахаремъ и за лѣченье не брался, а виноватъ во всемъ одинъ его товарищъ. «Кто васъ разберетъ! вы вѣстѣ лѣчили.» — Послушай, говоритъ попу Никола-угодникъ; послѣднй часъ твой приходитъ, скажи передъ смертью: вѣдъ ты украдъ у меня просвиру? «Нѣтъ, увѣряетъ попъ, я ее не бралъ.» — Такъ-таки и не бралъ? «Ей Богу, не бралъ!» — Пусть будетъ по твоему. Пойдите, говоритъ слугамъ; вонъ идетъ вашъ баринъ. Слуги оглянулись, и видятъ: точно идетъ баринъ, и совершенно-здоровой ¹⁾. Барыня тому обрадовалась, наградила лѣкарей деньгами и отпустила на всѣ на четыре стороны.

Ночь они шли-шли, и очутились въ другомъ государствѣ; видать — по всей странѣ печаль великая, и узнаютъ, что у

¹⁾ *Вариантъ:* Взялъ Никола-угодникъ, разсѣкъ больного на шестъ частей, вымылъ ихъ въ теплой водѣ, сложилъ опять вѣстѣ, дуновъ и сказалъ: «встань во имя Господне!» Больной всталъ здоровымъ и неприкосновеннымъ. Странниковъ наградили, и пошли они дальше...

тамошняго царя дочь бѣснуется. «Пойдемъ царевну лѣчить». говорятъ попь. — Нѣтъ, братъ, царевны не вылѣчишь. «Ничего, я стану лѣчить, а ты ступай за мной; что я буду говорить — то и ты говори.» Пришелъ во дворецъ. «Что вы за люди?» спрашиваетъ стража. — Мы знахари, говорятъ попь; хотишь царевну лѣчить. Доложили царю; царь позваеъ ихъ передъ себя и спрашиваетъ: «точно ли вы знахари?» — Точно знахари, отвѣчаетъ попь. — Знахари, повторяетъ за ними Никола-угодникъ. «И берѣтесъ царевну вылѣчить?» — Берѣмся, отвѣчаетъ попь. — Берѣмся, повторяетъ Никола-угодникъ. «Ну, лѣчите.» Заставилъ попь истопить баню и привести туда царевну. Какъ сказалъ онъ, такъ и сдѣлали: привели царевну въ баню. «Руби, старикъ, ей правую руку», говоритъ попь. Никола-угодникъ отрубилъ царевнѣ правую руку. «Руби теперь лѣвую ногу.» Отрубилъ и лѣвую ногу. «Клади въ котель и мѣшай.» Положилъ въ котель и принялся мѣшать. Посылаетъ царь узнать, что сталося съ царевною. Какъ доложили ему, что сталося съ царевною, гнѣвъ и страшенъ сдѣлаеъ царь, въ ту-же минуту приказалъ поставить висѣлицу и повѣсить обоихъ знахарей. Повели ихъ на висѣлицу. «Смотри-же, говоритъ попу Никола-угодникъ, теперь ты былъ лѣкаремъ, ты одинъ и отвѣчай.» — Какой я лѣкаръ! и сталъ сваливать свою вину на старика, божится и клянется, что старикъ всему злу затѣйщикъ, а онъ не причастенъ. «Что ихъ разбирать! сказалъ царь, вѣшайте обоихъ.» Взялись за попа за перваго: вотъ ужъ петлю готовятъ. «Послушай, говоритъ Никола-угодникъ; скажи передъ смертію: вѣдь ты укралъ просвиру?» — Нѣтъ, ей Богу, не бралъ! «Признайся, упрашиваетъ; коли признаешься — сейчасъ царевна встанетъ здоровою, и тебѣ ничего не будетъ.» — Ну, право-же, не бралъ! Ужъ надѣли на попа петлю и хотятъ подымать; «постойте, говоритъ Никола-угодникъ, вонъ ваша

царевна». Смотрять — идет она совсѣмъ здоровая, какъ ни въ чемъ не бывала. Царь велѣлъ награждать знахарей изъ своей казны и отпустить съ широмъ. Стали одѣвать вѣхъ казною; попъ набилъ себѣ полные карманы, а Никола-угодникъ взялъ одну горсточку.

Вотъ пошла они въ путь-дорогу; шли шли, и остановились отдыхать. «Выинмай свои деньги говоритъ Никола-угодникъ; посмотрижь, у кого больше.» Сказалъ и высиналъ свою горсть, аичалъ высыпать и попъ свои деньги. Только у Николы-угодника куча все растетъ да растетъ, все растетъ да растетъ; а попова куча ни мало не прибавляется. Видятъ попъ, что у него меньше денегъ, и говоритъ: «давай дѣлиться». — Давай! отвѣчаетъ Никола-угодникъ, и раздѣлялъ деньги на три части: «эта часть пусть будетъ моя, эта твоя, а третья тому, кто просвиру укралъ.» — Да вѣдь просвиру-то я укралъ, говоритъ попъ. «Эка какой ты жадной! два раза вѣшать хотѣли — и то не покаялся, а теперь за деньги признался! Не хочу съ тобой странствовать, возьми свое добро и ступай одинъ, куда знаешь.»

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ эта самая легенда рассказываетя съ тою отмѣною, что вмѣсто Николая-угодника странствуетъ съ попомъ самъ Господь въ образѣ старца.

Въ изданіи нѣмецкихъ сказокъ братьевъ Гриммовъ (ч. I, № 81: «Bruder Lustig»; ч. III, стр. 429—434) подобная же легенда рассказываетя о странствованіи апостола Петра вмѣстѣ съ солдатомъ. Св. Петръ исцѣляетъ больныхъ и воскрешаетъ королеву: когда привели его къ одру усопшей, онъ приказалъ принести котель воды и выславъ изъ комнаты всѣхъ домашнихъ. Тогда рознялъ онъ всѣ члены умершей на составныя части, побросалъ ихъ въ воду, развелъ подъ котломъ огонь, и сталъ варить, пока все мясо ни отдѣлялось отъ костей. Затѣмъ бѣлыя кости были вынуты на столъ; апостолъ

сложилъ ихъ вмѣстѣ въ томъ порядкѣ, какой назначенъ самою природою, и трижды сказала: «возстань во имя всемогущей Троицы!» Королева возстала живою, здоровою и прекрасною.

Какъ въ русской легендѣ полкъ не признается, что съѣлъ просвиру, такъ въ нѣмецкой — солдатъ, что съѣлъ сордце жаренаго ягненка.

Смотри примѣчаніе къ легендѣ подлѣ № 30 и сличи съ легендою, напечатанною въ сборникѣ: «Westslawischer Märchenschatz», стр. 88—89.

8. ХРИСТОВЪ БРАТЕЦЪ.

Варианты изъ собранія В. И. Даля: а) Былъ-жилъ нѣкій царь, ко весть ласковый, къ нищимъ милостивый. Разъ на праздниакъ Свѣтлаго Воскресенія послалъ онъ своего слугу на перекрестокъ: «кто ня пройдетъ — всякаго проси со мной разговѣться» Долго стоялъ слуга на перекресткѣ, не проходило ни одного странника; подождать еще немного и видить: тапится нищій — весь въ гнойныхъ ранахъ. Взялъ его съ собою и привелъ во дворецъ. Нищій поздравилъ царя и царицу съ праздникомъ, похристосовался съ ними, и подошелъ было къ царской матери, да она не захотѣла съ нимъ христосоваться, отвернулась и давай корить царя: «чтобъ тебѣ съ нимъ подавиться! нашель съ кѣмъ разгавляваться... и Эда-то на умъ не пойдетъ!» — Кушай одна, жатужка! коли съ нами не хочешь, сказалъ царь и усадилъ нишаго за столъ; и самъ съѣлъ съ царицею, и всѣ слуги съѣли, и разговѣлись вмѣстѣ. Послѣ обѣда уложилъ царь нишаго на своей постелѣ отдохнуть на ниножку. А тамъ пришло время, сталъ нищій прощаться и зоветь царя къ себѣ въ гости: «я де за тобой коня пришлю». Царь далъ ему свое царское слово.

На другомъ день откуда ни возьмись славной конь, прибѣжалъ къ самому дворцу, ударилъ въ ворота копытами — ворота растворилися, подошелъ къ крыльцу и сталъ, какъ вкопанный. Царь сѣлъ на него и поѣхалъ куда конь повѣзъ. Вотъ ѣдетъ онъ путемъ-дорогою незнаемою и видитъ: бѣгаетъ человекъ за ничужкою и никакъ не можетъ поймать ее. «Царь, говоритъ ему тотъ человекъ, ты ѣдешь до Господа Бога; спрося про меня грѣшнаго, долго-ль мнѣ мучиться?» Ѣдетъ царь все дальше и дальше; вотъ стоитъ изъ поля изба, а въ избѣ бѣгаетъ человекъ изъ угла въ уголъ и кричитъ: «охъ, тѣсно! охъ, тѣсно!» — Сядь на лавку, говоритъ ему царь, и не будетъ тѣсно. «Не могу; цѣлой вѣкъ такъ бѣгаю. Ты ѣдешь до Господа Бога; спрося про меня грѣшнаго долго-ль мнѣ мучиться?» Подъѣзжаетъ царь къ синему морю; стоитъ въ водѣ человекъ по самыя уста и кричитъ: «охъ, пить хочу! охъ, пить хочу!» — Что кричишь? спрашиваетъ царь; раскрой уста — вода сама побѣжитъ въ ротъ. «Пить, отвѣчаетъ, вода мнѣ не дается, она прочь побѣжитъ. Ты вотъ ѣдешь до Господа Бога; помани ему про меня грѣшнаго.» ¹⁾

Переходя царь море — и встрѣчаетъ его тотъ самый нищій, что съ нимъ разгавливался; «милости проснитъ въ родительской домъ!» говоритъ царю, и повелъ его въ золотой дворецъ, изъ золотого дворца въ сады райскіе. Привелъ въ одинъ садъ; «вотъ здѣсь, говоритъ, тебѣ мѣсто уготовано — за то, что странныхъ принимаешь, алчущихъ питаешь и жаждущихъ напо-

¹⁾ *Вариантъ:* Ѣдетъ царь и видитъ: двое изъ колодца въ колодець воду переливаютъ. «Ахъ, царь-государь! говорятъ ему: ты ѣдешь къ Богу, помолися о насъ грѣшныхъ: скоро-ль будетъ намъ прощенье?» Ѣдетъ онъ дальше и дальше и видитъ: двое изъ печи въ печь жаръ выгребаютъ голыми руками. «Ахъ, царь-государь! говорятъ ему: помолися о насъ грѣшныхъ Богу: скоро-ль будетъ намъ прощенье?» Ѣдетъ онъ все дальше и дальше: стоятъ двое голые и подпираютъ стѣну. «Ахъ, царь-государь! помолися о насъ грѣшныхъ Богу: скоро-ль будетъ намъ прощенье?»

лешь». Привелъ въ другой садъ; «звотъ зѣло твоей царицѣ уготовано мѣсто — за то, что тебя на истинный путь наставляеть и нишую братью не покидаеть». Привелъ къ третьему мѣсту, гдѣ смола кипитъ и червь пинитъ, «а здѣсь, говоритъ уготовано мѣсто твоей матери немилостивой. Вложи туда свой палецъ». Царь всунулъ палецъ въ кипучую смолу — и онъ въ тожъ мгновенъ отпалъ отъ руки. «Вотъ твой палецъ, возьми его съ собою, и ступай съ миромъ домой.» Тутъ царь припоинилъ и разсказалъ все, что видѣлъ по дорогѣ. Отвѣчалъ ему Господь: «видѣлъ ты, какъ гоняетъ человекъ за ничужкою — то гоняетъ онъ за своимъ грѣхомъ; другой бѣгаетъ изъ угла въ уголъ — за то, что не обогрѣвалъ и не покоилъ странниковъ, и чрезъ него многіе зимой померзали; третій стоитъ къ водѣ по самыи уста, а напиться не можетъ — за то, что самъ не поилъ жаждущихъ»¹⁾.

Воротился царь домой, и показалось ему, что былъ онъ въ раю всего три часа, а пробылъ тамъ не три часа, а три года. Разсказалъ онъ обо всемъ царицѣ и матери, вынулъ свой отвалившійся палецъ, и только приставилъ его къ прежнему мѣсту — какъ онъ тотчасъ приросъ, будто вѣкъ не отпадалъ. Тутъ мать покачалась: «сынъ мой возлюбленный! прости меня грѣшную; твое похождение дороже моего рожденія». — (Записана въ саратовской губерніи.)

в) Былъ жилъ купецъ съ купчихою — оба скупы и къ нищимъ немилостивы. Былъ у нихъ сынъ, и задумали они его женить. Сосватали невесту и сыграли свадьбу. «Послушай, другъ! говоритъ молодой мужу. Отъ свадьбы нашей осталось

¹⁾ *Варіанты:* Отвѣчалъ Господь: кто чучется грѣшникомъ, и не оудеть имъ прощенія. Что изъ колодца въ колодець воду переливають — то винютъ торговани да народъ обмѣривани; что изъ печи жаръ выгребанитъ — то ростошники, сребролюбимъ; что стоять голые, стѣну собой подпирають — то клеветники, лобдники».

много напеченаго и наваренаго; прикажи все это сложить на возъ и развезти по бѣднымъ: пусть кушаютъ за наше здорье.» Купеческой сынъ сейчасъ позвалъ прикащика, и все, что отъ шара осталось, велѣлъ раздать нищимъ. Какъ узнали про то отецъ и мать, больно осерчали они на сына и сноху: «эдакъ, пожалуй, раздадутъ все имѣнiе!» и прогнали ихъ изъ дому. Пошелъ сынъ съ своею женою, куда глаза глядятъ. Шли, шли, и приходятъ въ густой темной лѣсъ. Набрели на хижины — стоять пустая — и остались въ ней жить.

Прошло время немалое, наступилъ великой постъ; вотъ уже и постъ подходитъ къ концу. «Жена! говорить купеческой сынъ; и пойду въ лѣсъ, не удастся ли застрѣлить какой птицы, чтобъ было чѣмъ на праздникъ разговѣться.» — Ступай! говорить жена. Долго ходилъ онъ по лѣсу, не видавъ не одной птицы; сталъ ворочаться домой и увидавъ — лежитъ человѣческая голова, вся въ червахъ. Взялъ онъ эту голову, положилъ въ сумку и принесть къ женѣ. Она тотчасъ обмыла ее, очистила и положила въ уголокъ подъ образа. Ночью подъ самый праздникъ засвѣтили они передъ иконами восковую свѣчу и зачали Богу молиться, а какъ настало время быть заутренѣ, подошелъ купеческой сынъ къ женѣ и говорить: Христось воскресе! Жена отвѣчаетъ: воистинну воскресе! И голова отвѣчаетъ: воистинну воскресе! Говорить онъ и въ другой, и въ третій разъ: Христось воскресе! — и отвѣчаетъ ему голова: воистинну воскресе! Смотритъ онъ со страхомъ и трепетомъ: оборотилась голова съдымъ старцемъ. И говорить ему старецъ: «будь ты моимъ меньшимъ братомъ; прѣзжай ко мнѣ завтра, я прийму за тобой крылатаго коня» Сказалъ и исчезъ.

На другой день стоять передъ хижиною крылатый конь. «Это братъ за мной прислалъ», говорить купеческой сынъ, сѣлъ на коня и пустился въ дорогу. Прѣзжалъ, и встрѣчаетъ его старецъ. «Гуляй у меня по всѣмъ садамъ, сказалъ онъ.

ходи по всѣмъ горницамъ; только не ходи въ эту, что печатью запечатана.» Вотъ купеческой сынъ ходилъ-гулялъ по всѣмъ садамъ, по всѣмъ горницамъ; подошелъ наконецъ къ той, что печатью запечатана, и не вытерпѣлъ: «дай посмотрю, что тамъ такое?» Отворилъ дверь и вошелъ; смотреть — стоять два котла кипучіе; заглянулъ въ одинъ, а въ котлѣ сидитъ отецъ его и бьется оттудъ выпрыгнуть; схватилъ его сынъ за бороду и сталъ вытаскивать; но сколько ни силился, не могъ вытащить; только борода въ рукахъ осталась. Заглянулъ въ другой котелъ, а тамъ мать его мучится. Жалко ему стало, схватилъ ее за косу и давай тащить; но опять сколько ни силился, ничего не сдѣлалъ; только коса въ рукахъ осталась. И узналъ онъ тогда, что то не старецъ, а самъ Господь назвалъ его меньшимъ братомъ. Веротился онъ къ нему, палъ къ стонамъ и молясь о прощеніи, что нарушилъ заповѣди и побывалъ въ запретной комнатѣ. Господь простилъ его, и отпустилъ назадъ на крылатомъ конѣ. Веротился домой купеческой сынъ, а жена и говорить ему: «что такъ долго гостилъ у брата?» — Какъ долго! всего одни сутки пробылъ. «Не одни сутки, а цѣлыхъ три года!» Съ тѣхъ поръ они еще милосерднѣе стали къ нищей братиѣ.

—

с) Въ одномъ селѣ жилъ мужикъ; у него былъ сынъ—доброй да набожной. Разъ отпросился онъ у отца и отправился на богомолье. Шелъ-шелъ, и пришелъ къ бабушкѣ, а въ той бабушкѣ стоятъ старичекъ на коленяхъ и Богу молятся. Усмотрѣлъ его старецъ и спрашиваетъ: «кто ты таковъ и куда путь держишь?» — Крестьянской сынъ, иду на богомолье. «Иди сюда, давай имѣсть молиться.» Стали они рядомъ передъ святою иконою и долго-долго молились Богу. Окончили молитву; старецъ и говоритъ: «давай теперь побратаемся.» Побратались они, распрошались и пошли всякой своею дорогою.

Только воротился крестьянской сынъ домой, отецъ вздумалъ женить его; сосватала невѣсту и велить подь вънецъ пати. «Батюшка, говорить крестьянской сынъ, позволъ мнѣ весь вѣкъ свой Богу служить, я жениться не хочу.» Отецъ и слышать того не хочеть: «ступай, да и ступай подь вънецъ». Вотъ онъ подумалъ-подумалъ, и ушелъ изъ родительскаго дому. Идетъ путемъ-дорогою, а на встрѣчу ему тотъ самой старецъ, съ которымъ онъ побратался. Взялъ его за руку и привелъ къ себѣ въ садъ. И показалось крестьянскому сыну, что побылъ онъ здѣсь только три минуточка; а былъ онъ въ саду не три минуточки, а триста годовъ. Какъ воротился въ свое село, смотреть — и церковь уже не та, и люди другіе. Сталъ спрашивать у священника: гдѣ же прежняя церковь и гдѣ такіе-то люди? — Этого я не запомню, говорить священникъ. «Гдѣ же та невѣста, отъ которой женихъ изъ-подь вѣнца ушелъ?» Справился священникъ по книгамъ и сказываетъ: «это ужъ давнымъ-давно было, назадъ тому триста лѣтъ». Потомъ распросилъ онъ крестьянскаго сына, кто онъ таковъ и откуда явился; а какъ узналъ обо всемъ, велѣлъ причетникамъ обѣдню служить: «это, говорить, меньшой братъ Христовъ!» Стала обѣдня отходить, началъ крестьянской сынъ умаляться; обочилась обѣдня — и его не стало. — (Записана въ зубцовскомъ уѣздѣ тверской губерніи.)

Въ приведенныхъ нами легендахъ особенно любопытны указанія на тѣ мученія, которыя ожидаютъ грѣшниковъ за гробомъ. Эти народныя повѣрья запечатлѣны отчасти тѣмъ-же нещественнымъ характеромъ, который такъ ярко отразился въ лубочныхъ картинахъ, изображающихъ страшный судъ и смерть грѣшника. Неразвитый умъ и огрубѣлое чувство простолюдина не въ силахъ представить себѣ, чтобы муки душевныя могли быть нестерпимѣе тѣлесныхъ, и онъ убежденъ,

что за тяжкіе грѣхи посадятъ его въ котель съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за ногу, стануть мучить на огненномъ ложѣ (см. N 27: «Кумова кровать»), бить раскаленными желѣзными прутьями; вѣрять, что клеветникъ и лгунъ будутъ по смерти лезть горячую сковороду, что на опойцахъ черти стануть возить дрова и воду (см. N 29: «Горькой пьаница»), что любодѣйницу будутъ сосать лютые змѣи (см. стихъ о грѣшной матерѣ — въ собраніи Кирѣвскаго, въ Чтен. Общ. Истор. и Др. Росс., томъ 3-й, N 9, стр. 212—3). Поселяне рассказываютъ, что во время *обмиранія* (летаргическаго сна) душа человѣка, руководимая Николаемъ-угодникомъ, странствуетъ на томъ свѣтѣ по аду и раю, видитъ тамъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, обреченныхъ на муку и страданіе или блаженствующихъ въ райскихъ садахъ. Обмиравшая душа можетъ передавать повѣсть своего странствія въ назиданіе живущимъ; запрещается ей сказывать только три какія-то таинственныя слова. Г. Кулишъ собралъ въ одно цѣлое нѣсколько такихъ рассказовъ о хожденіи души по тому свѣту, — рассказовъ, исполненныхъ поэтическихъ образовъ и нѣкоторыми своими подробностями приближающихся къ напечатаннымъ нами легендамъ (Записки о южной Руси, т. I, стр. 306—8):

«Идемъ, повѣствуетъ обмиравшая старушка, колы-жь гризѹтца два собакы нады шайтомъ, такъ гризѹтца, такъ гризѹтца! А дѣль и каже: се не еобакы, се два братѣ, що по-гризались та й побылись, идучи стѣпомъ; то Богъ и сказавъ: «колы вже й рідні братѣ бѣютца, то де-жь бѣде те добро міжъ «людьми? Нехай-же, каже, стѣнуться вони собаками и гризѹтца.

«Идемъ, ажъ ходять волы въ такому спашѹ, шо й ригъ не-«видно съ травнѣ, а самі худі, худі, якъ дѣшка. А біля їхъ хо-«дять волы по самій землі—пі травинки підъ ногами нешѣ, «да жиръ ажъ по землі тилинѣтца. Отъ дідъ и каже: оцѣ, шо «худі волы, то то багаті люде, шо жили самі въ рѣскоші, и

«Бідешнъ не помагала; а сѣтні воли, то то бідні люде, що «одъ свого рота одишмали та старцинъ изъ послѣдвѣго давала. «Отъ-же вони теперъ и сѣті й наповні, а тні по рогн въ спашу, та худі, якъ дѣшка ¹⁾».

«Идемѣ, ажъ нїжъ двома дубанн горїть у пѣломъ чоловікѣ «и кричить: ой, прѣбі! укрїйте мене бо замерану! ой укрїйте мене, бо замерану! Дїдъ и каже: оцѣ той чоловікѣ, що про-«совся доѣ го зїною въ хату подорѣжнїй, а на дворї була метѣ-«лиця та хуртовина, а вінъ не пустївъ, дакъ той и змѣрѣвъ пїдъ стїномъ. Оцѣ-жъ теперъ вінъ горїть у пѣломъ, и єму шѣ «здаѣтнѣ, що холодно, и терпїть вінъ таку мѣку, якъ той подо-«рѣжнїй терпїть олъ морозу.

«Идемѣ далшъ, коли лежить чоловікѣ коло кринїци; течѣ «єму рїчкакъ черезъ ротъ, а вінъ кричить: прѣбі! дайте на-«пїтьца! прѣбі! дайте напїтьца! Дїдъ и каже: сѣй не давъ чо-«ловікѣви въ живнѣ водї напїтьца; жавъ вінъ на нївн, ажъ нї «старикъ дорогою, а жарѣ велика, Спасївська. Ой, каже, чо-«ловіче добрий! дай, радї Храстѣ, водї напїтьца! А вінъ єму «оцѣ-жъ для тебе вивїзъ! Вїзлю на нїву, а не дамъ тамѣму дар-«шїду, якъ ти! То-єть, теперъ єму рїчкакъ черезъ горло бї-«скїть, а вінъ шѣ пнть прѣсїть, и до віку вѣчного бѣде єму такъ «жарко да тѣжко, якъ тому старцевї, що ішовъ дорогою ²⁾».

«Идемѣ, ажъ вїнїть у смоли живка, а передъ нѣю цїбулля «лежить. Дїдъ и каже: се жучитнѣ такъ нїти вѣшого старѣго «статара Онїссина, що було все старцинъ годѣе та бїднїннѣ по-«магаѣе, а вїкомѣ жїдової душі не обїднїтъ и нї въ оловнѣ словнї не «збрѣдавъ. Була вона богата, та смїра, що олъ нїї нїтѣ й глї-«ба куснѣ не бїчнївъ. Отѣ разъ поломл вона цїбулю, ажъ вїѣ

¹⁾ Слїчн съ литовскїннъ разказовнъ (Litauische Märchen etc., von A. Schleicher, стр. 71—75).

²⁾ Подобное-же мученіе опредѣлено было Танталу.

юють ворже дідь-старєць. Подарї, каже, паніматко, радї Христа! Вона вирвала стрїлку: прийми, каже, старче Божий. Тїлько-жь одь неї й бачили. Отъ, якъ умерла... взяли її небо-ту та й потагли въ пекло. А Онїснїть и побачивъ зъ неба, що вона велику мїну приймає, та й каже: Боже мій милїй, Спасе мїй Христе! за всю мою щирость, за всю мою правду, зроби мнї таку ласку — нехай и мой мати буде въ раю зо мною. А Христось и рече їму: Ні, Онїснїе! вельми грїшна твої мї-сти. Візьми хїба оту цибульку, що лежить передь нею, та коли витягнеш її съ тїи бєздни, то нехай и вона буде въ раю съ тобою. Узїявъ вінъ тїю стрїлочку та й подавъ матері. Схопи-лася вона за неї... отъ, отъ витягне, отъ, отъ витягне съ пекла! бо що-то Божому святому? Ажъ ні: якъ поначїплюва-лися їй и въ плїхту, и въ намітку грїшнїи дїшнї, що-бъ и собї съ того пекла вибратьца, то й не здєржала тїя цибулька: пе-рервалася, а вона такъ и бєвтула въ гарячу смолу!»

У Сербовъь существуеть слѣдующїй разсказъ о загробномъ странствованїи:

«Разскажи мнѣ, что видѣлъ?» спрашиваетъ старикъ. — Ви-дѣлъ я, отвѣчаетъ странникъ, серебряный мостъ; подъ нимъ огромный котель, въ томъ котлѣ кипятъ людскїя головы, а поверхъ носятся орлы и терзаютъ ихъ своими клювами. «Тако-ва вѣчная мѣла на томъ свѣтѣ! Что еще видѣлъ?» — После того проходилъ я селомъ, и со всѣхъ сторонъ слышались мнѣ радостныя пѣсни и веселье. Спросилъ я: отчего у васъ такъ весело? Отъ того, сказали, что у насъ урожай и во всемъ изобилїе. «То люди — Божїи, всякаго готовы были нанитать и уго-стить, и ни одинъ бѣднякъ не отходилъ отъ нихъ взбы безъ милостины.» — Дальше видѣлъ я: на дорогѣ двѣ суки грызутся, хотѣлъ ихъ рвзнять, и никакъ не могъ. «Это двѣ спихи. Что потомъ было?» — Проходилъ я другїиъ селомъ, и вездѣ видѣлъ

печаль и слезы. Отчего у васъ такъ жалостно? спросилъ я. Отъ того, ниѣ отвѣчали, что градъ побилъ наши нивы, и ниѣ теиерь ничего. «То живутъ люди, незнавшіе правды.» — Видѣлъ я потомъ: два борона бьются, всячески хотѣлъ ихъ развести, и не могъ. «Это несогласные братья. Что еще тебѣ видѣлось?—Былъ я на чудномъ мугу; три дни простоялъ бы тамъ, да все глядѣлъ бы на его красу. «Таковъ рай на томъ свѣтѣ, но трудно до него дойти.» (См. Српскѣ народне приповиѣтке, стр. 111—114.)

9. ЕГОРІЙ ХРАБРЫЙ.

Слѣхи со стихомъ, напечатаннымъ у Кирѣевскаго (Чтеція Общ. Исторія и Древн., годъ 3-й. № 9. стр. 148—154).

Варианты (изъ собранія В. И. Дала):

а) Не въ чуждомъ царствѣ, а въ нашемъ государствѣ было, родинный, времячко — охъ-охъ-охъ! Въ то время было у насъ много царей, много князей, и Богъ вѣсть кого слушаться; ссорились они промежъ себя, дрались и кровь христианскую даромъ проливали. А тутъ набѣжали злой татаринъ, заполнилъ всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ, и началъ онъ брать вьюницъ (молодыхъ женщинъ—Оп. обл. великор. слов.) и красныхъ дѣвицъ себѣ въ прислугу, обращалъ ихъ въ свою вѣру поганую, и заставлялъ ихъ ѣсть пищу нечистую, маданину (лошадиное мясо—*ibidem*). Горе да и только; слезъ-то, слезъ-то что было пролито! всѣ православныя не атсамъ разбѣжались, подѣлали тамъ себѣ землянки и жили съ волками; храмы Божіи всѣ были разорены, негдѣ было и Богу помолиться.

И вотъ жилъ да былъ въ нашей мещерской сторонѣ добрый мужичокъ Антмиъ, а жена его Марья была такая красавица.

что ня перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. Была Антипа съ Марью люди благочестивые, часто молились Богу, и далъ имъ Госнодь сына красоты невиданной. Назвали они сына Егоріемъ; росъ онъ не по днямъ, а по часамъ; разумъ-то у Егорья былъ не младенческой: бывало, услышитъ какую молитву — и пропоеть ее, да такіяжъ голосомъ, что ангелы на небеси радуются. Вотъ услышалъ схиимникъ Ермогенъ обь уиъ-разумъ младенца Егорія, выпросилъ его у родителей учить слову Божьему. Поплакала, погоревала отецъ съ матерью, помолился и отпустили Егорья въ науку.

А бывалъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Зміемъ-Горюнычемъ: такъ онъ былъ золь и хитѣрь! просто православнымъ житья отъ него не было. Бывало выѣдетъ на охоту — ликаго звѣря травить, никто не попадайся, сейчасъ заколеть; а молодицъ да красныхъ дѣвицъ тащить въ свой городъ Касимовъ. Встрѣтилъ разъ онъ Антипа да Марью, и больно полюбилась она ему; сейчасъ велѣлъ ее схватить и тащить въ городъ Касимовъ, а Антипа тутъ-же предалъ злой смерти. Какъ узналъ Егорій о несчастной долѣ родителей, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную, — и Госнодь услышалъ его молитву. Вотъ какъ подросъ Егорій, вздумалъ онъ пойти въ Касимовъ-градъ, чтобъ избавить мать свою отъ злой неволи: взялъ благословеніе отъ схиимника и пустился въ путь-дорожку. Долго ли, коротко ли шелъ онъ, только приходять въ палаты Брагимовы и видѣть: стоять злые нехрясти и нещадно бьютъ мать его бѣдную. Повалялся Егорій своему хану въ ноги и сталъ просить за мать за родную; Брагимъ грозный ханъ закинулъ на него гнѣвомъ, велѣлъ схватить и предать различнымъ мученіямъ. Егорій не утравился, и сталъ возсылать мольбы свои къ Богу. Вотъ повелѣлъ ханъ пилить его чинами, рубить топорами; у пилъ зубья посшибалась, у топо-

ровъ лезвiя выбивались. Повелѣлъ ханъ варить его въ смоли кипучей, а святой Егорiй поверхъ смолы плаваетъ. Повелѣлъ ханъ посадить его въ глубокой погребѣ; тридцать лѣтъ сидѣлъ тамъ Егорiй — все Богу молился; и вотъ поднялась буря страшная, разнесла ветры всѣ доски дубовыя, всѣ пески желтые, и вышелъ святой Егорiй на вольный свѣтъ. Увидалъ въ поле—стоитъ осыдланнiй конь, а возлѣ лежатъ мечъ-кладенецъ, кошею острое. Вскочилъ Егорiй на коня, приуправился и поехалъ въ лѣсъ; повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и выпустилъ ихъ на Брагима хана грознаго. Волки съ нимъ не сладили, и наскочилъ на него самъ Егорiй и закололъ его острымъ кошемъ, а мать свою отъ злой неволи свободилъ.

А послѣ того выстроилъ святой Егорiй соборную церковь, завелъ монастырь, и самъ закотѣлъ потрудиться Богу. И много пошло въ тотъ монастырь православныхъ, и создались вокругъ него келiи и посады, который и понынѣ слыветъ *Егорьевскомъ*.

ь) Егорiй святой Богу молился
 За мать за родную!
 Великую онъ скорбь перенѣсъ
 За мать за родную:
 Его во пилы пилили,
 Въ топоры рубили;
 У пилъ зубья пошибались,
 У топоровъ лезвiя (лезвiя) до обухъ выбивались,
 И Егорью ничего не дѣялось!
 Его во смолѣ варили,
 Въ водѣ студеной топили.
 Егорiй въ водѣ не утопаетъ,
 Поверхъ смолы плаваетъ!
 Вырыли погребъ глубокой,

Сажали въ него Егорія;
 Досками дубовыми закрывали,
 Гвоздями полужонными забивали,
 Желтыми песками засыпали
 За мать за родную.
 Сидѣлъ тутъ Егорій
 Тридцать два года:
 Поднималась бурна погода —
 Разнесли вѣтры желтые пески,
 Разнесли вѣтры до единой доски!
 И собралъ Егорій дружину отборну;
 И вхалъ Егорій въ церковь соборну;
 Тутъ мать его Богу молилась,
 Слеза горяча потокомъ катилась.
 «Поди, цоли, Егорій! съдь на коня, приуправься!
 Лютаго змѣя копьемъ порази,
 Материнскую кровь отомсти.»
 — Стоить ли, мать, мое рожденіе
 Всего моего похождения?
 «Вдвое стоить твое рожденіе
 За меня претерпѣнна мученія!»
 Сълъ Егорій на борза коня, приуправлен!
 И навхалъ Егорій на лѣса валяющі:
 «Лѣса, лѣса, вы привстаньте!
 Срублю я изъ васъ церковь соборну,
 Поставлю я въ ней икону святую
 За мать за родную.»
 Въхалъ Егорій могучій
 Въ великой городъ толкучій,
 И навхалъ на дѣвокъ мудрѣныхъ:
 «Дѣвицы, дѣвицы, къ вамъ рѣчь я ишу —
 Идите на Ермакъ на рѣку,

Воспримитесь, пережреститесь!»
 Въѣхалъ Егорій въ лѣса дремучи.
 Встрѣансь Егорью волки прискучи.
 Гдѣ волкъ, гдѣ два:
 «Собиритесь вы, волки!
 Будьте вы мои собаки,
 Готовьтесь для странныхъ драки.»
 Наѣхалъ Егорій на стадо птицъ:
 «Птицы, снницы!
 Летите вы на море.
 На ширь на кровавой.»
 Наѣхалъ Егорій на змія-горюна... ¹⁾
 Но Егорій не ужасался,
 Егорій не утрадался,
 Острымъ копьемъ змія закололъ:
 Стаи птицъ прилетали,
 Змія-горюна клевали;
 Синѣ море волной натекло,
 Змія-горюна съ собой унесло.

(Оба варианта записаны въ егорьевскомъ уѣздѣ, рязанской губерніи.)

Народное преданіе о битвѣ Георгія Храбраго съ дракономъ распространено во множествѣ сказаній почти у всѣхъ европейскихъ народовъ; подвигъ этотъ приписывается Георгію наравнѣ со многими другими сказочными героями, и нерѣдко съ одинаковою обстановкою и съ совершенно-тождественными подробностями (сличи: стихъ о Елизаветѣ Прекрасной—въ Чте-

¹⁾ Слѣдующіе затѣмъ стихи въ рукописи совершенно-искажены. Смысль тотъ: змій призветъ мать Егорія, и кровь потокомъ бѣжитъ изъ ранъ. Егорій наноситъ на змія ударъ, прискучалъ, волки погибаютъ.

нiяхъ Общества Ист. и Древн. Росс., годъ 3-й. № 9, стр. 154 — 158; *Volklieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz*, изд. Гаута и Смолера, ч. 1, стр. 278, и ч. 2 стр. 147; *Лѣтон. русск. литературы и древности 1859 г.*, кн. 1. отд. 1. стр. 18—19; *Народн. русск. сказки*, вып. 2 й. стр. 153—159).

10. ИЛЬЯ-ПРОРОКЪ И НИКОЛА.

Разрушительная сила молнiи и грома и плодотворная сила дождя, питающаго земную растительность, въ мiрѣ языческихъ приписывались у славянъ Перуну ¹⁾. Извѣстно, что съ принятiемъ христіанства многіи изъ старинныхъ представленiй, согласно владенческой неразвитости народа, были перенесены нѣкъ на нѣкоторыя лица ветхо-и новозавѣтныхъ святыхъ. Такъ на Илью-пророка были перенесены всѣ атрибуты и все значенiе древняго божества молнiи и грома, которое представлялось разбѣжающимъ по небу въ колесницѣ, на крылатыхъ коняхъ, и разбiвающимъ тучи своими огненными стрѣлами. Поселяне наши до сихъ поръ представляютъ Илью-пророка разбѣжающимъ по небу въ огненной колесницѣ; стукъ отъ его бiды производитъ слышанный нами громъ ²⁾. На лубочной картинѣ Илья-пророкъ изображается на колесницѣ, которая окружена со всѣхъ сторонъ пламенемъ и облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями: колеса огненные. Лошадью управляетъ ангелъ; Илья-пророкъ держитъ въ рукѣ мечъ. Подъ вліянiемъ такихъ вѣрованiй создавалась народная загадка, означающая «громъ»: «видано невидано, якого не видано! то

¹⁾ См. статью о «Зоопороч. божествахъ славянъ» (Отч. Записки 1852 г., № 2).

²⁾ Воронеж. Губерн. Вѣдом. 1851. № 11. Владим. Губ. Вѣдом. 1844 г., Прибал. къ № 52.

святый издавъ, щобъ було хероше ему проихати» ¹⁾). Въ одномъ заговорѣ читаемъ: «на морѣ на оціанѣ, на островѣ на Буянтъ гонять Илья-пророкъ въ колесницѣ громъ съ великииъ дождемъ. Надъ тучею туча взойдетъ, молнія осіаетъ, дождь поидеть» ²⁾). Молнію народъ считаетъ за стрѣлу, издающую Ильею-пророкомъ въ дьявола, который старается укрыться въ животныхъ и гадахъ; но и здѣсь находитъ его и поражаетъ небесная стрѣла. Отъ св. Ильи, по народному вѣрованію, зависятъ росы, дожди, градъ и засуха; 20 іюля, въ день этого святаго, ожидаютъ грозы и дождя, который непременно долженъ

¹⁾ Изялорус. и таллицк. загадка, стр. 8, 39: «когда гремитъ громъ, тогда ко небу взидятъ Илья-пророкъ или Господь». Въ нижегородской губерніи, когда гремитъ громъ, говорятъ: «Илья великій гудать!». Въ скопческой пѣснѣ поется:

У насъ было на сырѣ на землѣ —
 Претворилася такія чудеса:
 Растворилася седьмыя небеса,
 Сокатилися златыя колеса,
 Золотыя, еще огненныя.
 Ужь на той колесницѣ огненной
 Надъ пророками пророкъ, сударь, гремѣтъ.
 Нашъ батюшка покатываетъ,
 Утверждаетъ онъ святой Божій законъ.
 Подъ нимъ бѣлой, драброй конь:
 Хорошо его конь убралъ,
 Золотыи подковами подкованъ.
 Ужь и этотъ конь не престъ:
 У добра коня жемчужной хвостъ,
 А гривушка позолоченная,
 Крупныиъ жемчугомъ унизанная;
 Въ очахъ его камень-маргаритъ,
 Изъ усть его огонь-пламень горитъ.

(Изслѣдов. о скопч. ереси, соч. Надеждина, 1845 г., см. Приложение, стр. 47—48.)

²⁾ Иллюстрація, годъ 1, статья Даяя, стр. 250.

проявляться въ это число. Бѣлорусская поговорка: «Илья надѣлаетъ гнѣдья» означаетъ, что съ Ильяна дня идутъ обыкновенно дожди, отъ которыхъ гнѣтъ хлѣбъ и сѣно въ полѣ ¹⁾. На этотъ праздникъ не косятъ и не убираютъ сѣна, потому что въ противномъ случаѣ св. Илья убьетъ громомъ или сожжетъ накошенное сѣно молніей ²⁾. Если градъ выбиваетъ хлѣбъ мѣстами, то поселяне говорятъ: «это Богъ караетъ; онъ повелѣлъ Ильѣ-пророку: когда ѣдешь въ колесницѣ, щадя нивы тѣхъ, которые раздадутъ хлѣбъ бѣднымъ полною мѣрою; а которые жадны и не знаютъ милосердія—у тѣхъ губи!» Ильѣ-пророку приписываютъ урожай, что видно изъ слѣдующей пріпѣвки:

Ходитъ Илья.
 Носитъ плугу (т. е. плетъ)
 Житяную;
 Де замахне—
 Жито росте.

20-го іюля готовятъ хлѣбъ изъ новой ржи и приносятъ въ церковь ³⁾.

Сербскія пѣсни также надѣляютъ Ильѣ-пророка молніей и громомъ: при раздѣлѣ міра ему досталась «мушья и стріѣле» (молніи и стрѣлы), почему сербы и называютъ его *громовникомъ*; онъ заираетъ облака и посылаетъ за людскіе грѣхи засуху на землю. Тѣ же вѣрованія связываютъ съ Ильѣю-пророкомъ и другіе народы. Осетины даже приносятъ ему жертвы; объ убитомъ молніей онъ говоритъ: Илья взялъ его къ

¹⁾ Прибав. къ Извѣстіямъ Академ. Наукъ по 2-му отдѣленію 1852 г., стр. 47.

²⁾ Воронежск. Губерн. Вѣдомости 1834 г. № 11; Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 49—50.

³⁾ Снегирева: Русск. въ своихъ пословацяхъ, ч. IV, стр. 20 65. Сахарова: Сказанія русск. народа, т. I, (пѣсни), стр. 274.

себѣ, и чувствуютъ его трупъ. Въ нѣкоторыхъ жѣсткостяхъ Илью-пророка представляютъ въ мантии огненнаго цвѣта, съ мечемъ, на остриѣ котораго горитъ пламя, и въ красной шапкѣ на головѣ ¹⁾).

Такое присвоеніе грома, молніи и дождей Илью-пророку имѣеть въ основаніи тѣ аналогическія обстоятельства, которыя окружаютъ этого святаго въ вѣтхозавѣтныхъ сказаніяхъ. По свидѣтельству этихъ сказаній онъ былъ живой взятъ на небо въ огненной колесницѣ, на огненныхъ лошадяхъ: во время своей земной жизни онъ чудеснымъ образомъ произвелъ одинажды засуху и пролилъ дождь. Церковная пѣснь молятъ его объ отверстіи неба и ниспосланиі дождя; иногда поселяне ставятъ на воротахъ чашку ржи и овса, и просятъ священника провѣличать Илью, на плодородіе хлѣба ²⁾. Въ Новгородѣ въ старину были двѣ церкви: Ильи-Мокраго и Ильи-Сухаго; въ засуху совершался крестный ходъ къ первой церкви съ мольбами о дождѣ, а съ просьбою о сухой и ясной погодѣ совершался крестный ходъ къ церкви Ильи-Сухаго ³⁾.

Эти народныя вѣрованія послужили источникомъ, изъ котораго создались нѣкоторыя сказанія живущія въ устахъ простолюдиновъ, а между ними и напечатанная нами легенда объ Ильѣ-пророкѣ и Николаѣ-угодникѣ.

¹⁾ Срнске народне pjesme, kn. 1, стр. 155—7. Грамм: Deutsche Mythologie, стр. 158. Норъ: Aedeutung. einer Systems der Mytholog., стр. 237.

²⁾ Шевирова: Пѣззика въ Кирилло-Бѣлозерск. монастырѣ, ч. II, стр. 66—67. Терещенко: Бытъ рус. народа, ч. VI, стр. 49—50.

³⁾ Оточ. Записки, изд. Свиньина, 1826 г., ч. XXVIII, № 79, стр. 166. Москвитини 1853 г., № 11, стр. 64 (Внутрен. извѣстія).

11. КАСЬЯНЪ И НИКОЛА.

Это вторая легенда, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является св. Никола; въ собраніи В. И. Дала есть еще одно народное сказаніе объ этомъ-же угодникѣ. Вотъ оно:

Въ нѣкоемъ царствѣ жилъ-былъ богатой мужикъ; жадность и скупость совсѣмъ одолѣли его: если кому и давалъ онъ въ займы деньги, то всегда подъ закладъ и за большіе проценты. Въ томъ-же царствѣ жилъ-былъ бѣдной мужикъ, кромѣ жены да семерыхъ дѣтей ничего у него не было. Долго перебивался онъ коѣ-какъ и добывалъ себѣ и ребятишкамъ дневное пропитаніе; а тамъ пришло такое время—хоть зубы на полку клади: три дня безъ ѣды сидѣлъ. Какъ быть? чѣмъ семью прокормить? Думалъ онъ, думалъ, и рѣшился пойдти къ богатому мужику и попросить въ займы денегъ. «Ахъ, ты дурачина! закричалъ на него богатой. Ну, съ какими глазами пришелъ ты занимать деньги? Ну, можно-ль тебѣ повѣрить? Что съ тебя послѣ взять!..» —Будь милостивъ, выручи изъ бѣды; не дай помереть голодною смертію, по вѣкъ не забуду... Заработаю—съ ляхвою отдамъ. «Отдамъ!... знаю, какъ вы отдаете.»—Право слово, отдамъ; вотъ тебѣ Никола порукою! отвѣчалъ бѣдной и показалъ на образъ Никола-угодника. Смиловался богатой, отсчиталъ ему двадцать рублей: «смотри-же, говорить, непременно въ срокъ заплати».

Бѣднякъ взялъ деньги, пошелъ на базаръ, накупилъ хлѣба и сталъ кормиться со всею семьею. Пришло время платить, а у него по старому нѣтъ ни копѣйки ¹⁾. «Что дѣлать? думаетъ

¹⁾ *Въ другомъ спискѣ:* Какъ достать денегъ? И надумалъ онъ пойдти ночью къ болоту и попросить у чертей. Дождаясь полночи, пришелъ къ болоту и подаетъ голосъ нечистоту: «возьми, говорить, мою душу, только дай

окъ. Пойду, попрошу отсрочки.» Приходить къ богатому и ну клаяться ему въ землю: «обожди, родимой; дай еще вздохнуть хоть малое время». — Чего ждать-то? Пришелъ срокъ, и подавай денежки; небось, уиѣлъ братъ! «Радъ бы, отецъ родной, хоть сейчасъ заплатить, да върь совѣсти — нечѣмъ!» — Видно, съ тобою, кошениникомъ, хорошо не сдѣлаешься! сказали богатой мужикъ; а надо будетъ за поруку приниматься. Пришелъ домой, сталъ передъ образомъ Николы-угодника и говорить: «чтожъ ты не отдаешь за бѣлаго денегъ? вѣдь ты за него поручился». Икона ничего не отвѣчаетъ. «Что-же ты молчишь? У меня не отмолчишься: не отстану до тѣхъ поръ, пока не заплатишь ись до единой копѣйки.» Снявъ образъ со стѣны, положилъ на повозку и выѣхалъ со двора; лошадь пустилъ впередъ, а самъ идетъ за повозкою сзади, и все по образу кнутомъ стегаетъ да приговариваетъ: «отдай мои деньги! отдай мои деньги!» ¹⁾. Только ѣдетъ онъ мимо гостиннаго двора; увидалъ его купеческой сынъ и сталъ спрашивать: «что ты, безбожный, дѣлаешь?» — А то что давалъ я въ займы одному мужику двадцать рублей, и этотъ образъ былъ по нему порукою; пришелъ срокъ отдавать деньги — у мужика нѣтъ ни полунки; вотъ и принялся я за поруку! «На, возьми свои двадцать рублей, только отдай мнѣ образъ.» — Изволь, братъ! мнѣ еще лучше безъ хлопотъ!

Взявъ купеческой сынъ образъ, поставилъ въ лавкѣ и зажегъ передъ нимъ лампаду. На утро явился къ нему съ

двадцать рублей. Отвѣчаетъ ему нечистой: «ступай домой, доброй человекъ! ламъ твоей души не надобно. Много вашей братии голышей сюда таскается; если вѣшь давать деньги, такъ самимъ придется щелкать зубами! Мы и на теслодь-то напастись не можемъ, а то еще вамъ лавки!» Вернулся мужикъ домой съ пустыми руками.

¹⁾ *Вариантъ:* Снявъ образъ со стѣны, положилъ у порога и давалъ въ грязь топтать. Идетъ мимо купеческой сынъ...

дой старикъ и сталъ наивнаться замѣсто прикащика; купеческой сынъ подумалъ-подумалъ и взялъ его въ лавку. Съ той самой поры пошла у него такая торговля, что никакъ товаронъ не напасется: покушники такъ и валять въ лавку со всѣхъ сторонъ. Разбогатѣлъ купеческой сынъ; построилъ два корабля, нагрузилъ ихъ разными товарами, и поѣхалъ съ старикомъ въ другое осударство торгъ вести. А въ томъ государствѣ на ту пору бѣда приключилася: злая вѣдьма испортила царевну — днемъ она лежитъ словно мертвая, а по ночамъ встаетъ и людей поѣдаетъ! Что тутъ дѣлать? Положили ее въ гробъ, набили сверху крышку, и вынесли въ церковь. Царь повелѣлъ кликать кличъ по всему государствѣ: не найдется ли кто такой, чтобы могъ отчитать царевну? а кто ее отчитаетъ, тотъ будетъ царскимъ затемъ и получить въ приданое половину царства. Кликнула кличъ только никто не выскочилъ, никто не берется за это дѣло хитрое. И говорятъ старикъ купеческому сыну: «стунай къ царю я скажи, что ты можешь отчитать царевну». — А какъ не съужью? «Не бойся! Богъ поможетъ и я научу.» Отправился купеческой сынъ къ царю, объявилъ о себѣ: царь обрадовался и велѣлъ ему отчитывать. Въ тотъ-же самой день вечеромъ пошелъ старикъ вмѣстѣ съ купеческимъ сыномъ въ церковь, поставилъ около гроба налой и очертилъ кругъ; послѣ того далъ купеческому сыну книгу, и приказываетъ: «становись въ этотъ кругъ, и что бы ни было, что бы тебѣ ни казалось — не переходи за черту, молись и читай книгу». Сказалъ и ушелъ; остался въ церкви одинъ купеческой сынъ, сталъ въ кругу передъ налоемъ и принялся читать. Ровно въ полночь сорвалась съ гроба крышка; царевна встаетъ и бросается прямо на купеческаго сына; вотъ уже близко... но сколько ни смелся—никакъ не можетъ переступить проведенной черты. Вѣшено рвется она впередъ, напускаетъ разные страхи и грозитъ бѣдою; но ку-

печеской сынъ не ужасается, стойтъ въ кругу и все читаетъ да читаетъ. Стало свѣтать, заплѣли пѣтухи — и въ ту-жъ минуту грохнулась царевна на-земь и сдѣлалась совсѣмъ-мертвюю. Поутру рано посылаетъ царь узнать: все ли благополучно? Приходятъ посланные; видятъ, что купеческой сынъ живъ, и не могутъ надвинуться, какъ онъ удѣлалъ. Подняли они царевну, положили опять въ гробъ, заколотили крышку, воротились къ царю и рассказали обо всемъ. На другую ночь было тоже; а на третью купеческой сынъ отчиталъ царевну: вышла изъ нея вся нечисть; тутъ только переступила она черту и подошла къ купеческому сыну, взяла его за руку, поцѣловала въ уста и сказала: «будь ты моимъ мужемъ, а я — твоею женою.» На томъ они и поладили, стали рядомъ передъ мѣстными иконами и начали молиться Богу тихо и любовно. Какъ донесли объ этомъ посланные царю, онъ сейчасъ-же приказалъ обвѣнчать купеческаго сына на царевнѣ и далъ ему въ приданое половину своего государства.

Въ другомъ спискѣ старикъ приходитъ наниматься къ купеческому сыну уже въ то время, когда онъ отправляется за море. «Куда тебѣ, старому, работать? вѣдь ты ничего не осилишь», говоритъ купеческой сынъ. — А вотъ увидишь: я хоть старъ, да работающъ: за десятерыхъ молодыхъ сойду. «А что возьмешь?» — Чтѣ заработаешь, то пополамъ. «Хорошо!» Призываютъ они въ другое государство; купеческой сынъ беретъ отчитывать царевну, а старикъ даетъ ему три полѣна, чашку воды и научаешь, какъ и что дѣлать. Въ полночь поднялась царевна изъ гроба; купеческой сынъ бросилъ ей одно полѣно; она его проглотила. Бросилъ другое — и другое проглотила; бросилъ послѣднее — и съ этимъ тоже. «Ну, говоритъ царевна, теперь я тебя съѣмъ!» — погоди, отвѣчаетъ купеческой сынъ, дай прежде воды испить. Набралъ въ ротъ воды и брызнулъ въ нее — царевна вздрогнула и въ ту-жъ минуту

исцѣлилась: порчу какъ рукой сняло. Купеческой сынъ женился на царевнѣ, и воротился домой съ большими богатствами. «Давай дѣлиться», говоритъ старикъ. Купеческой сынъ вытаскивалъ всѣ деньги и сталъ дѣлить пополамъ. «Что ты съ деньгами-то возишься? Мы съ тобой привезли еще царевну. Давай и ее дѣлить!» Взялъ старикъ острой мечъ и разрубилъ ее на двое. Опечалился купеческой сынъ и говоритъ: «Богъ съ тобой! за что ты ее убилъ?» — Развѣ тебѣ жалко? спрашиваетъ старикъ; взялъ обѣ разрубленныя части, сложилъ вѣстѣ, дунулъ — и царевна тотчасъ встала живою и сдѣлалась вдвое лучше прежняго. «Вотъ твоя жена! живи съ нею по-Божьему», сказалъ старикъ и исчезъ. И то былъ не простой старикъ; то былъ самъ Никола, угольникъ Божій.

13. ПЯТНИЦА.

Суевѣрное уваженіе къ пятницѣ, пятаемое русскими простолюдиномъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія археологовъ. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи по пятницамъ бабы не прядутъ, не стираютъ бѣлья, не выносятъ изъ печи золы, а мужики не пашутъ и не боронятъ, почитая эти работы въ означенный день за большой грѣхъ. Въ народномъ стихѣ душа, прощаясь съ тѣломъ, обращается къ нему съ такимъ напоминаніемъ былыхъ грѣховъ:

Мы по середамъ, по пятницамъ платье золовали.

Платье золовали, мы льны прядовали. ¹⁾

Особенно-же уважаются въ народѣ издревле двѣнадцать пятницъ, которыя бываютъ передъ большими праздниками: а) передъ Благовѣщеніемъ, б) первая и с) десятая послѣ Воскре-

¹⁾ Терещенко: Бытъ русск. народа, ч. VI, стр. 56. Читенія Общ. Исторіи и Древн. Россійск., годъ 3-й. № 9, стр. 210, 224 и 224.

сеня Христова, d) перець Троицею, e) Успееіемъ, f) Ильинымъ днемъ, g) праздникомъ Усекновенія главы Юзана Предтечи, h) Воздвиженіемъ, i) Покровомъ, k) Введеніемъ во храмъ пресв. Богородицы, l) Рождествомъ и m) Крещеніемъ. До сихъ поръ сохраняется старинное сказаніе о 12 пятницахъ, почитаемое раскольниками наравнѣ съ свѣщ. писаніемъ¹⁾. На Вагѣ въ прежнее время ежегодно праздновали шитоку первой недѣли поста у часовни, куда совершался для этого крестный ходъ. Во время неурожаевъ, засухи или сильныхъ дождей, по случаю скотскаго падежа и появленія червей были празднуемы «обѣтныя» пятницы: въ XVII вѣкѣ писались въ такіе случаяхъ цѣлыми міромъ заповѣдныя записи. Такъ крестьяне тавренской волости (въ 1590—1598 г.) обговорились промежь себя и учинили заповѣдь на три года, чтобы «въ пятницу ни толчи, ни молоти, ни каменія не жечи», а кто заповѣдь порушитъ, на томъ доправить 8 алтынъ и 2 деньги. Константинопольскій патріархъ окружию грамотою 1589 года къ литовско-русскимъ епископамъ запрещалъ праздновать день пятницы наравнѣ съ воскресеніемъ²⁾.

Стоглавъ (въ 40-й главѣ) свидѣтельствуетъ, что въ его время ходили «по погостамъ и по селамъ и въ волостныхъ лѣвые пророки мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы стростивъ, роснустя, трасутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ явяется св. Пятница и св. Анастасія, и велать имъ заповѣдывати канунъ засвѣчивати; онѣ же заповѣдывають христіанамъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прятти, и платья не шити, и каменія не разгигати, и инныя заповѣдуютъ богошераскія дѣла творити».

¹⁾ Православн. Соборъ 1859 г., № 2, стр. 188.

²⁾ Акты Юридическіе, № 358; Акты Западн. Руси, т. IV, № 92. У болгаръ также не прядутъ по пятницамъ (Архивъ историко-юридич. съобщеній, т. II, статья Буслаява, стр. 42).

По народному объясненію по пятницамъ не прадутъ и не па-
нутъ, чтобы не запылить катушку-Пятницу и не засорить
ей кострикою и пылью глазъ. Если же бабы вздумаютъ прастъ
и шить въ этотъ день, то св. Пятница накажетъ ихъ ногго-
тлою, заусеницею, или болѣзною глазъ: повѣрье это послужило
основаніемъ напечатанной нами легенды. По словамъ
духовнаго регламента, суевѣры увѣрали, что «Пятница гнѣ-
зается на непраснующую (ся дна) и съ великимъ на оныхъ
угроженіемъ наступаетъ». Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ пят-
ницу не засиживаютъ долго при свѣчахъ, потому что въ
этотъ день ходитъ по домамъ «св. Пятинка» и караетъ всѣхъ,
кого застанетъ неспящимъ. Въ Малороссіи поселяне увѣря-
ютъ, что они сами видѣли, какъ Пятница ходитъ по селамъ
вся исколотая иглами и изверченна веретенами, потому что
многія женщины и шьютъ, и прадутъ въ такіе дни, которые
слѣдуетъ прадуновать въ честь этой святой ¹⁾. Такимъ обра-
зомъ особенное уваженіе къ пятницѣ объясняется тѣмъ, что
этотъ день считается въ народѣ посвященнымъ св. Пятницѣ:
именемъ Пятницы въ ;простокароля называется мученица
Параскева. Въ четвахъ-минеяхъ повѣствуется, что родители
ея всегда чтили пятницу, какъ день страданій и смерти Спа-
сителя, за что и даровалъ имъ Господь въ этотъ день дочь,
которую они назвали Параскевѣю т. е. пятницей. Въ прежнихъ
нашихъ мѣсяцословахъ при имени св. Параскевы упоми-
налось и названіе Пятницы; церкви, ей посвященныя, до сихъ
поръ называются пятницкими ²⁾. 28 октября, когда читается

¹⁾ Сахарова: Сказанія рус. народа, т. II, стр. 97, 404; Снегирева: Про-
стонар. русск. праздники, ч. I, стр. 188—9; Терещенко: Бытъ русс. на-
рода, ч. VI, стр. 56; Жакъ 1843 г., т. XII, стр. 7, и 1844 г., т. XIII.
Вѣсти. Геогр. Общества 1853 г., кн. 3, стр. 5; Помтавск. Губернск. Вѣдом.
1845, № 24 — часть неофициальная; Абевага рус. суевѣрій, стр. 275.

²⁾ Правосл. Собесѣдникъ 1859 г., № 2, стр. 196.

память св. Параскевы, поселяне кладутъ подъ ея икону зеленые влоды и хранять ихъ до слѣдующаго года. Въ обѣтныя пятницы, собираясь праздновать въ одно назначенное мѣсто, они выносятъ образъ Параскевы-мученицы, обитанный платками и лентами. На дорогахъ, при распутияхъ и перекресткахъ издревле ставилкъ на столбикахъ, небольшія часовни съ иконою св. Параскевы; часовни эти также назывались «пятницами»¹⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ всѣ особенности, приписываемыя Пятницѣ, относятъ къ Пречистой Дѣвѣ; такъ бабы не прядуть по пятницамъ, чтобы не завылить Богородицы, которая ходитъ тогда по избахъ; еще наканунѣ поэтому подметають въ избахъ полы; шерсть, вѣтъ которой вѣтъ пыли, позволяютъ праять²⁾.

Припоминая, что пятница у другихъ европейскихъ народовъ въ языческую эпоху была посвящена богинѣ Венерѣ или Фрѣт (dies Veneris, Vendredi, Frejtag), справедливо будетъ предположить, что въ приведенныхъ нами повѣрьяхъ скрывается темное воспоминаніе о древней языческой богинѣ. Подъ влі-

¹⁾ Рязанск. Губери. Вѣдомости 1846 г., № 6 — часть неофенц.: Макарова: Русскія преданія, ч. 1, стр. 22—26; Терещенко: Быть русск. народа, ч. VI, стр. 58—59.

²⁾ Иллюстрація 1846 г., стр. 648 — статья Дала; Воронежск. Губ. Вѣд. 1851, № 11. Равнымъ образомъ и въ другіе праздничные дни запрещается праять: это грѣхъ неотмолимый, но сматывать нитки и сушить ихъ не считается за грѣхъ. Женщины не оставляють пряжи на веретенахъ въ воскресенье и праздникъ, чтобы не рвались нитки. На масляницу не прядуть, чтобы мыши не грызли витоки и чтобы холсты не были гнилыми. Въ Литвѣ, приготавлиаясь къ свѣтлому празднику, поселяне стараются прибрать и вычистить свои избы до страстнаго четверга, а съ этого дня до самой Пасхи не принимаются за эту работу, боясь, чтобы лежащему во гробѣ Христу не засорить глаза; въ тоже время старательно прядуть веретена и прялки и перестаютъ заниматься прижею (Вѣсти. Геогр. Общества, 1853, кн. I, стр. 60; Иллюстрація, годъ 2-й, стр. 262; Пузины: Взглядъ на суевѣрія, стр. 154; Ворон. Губери. Вѣд. 1851 г., № 11; Чарты изъ исторіи и языка литовск. народа, стр. 93).

лишь христіанскія идеи оно естественнымъ образомъ слилось съ священными представленіями новой религіи, подобно тому, какъ атрибуты Перуна перенесены суевѣрнымъ народомъ на Илью пророка, а древнее поклоненіе Волосу перешло на св. Власія.

Пятницу приписываютъ вліяніе на здоровье, урожай хлѣба и плодородіе скота, почему во время падежей, моровой язвы и другихъ бѣдствій прибѣгаютъ къ ней съ мольбами, совершаютъ общественное богослуженіе и приносятъ очистительныя жертвы; въ народѣ ходятъ даже молитвы, сочиненныя въ честь св. Пятницы: ояѣ носятъ на шеѣ отъ различныхъ недуговъ или привязываются къ больной головѣ. Во время церковныхъ обрядовъ прежде выносили икону св. Параскевы, увѣшанную лентами, монетами, цвѣтами и душистыми травами: эти цвѣты и травы оставались въ церкви, и отваръ ихъ давали пить отчаянно-больнымъ, какъ вѣрнѣйшее средство къ исцѣленію. По народному повѣрью, кто соблюдаетъ пятницу, у того не будетъ лихорадки. Въ калужской губерніи при началѣ жатвы одна изъ старухъ, извѣстная по легкости своей руки, отправляется ночью въ поле, нажинаетъ одинъ снопокъ, связываетъ его, и до трехъ разъ то кладетъ, то ставитъ на землю, произнося слѣдующія слова: «Пятница-Параскева, матушка, помоги рабамъ Божиимъ (слѣдуютъ имена) безъ скорби и болѣзни окончить жатву; будь имъ заступница отъ колдуна и колдунницы, еретика и еретицы!» Затѣмъ, взявши снопокъ, она старается пройти до двора, не будучи никѣмъ замѣченною. На праздникъ Покрова дѣвицы, желающія выйти замужъ, обращаются съ просьбою о томъ къ Пятницѣ: «матушка Пятница-Параскева! покрой меня поскорѣе». ¹⁾ Духовный регламентъ Петра Великаго упоминаетъ о совершав-

¹⁾ Снегирева: Простонар. русск. праздники, ч. IV, стр. 118; ч. I, стр. 48.

шенся въ народѣ символическомъ обрядѣ, указывающемъ на обожаніе Пятницы. «Слышатся (читаемъ въ этомъ законодательномъ памятникѣ), что въ Малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водить жену простовласую, подь именемъ Пятницы, а водить въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдасть народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы.»

14. О НОВЪ ПРАВЕДНОМЪ.

Начало этой любопытной легенды заимствовано изъ «притчи о тѣлѣ человеческомъ, и о душѣ, и о воскресеніи мертвыхъ». Притча эта встрѣчается во многихъ рукописныхъ прологахъ XIII, XIV, XV и XVI столѣтій и между сочиненіями Кирилла Туровскаго, который передаетъ ее въ болѣе-распространенномъ изложеніи (см. Рукописи графа А. С. Уварова, томъ 2, стр. XLVI — LI, 137 — 141). Конечно, отсюда она перешла въ народныя сказанія, и это служитъ новымъ свидѣтельствомъ того вліянія, какое оказывала книжная литература на устную. Для сличенія приводимъ здѣсь самую притчу:

«Человѣкъ нѣкто добра рода насади виноградъ, и оплотомъ огради, и отходя въ домъ отца своего: «кого, рече, створю стража дому моему и притжанію? Аще бо поставлю сдѣ отъ предстатель моихъ, то потеряютъ мой трудъ. Но сиче створю: поставлю стража хромча и слѣпца, да аще кто хоще украсти отъ врагъ моихъ въ виноградъ, слѣпецъ чуетъ, а хромецъ видить; аще кто отъ сего векощеть, хромецъ убо не имать ногу дойти, слѣпецъ же аще поидеть — въ пропастьѣхъ убыетса». И посадивъ я, отъиде. Надолзѣ бо сѣдѣющіи лнш, и рече слѣпече ко хромцю: «что убо благоуханіе полетаеть влзутрь вратъ?» Отвѣща хромецъ: «многа блага господниа намъ влзутрь

есть. иже незреченная вкушения: но понеже предупредь есть господиивъ наю, мене посади хромого, а тебе слѣзнаго, и не можевѣ того дойти и насытитися». Отвѣща слѣзнече хромцю «почто еси сихъ не возвѣстятъ, да быховѣ не жадала? Аще бо слѣзъ есмь, но ноги инашь и силень есмь носить тя: иынѣ бо возми конь, и всади на мой плеча и азъ тя несу, а ты мнѣ путь повѣдай; и вся благая господина наю обоемлемъ. Да егда приде господиивъ наю, укрыется дѣво наю отъ него: аще мене воспроситъ, и реку: ты веси, господине мой яко слѣзъ азъ есмь; аще ли тебе вопрошитъ, ты же рѣчи: азъ хромъ есмь, и тако предупредувѣ господина наю». Всѣдъ же хромень на слѣзца, и шель окрадоста овоць господина своего. По времени же пришедъ господиивъ винограда, и вили его окрадна, повелѣ привести слѣзца, и глагола: не добра ли ты носта вихъ стража винограду моему, почто еси окралъ его? Отвѣща слѣзнече: «Господи, ты вѣси, яко слѣзъ есмь; аще быхъ хотѣлъ дойти, не вижду дойти: но крадъ есмь хромецъ, а не азъ». И повелѣ господиивъ блюсти слѣзца, дондеже приведуть хромца. Призвану же хромцю, начастася спирати. Хромель глаголаше слѣзцю: «аще не бы ты носилъ мене, николи же могъ быхъ тамъ дойти, понеже хромъ есмь». Слѣзень же глаголаше: «аще бы не ты мнѣ путь повѣдалъ, то не бы азъ тамъ дошелъ». Тогда господиивъ, сѣдъ на судищи, нача судити, и рече господиивъ: «яко же еста рекла (крала), тако да вседе хромецъ на слѣзца». Всѣдшо бо хромцю на слѣзца, повелѣ бити нежидостивено».

Въ народной легендѣ вмѣсто хромца выведенъ безрукой — Далѣе легенда воспользовалась библейскими сказаніями объ Адамѣ и Ноѣ, но передаетъ ихъ въ искаженномъ видѣ, смѣшивая событія и перепутывая ихъ баснословными народными преданіями. Сюда вошли и нѣкоторые разсказы изъ стариннаго животнога эпоса. Такъ народное суевѣріе представляетъ

что собака первоначально была сотворена голою, без шерсти; Бог заставлял ее стеречь отъ демонскихъ козней тѣло первосозданнаго человѣка; нечистый грозитъ собакамъ зимними морозами и, соблазняя, даетъ ей мягкую шубу. Любопытны роли, которыя играютъ въ ковчегѣ мышь и ужъ. Нечистый ухитряется, влѣзаетъ въ ковчегъ и въ видѣ мыши прогрызаетъ въ немъ дыру; ужъ затыкаетъ ее своей головою. Послѣ потопа слѣдуетъ вновь созданіе земли и людей; очевидно устный разносизъ относить здѣсь въ конецъ то, что должно было стоять въ началѣ. Преданіе о созданіи земли записано г. Терещенкомъ (Бытъ русск. народа, ч. V, стр. 44—45) съ нѣкоторыми подробностями, которыхъ недостаетъ въ нашей легендѣ:

«Въ началѣ свѣта благоволялъ Богъ выдвинуть землю. Онъ «позвалъ чорта, велѣлъ ему нырнуть въ бездну водануку, что- «бы достать оттуда горсть земли и принести ему. — Ладно, «думаетъ сатана, я самъ слѣлаю такую-же землю! Онъ ныр- «нулъ, досталъ въ руку земли и набилъ ею свой ротъ. При- «несъ Богу и отдастъ, а самъ не произноситъ ни слова... «Господь куда ни броситъ землю, то она вдругъ является та- «кая ровная, ровная, что на одномъ концѣ становишь — то на «другомъ все видно, что дѣлается на землѣ. Сатана смо- «тритъ... хотѣлъ что то сказать и поперхнулся. Богъ спросилъ «его: чего онъ хочетъ? Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ «испугу. Тогда громъ и молнія поражали бѣгущаго сатану, и «онъ гдѣ приляжетъ — тамъ выдвинутся пригорки и горы; «гдѣ кашлянетъ — тамъ выроститъ гора; гдѣ привскачетъ — «тамъ высунется поднебесная гора. И такъ бѣгая по всей «землѣ, онъ изрылъ ее: надѣлалъ пригорковъ, горокъ, горъ и «превысокихъ горъ.»

Въ карпатской колядкѣ поется, что при началѣ свѣта два голубя спустились на дно моря, достали оттуда песку и камня, изъ которыхъ и были созданы земля и небесныя свѣтила.

Доисторическія преданія, уцѣлвшія почти у всехъ индоевропейскихъ народовъ разсказываютъ, что само божество научило первоначально человека строить жилища, ковать металлы и воздвигать землю¹⁾. На Украинѣ есть повѣрье, что самъ Господь далъ Адаму плугъ, а Евѣ прялку—въ то время, какъ они нарушили заповѣдь и были высланы изъ рай²⁾. Согласно съ этимъ напечатанная нами легенда повѣствуетъ о томъ, какъ Господь выучилъ людей строить избу и запрягать лошадь. Между русскими крестьянами ходитъ еще другое преданіе о постройкѣ избы: долго люди не умѣли придумать, какъ-бы охранить себя отъ непогоды и стужи; наконецъ чортъ ухитрился и выстроилъ избу: вѣсьмъ бы хороша: и тепло, и уютно, да темно хоть глазъ выколи! Ужь ангелъ Господень научилъ прорубить окно, и съ тѣхъ поръ стали люди строить избы съ окнами. Преданіе это носитъ на себѣ печать весьма древняго происхожденія. Злой духъ, какъ представитель темной силы, врака, по народнымъ повѣрьямъ бонится свѣтан и исчезаетъ съ первыми лучами солнца³⁾; все, что имѣетъ связь съ свѣтомъ, походить не отъ него, а даруется божествомъ добра и правды.

15. СОЛОМОНЪ ПРЕМУДРЫЙ.

Слѣдя съ слѣдующей легендой о «Солдатѣ и Смерти» (№ 16, а). — О премудромъ царѣ Соломонѣ извѣстены цѣлый рядъ старинныхъ повѣстей, о которыхъ смотри въ сочиненіи

¹⁾ См статью: Мѣстичская связь понятій свѣта, зрѣнія, огня, металла и проч. (въ Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2, половина 2-я.

²⁾ Русск. Бесѣда 1856 г., т. 3, стр. 74: статья Максимовича.

³⁾ Крикъ итѣуха, преодолевающая восходъ солнца, прогоняетъ нечистыхъ духовъ. Слѣчи съ Kinder- und Hausmärchen, ч. 2, стр. 319.

г. Пышина: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (стр. 102 — 123). Съ этими повѣстями, занесенными во многіе рукописные сборники, имѣють связь и тѣ народныя сказанія о Соломонѣ, которыя вошли въ «Срѣске народне приповѣтке» Караджича.

16. СОЛДАТЪ И СМЕРТЬ.

Смерть является здѣсь не отвлеченнымъ понятіемъ, а согласно древнѣйшему представленію — живую, олицетворенною; такую видимъ ее и въ другой легендѣ («Пустынный», № 21), и въ нѣмецкихъ сказкахъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже, и въ извѣстной «Повѣсти о бодрости человѣческой» (начало: «Человѣкъ нѣкій ѣздяше по полю чистому, по раздолью широкому, конь подъ собою имѣя крѣпостію обложенъ, зѣровидень...»). Повѣсть эта поиздается во многыхъ рукописяхъ XVII и XVIII столѣтій: составляя любимое чтеніе грамотнаго люда, она перешла въ устныя сказанія и на любочную картину. Приводимъ здѣсь народный разсказъ объ Аника-воинѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ записанъ онъ въ нашемъ собраніи:

Жиль-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, шиль-Ель, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви Божіа разорять: взялъ мечъ и копье, и выѣхалъ въ чистое поле на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою ¹⁾. «Что

¹⁾ *Вариантъ*: Бѣжилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ, никого не наѣзжалъ, не съ кѣмъ силы попробовать. — Съ кѣмъ бы нѣтъ побиться? думаетъ Аника-воинъ; хоть бы Смерть пришла. — Глядь — идетъ къ нему страшная гостья: тошья, сухая, кости голыя! и несетъ въ рукахъ серпъ косу, грабли и заступы.

это за чудище! говорить Аника-воинъ; царь ли ты - царевичъ, король ли - королевичъ?» — Я не царь-царевичъ, не король-королевичъ, и твоя Смерть — за тобою пришла! «Не белюно страшна: а жизиннымъ пальцемъ поведу — тебя раздавал!» — Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ крабрыхъ могучихъ богатырей—я всѣхъ одолѣла. Сколько нобилъ ты народу на своемъ вѣку! — и то не твоя была сила, те я тебѣ помогала. — Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего бѣрзаго коня, хочеть поднять ее на копьѣ булатное; но рука не двигнется. Наналъ на него велий страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: «Смерть моя - Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «нѣтъ тебѣ сроку и на полгода». — Смерть моя - Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три мѣсяца.» — Смерть моя - Смерточка! дай сроку хоть на три дня. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа.» И говоритъ Аника-воинъ: «много есть у меня и серебра, и золота, и каменья драгоцѣннаго; дай сроку хоть на одинъ часъ — я бы рѣздалъ ницимъ все свое имѣніе». Отвѣчаетъ Смерть: «какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія ницимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!» Замагнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвой¹⁾).

Народнымъ русскимъ повѣрья представляютъ Смерть вѣчно-голодною, пожирающею все живое; въ первомъ спискѣ напечатанной нами легенды — когда солдатъ заставлялъ ее нѣсколько лѣтъ глотать одни лѣсные деревья, Смерть такъ отощала, что едва ноги двигала.

Въ аду солдатъ до того надоѣлъ чертямъ, что они долго не знали, какъ его выжить, и наконецъ уже вызвали его изъ этого темлаго мѣста, ударивъ въ барабанъ тревогу.

¹⁾ Сличн съ легендою подъ № 21 («Пустынный»).

Подобный рассказ есть о матросѣ Пронькѣ:

Былъ матросѣ Пронька; всю службу свою слылъ горькою пьяницей: чарка для него была полглотка, а ендюву осушалъ въ два приѣма безъ отдыха. Что тамъ ему не говоря, только и услышишь: «пай да дѣло разумѣй! пьянъ да уменъ — два угодыя въ немъ! пьяница проспятса. дуракъ никогда!» И впрямь, дѣло онъ разумѣлъ, отъ работы не отказывался, говорилъ всегда правду, и всѣ его любили и берегли. Разъ какъ-то великимъ постомъ сталъ говорить ему священникъ: «Пронька, Бога ты не боишься! Неравенъ часъ — по хмѣлю умрешь; вѣдь смерть ходитъ не за горами! Ну, что тогда окажешь ты, какъ пьяной предстанешь предъ Господомъ?» А онъ въ отвѣтъ: «Батюшка! чтѣ у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ: всю правду, значить, скажу передъ Богомъ». Какъ сказалъ священникъ, такъ и случилось. Съ какихъ — ужъ не знаю — радостей сильно подпилъ Пронька, да видно слишкомъ на себя понадѣлся, полтъяз на мачту и свалился оттуда прямо въ воду. Вотъ по сказанному, какъ по писанному, явился онъ на тотъ свѣтъ пьянѣшенекъ, и не знаетъ, куда вати? а тамъ — дѣло известное, и для трезваго потешки; такъ пьяному-то просто бѣда! Вотъ пошла ранжировка да переключка, кого куда; матросонъ-горемыкъ известно всѣхъ въ рай назначаютъ, и Проньку вскричали туда-жъ. А онъ бурлитъ себѣ, зажѣмался въ толпу, и поналъ въ адъ; шумить тамъ пуще всѣхъ, только другияшъ мѣшаетъ... Много было хлопотъ, чтобы вывести его изъ ада; долго не могли съ нимъ справиться; да ужъ Никола Морской догадался, взялъ боцманскую лудку, сталъ у райскихъ дверей и засвисталъ къ вину. Какъ услыхалъ Пронька, сейчасъ оросился изъ ада вонъ и въ ту-жъ минуту явился, куда слѣдуетъ. (Изъ собранія В. И. Дала.)

Особенно-интересны подробности въ третьемъ спискѣ легенды о «Солдатѣ и Смерти». Подробности эти совершенно-след

ны съ тѣми какія встрѣчаемъ въ нѣмецкой сказкѣ: «Bruder Lustig» (см. Kinder-und Hausmärchen, ч. 1, № 81); и здѣсь, я тамъ — одинаковъ разсказъ о томъ, какъ получаетъ солдатъ чудесную торбу (ранецъ), какъ заключаетъ въ нее чертей и освобождаетъ отъ нечистой силы покинутый дворець. Только нѣтъ въ нѣмецкой сказкѣ той протѣлки со Смертью, вслѣдствіе которой попадаетъ она въ торбу и нѣсколько лѣтъ висятъ въ лѣсу на оснѣхъ: да сверхъ того въ окончаніи находишь слѣдующее замѣненіе: приходитъ солдатъ къ небеснымъ вратамъ и стучится. На стражѣ стоялъ тогда св. Петръ; «ты хочешь въ рай?» спрашиваетъ апостоль. — Въ аду меня не приняла, говоритъ солдатъ; пусти въ рай. «Нѣтъ, ты сюда не войдешь!» — Ну, если не хочешь меня впустить, то возьми назадъ ранецъ; я ничего не хочу отъ тебя имѣть. И вмѣстѣ съ этими словами просунулъ свой ранецъ сквозь райскую решетку; св. Петръ взялъ ранецъ и повѣсилъ возлѣ своего кресла. Тогда сказалъ солдатъ: «теперь я желаю самъ быть въ моемъ ранцѣ». И въ мигъ онъ очутился тамъ, и св. Петръ принужденъ былъ оставить его въ раю. — Далѣе, въ русской легендѣ встрѣчаемъ эвзодическій разсказъ о томъ, какъ чортъ научилъ солдата лѣчить: онъ далъ ему чародѣйный стаканъ, въ которомъ — если нальешь туда холодной воды и поставишь его возлѣ больного — непрежѣнно увидишь, гдѣ стоитъ Смерть, у изголовья или въ ногахъ хворающаго; въ последнемъ случаѣ стоитъ только взбрызнуть его водою изъ стакана — и въ ту-же минуту онъ встанетъ здоровъ и невредимъ. Этотъ любопытный эвзодъ развитъ у нѣмцевъ въ особенной сказкѣ «Der Gevatter Tod» (въ собраніи сказокъ братьевъ Гриммовъ, ч. 1 № 44):

Жилъ былъ бѣднякъ, у него было двѣнадцать дѣтей; и дѣвъ, я ночь работала онъ, чтобы пропитать свою семью. Когда родился у него тринадцатой ребенокъ, онъ уже не зналъ,

чѣмъ пособить себѣ въ нуждѣ; вышелъ на большую дорогу и рѣшился перваго, кого встрѣтитъ, взять въ кумошъ. Первый встрѣчный ему былъ самъ Господь; зная, что у него было на душѣ, онъ сказалъ: «миръ тебѣ жаль, и я хочу окрестить твоего ребенка. буду заботиться о немъ и сдѣлаю его счастливымъ». — Но кто ты? «Я Господь.» — Нѣтъ, не возьму тебя въ кумовья; ты надѣляешь богатыхъ, и оставляешь голодать бѣдныхъ. Такъ сказалъ бѣднякъ, потому что не вѣдалъ онъ, какъ премудро распредѣляетъ Богъ и богатства и нищету. Повернулся онъ и пошелъ дальше. На встрѣчу ему дьяволъ и говоритъ: «возьми меня въ крестные отцы твоему ребенку; я надѣлю его грудями золота и всѣми наслажденіями жизни». — А ты кто? «Я дьяволъ.» — Нѣтъ, ты искушаешь и обманываешь человека. Пустился въ путь дальше; идетъ костлявая Смерть и говоритъ: «возьми меня кумошъ». — Кто ты? спрашиваетъ бѣднякъ. «Я Смерть, которая всѣхъ уравниваетъ.» — Да, ты справедлива; ты не различаешь ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, и ты будешь моимъ кумошъ. Въ назначенный день пришла Смерть, и крещеніе было совершено. Когда мальчикъ подросъ, онъ пошелъ однажды навѣстить своего крестнаго. Смерть повела его въ лѣсъ, указала на одну траву, которая тамъ росла, и сказала: «вотъ тебѣ даръ отъ твоего крестнаго. Я сдѣлаю тебя слезливымъ лѣкаремъ. Всякой разъ, какъ позовутъ тебя къ больному, ты меня увидишь: если буду я стоять въ головѣхъ больного, то сѣбло говори, что можешь его вылѣчать; дай ему этой травы, и онъ выздоровѣетъ. Но если стану я у ногъ больного — онъ мой! ¹⁾ Тогда долженъ ты сказать, что всякая помощь будетъ напрасна и что никакое лѣкарство въ мірѣ не въ силахъ его спасти». Въ короткое время повсюду

¹⁾ Въ русской легендѣ наоборотъ: если Смерть станеть въ ногахъ больного — онъ выздоровѣетъ, а если въ головѣхъ — то умретъ. Тоже и въ разсказѣ, записанномъ г. Максимовичемъ, о мужикѣ и Смерти (смотри ниже).

разнеслась молва о новомъ славномъ лѣкарѣ, которому стоять только взглянуть на больного, чтобы навѣрно узнать, будетъ ли онъ снова здоровъ или умретъ. Со всѣхъ сторонъ звали его къ больнымъ, много давали ему золота, и вскорѣ онъ сдѣлался богатымъ. Между тѣмъ случилось заболѣть королю. Призвали лѣкаря и спросили, возможно ли выздоровленіе? Когда явился онъ у постели больного, Смерть стояла въ ногахъ и на какое снадобье не могло ему пособить. «Нельзя ли мнѣ хоть однажды перехитрить Смерть? подумалъ лѣкаръ; конечно, ей не понравится; но вѣдь я недаромъ ей крестникъ, и она вѣрно посмотритъ на это сивозъ пальцы: дай, попробую.» Онъ приподнял короля и уложилъ такъ, что Смерть очутилась въ головахъ больного; тотчасъ далъ ему травы, и король возсталъ совершенно-исцѣленный. Смерть подошла къ лѣкарю, лицо ея было мрачно и гнѣвно, она погрозила пальцемъ и сказала: «ты обманулъ меня; на этотъ разъ я тебя прощаю, потому что ты мой крестникъ; но берегись! Если попробуешь въ другой разъ сдѣлать тоже — я возьму тебя самого!»

Вскорѣ послѣ того заболѣла тяжкимъ недугомъ дочь короля; это было его единственное дитя, день и ночь онъ плакалъ, и повсюду приказалъ объявлять: кто спасетъ королеву отъ смерти, тотъ будетъ ея мужемъ и наследуетъ все царство. Лѣкаръ явился къ постели больной, взглянулъ — Смерть стояла въ ногахъ королевы. Ему припомнилось было, какъ предостерегалъ его крестной отецъ: но изумительная красота королевы и счастье быть ея мужемъ разсѣявъ все опасенія. Онъ не видѣлъ, что Смерть бросала на него гнѣвные взгляды и грозила пальцемъ, приподнялъ больную и положилъ ногами къ изголовью, далъ ей травы — и въ ту-жъ минуту на щекахъ ея показался румянецъ и жизнь воротилась къ ней снова.

Обманутая вторично Смерть приблизилась къ лѣкарю и сказала: «теперь твоя очередь настала»; ухватила его своей ле-

двюю рукою такъ крѣпко, что онъ не могъ противиться, и повела въ подземную пещеру. Тамъ увидѣлъ онъ въ необозримыхъ рядахъ тысячи и тысячи возженныхъ свѣчь: и большія, и наполовину сгорѣвшія, и малыя. Въ каждое мгновеніе одиѣ изъ нихъ погасали, а другія вновь зажигались, такъ что огоньки при этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ казалось перелетали съ мѣста на мѣсто. «Взгляни, сказала Смерть это горять человѣческія жизни. Большія свѣчи принадлежатъ дѣтямъ, наполовину сгорѣвшія людямъ среднихъ лѣтъ, малыя старикамъ. Но часто бываетъ, что и дѣти и юноши надѣляются небольшою свѣчою.» Лѣкарь просилъ показать, гдѣ горитъ его собственная жизнь. Смерть указала ему на маленькій огарокъ, который грозилъ скоро погаснуть: «вотъ, смотри!» — «Ахъ милой крестной! сказала устрешенный лѣкарь, зажги мнѣ новую свѣчу, позволь мнѣ насладиться жизнью, быть королемъ и мужемъ прекрасной королевы.» — Это невозможно, отвѣчала Смерть; прежде, нежели зажечь новую, должно погасить прежнюю. «А ты поставь этотъ догорающій остатокъ на новую свѣчу — такъ, чтобы она тотчасъ-же зажглася, какъ скоро онъ потузатъ станетъ.» Смерть притворилась, что хочетъ исполнить желаніе своего крестника, взяла новую большую свѣчу, но приставляя къ ней старый огарокъ, нарочно, изъ щемія, его уронила: пламя погасло, и въ ту-же минуту лѣкарь упалъ на-земь и сдѣлался добычею смерти. (См. также *Deutsche Hausmärchen*, von J. W. Wolf, стр. 365: «Das Schloss des Todes».)

Подобный-же рассказъ извѣстенъ и у венгровъ (см. *Ungarische Volksmärchen. Nach der aus Georg Gaals Nachlass herausgegebenen Urschrift übersetzt von G. Stier*, стр. 30 — 33); только конецъ другой. Смерть креститъ у одного бѣднака новорожденнаго младенца; подпивши на крестинахъ и развеселясь, она надѣляетъ своего кума чудесною силою исцѣ-

лять больныхъ, хотябъ они были при самомъ послѣднемъ издыханіи: стѣить только ему коснуться постели умирающаго или стать предъ его кроватью — и больной тотчасъ выздоровѣетъ; самъ-же онъ долженъ умереть тогда, когда скажетъ *аминь*. Прежній бѣднякъ дѣлается лѣкаремъ и скоро богатѣетъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и вздумалъ онъ навѣстить Смерть. Только что поѣхалъ въ путь, какъ встрѣтилъ плачущаго ребенка; онъ взялъ его къ себѣ и спросилъ: о чемъ ты плачешь? «Ахъ, сказала дитя, какъ мнѣ не плакать? отецъ прибилъ меня—за то, что я не знаю въ молитвѣ одного слова.» — Какое-жъ это слово? Отче нашъ? «Нѣтъ, не то!» Лѣкаръ проговаривалъ всю молитву до самаго конца, но отвѣтъ былъ одинъ: «нѣтъ, не то!» — Такъ вѣрно: *аминь*? сказалъ онъ наконецъ. «Да, сказала Смерть (это она явилась въ видѣ плачущаго ребенка); да, *аминь*!... и тебѣ, купи, *аминь*!» И онъ тутъ-же умеръ; сыновья его раздѣлили между собой все богатство, и если не померли, то до сихъ поръ здравствуютъ на блѣдомъ свѣтѣ.

Г. Максимовичъ записалъ русскій народный разсказъ о мужикѣ и Смерти, въ которомъ тоже самое содержаніе, но обстановка и подробности другія (см. Три сказки и одна побасенка, Кіевъ, въ типогр. О. Гликеберга, 1845, стр. 45 — 48): «Мужикъ косилъ сѣно. Вдругъ коса обо что-то зацѣпилась и зазвенѣла. Нашла коса на камень! сказалъ мужикъ. — Да, похоже на то! проговорила кочка. Мужикъ смотритъ: кочка подымается, закурилась — и стала изъ нея Смерть. Съ испугу онъ замахнулся на нее косою. Постой! говоритъ Смерть: не шали, я тебѣ пригожусь; я тебя сдѣлаю лѣкаремъ; только смотри, берись лѣчить тѣхъ, у кого буду стоять въ ногахъ; станешь вылѣчивать непременно; если-жъ увидишь меня въ головахъ у кого, отказывайся. — Сказавъ это, Смерть пропала.» Пошелъ мужикъ въ Москву, и принялся лѣчить:

за кого ни возьмется, какъ рукой болванъ сниметь! Проме-
 слаась объ немъ слава, стъ больныхъ отбою итъ; разбогатѣлъ
 онъ и зажилъ въ каменномъ домѣ. «Одинъ разъ зовуть его къ
 богатому купцу. Приходить онъ; видитъ, что Смерть въ го-
 ловахъ, и не берется лѣчить. — Сдѣлай милость полѣчи! что
 хочешь возьми... — Право не могу! — Вотъ тебѣ сейчасъ
 пятьсотъ рублей, а вылѣчишь, дадимъ пять тысячъ — вотъ и
 вексель! — Пять тысячъ деньги! думаетъ мужикъ; дай попы-
 таюсь!... Далъ своего снадобья и ушелъ до-завтра. Только
 что принялъ больной лѣкарство, какъ тутъ же и духъ вошь.
 На другой день приходитъ мужикъ къ купцу лѣчить; только
 ужъ его самого тамъ попользовали, да такъ ловко, что къ ве-
 черу онъ слегъ въ постель. Оглянется — а Смерть у него
 въ головахъ. Плохо дѣло! думаетъ мужикъ; какъ быть? и го-
 ворить своимъ: неловко что-то лежать итъ; положите-ка меня
 къ изголовью ногами. Переложили его; глядитъ онъ: Смерть
 все въ головахъ. — Охъ, все неловко! говоритъ онъ; при-
 двиньте-ка плотнѣе кровать къ стѣнѣ, да положите меня по-
 переку. Повернули его и такъ; глядитъ, а Смерть все въ го-
 ловахъ, и шепчетъ ему на ухо: полно, братъ! не отвергайся...
 Черезъ день послѣ похоронъ купца, и мужика снесли на клад-
 бище.» — См. еще въ Народн. славн. разказахъ И. Бори-
 чевского (стр. 82 — 87) повѣсть объ одномъ скрягѣ.

17. ВѢДѢНІЕ.

Поэтическому взгляду поселянина все въ природѣ предста-
 вляется живымъ, одушевленнымъ: это отразилось въ тысячѣ
 различныхъ примѣтъ, сказалось въ заговорахъ и пѣсняхъ,
 запечатлѣлось въ самомъ языкѣ и преданіяхъ. Несобравные
 съ нивы колосья просятъ его: «возьми и насъ съ собою!» Свое

ебно, скошенное съ собственнаго дуга, стонетъ подъ гнетомъ чужаго, захваченнаго съ сосѣдскаго участка. Изгородь, поставленная въ землю верхними концами, упраниваетъ выдернуть ее и войти въ землю нижними концами; по народному повѣрью, колья въ заборѣ должны стоять точно такъ, какъ стояли они, будучи живыми деревьями, т. е. корнемъ къ низу.

Соединяя съ крестнымъ знаменіемъ великую силу, проговиняющую нечистыхъ духовъ, престолюдинъ убѣжденъ, что ни одно дѣло не слѣдуетъ начинать «не благословясь»; въ противномъ случаѣ не жди удачи (см. № 21 «Пустынникъ»). Если гдѣ стращуха готовить обѣдъ или ужинъ не благословясь, если гдѣ питье и ѣствы ставятся на столъ безъ крестнаго знаменія, то въ этотъ дождь приходятъ черти, пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ хозяевами, пляшутъ и поютъ срамныя пѣсни; къ благословенному-же столу ни одинъ бѣсъ не можетъ приблизиться (см. № 20 «Пустынникъ и дьяволъ»). Лубочная картина представляетъ двѣ трапезы: «трапезу благочестивыхъ людей, адущихъ со благодареніемъ: ангель Господень предстоитъ имъ, благословляетъ, а бѣсы проговяетъ, Христовою силою помрачаетъ» и «трапезу неблагодарныхъ людей, празднословцевъ, кощуновъ, скверноглаголющихъ, ялущихъ безъ благословенія: ангель Господень отъверти лице свое отъ нихъ, отъиде—стоя плачетъ яко видять: бѣсы веселящеса съ яими». ¹⁾ Сосудозы и кринѣкъ съ разными кушаньями и напитками не совѣтуютъ оставлять непокрытыми, боясь, чтобы вражяя сила не осквернила ихъ; если нечѣмъ покрыть, то должно перекрестить, или по крайней мѣрѣ положить сверху двѣ лучины *макрестъ*. Въ легендѣ, напечатанной подъ № 18 чортъ Потанька вѣззааетъ въ опару, приготовленную безъ благословенія; въ другой легендѣ (№ 19) нечистымъ садится въ кувшинъ

¹⁾ См. также этнограф. сборн., выпускъ 2, стр. 57.

съ водою, оставленный непокрытымъ. Между поселянами нашими ходитъ разсказъ объ одномъ мужикѣ, который пошелъ на свадьбу и былъ уведень чортомъ. Цѣлыхъ три года пропалъ онъ бѣзъ вѣсти, да разъ какъ-то подь праздникъ сошлось въ торговой банѣ бѣсовское сборище и мужика съ собой привело; давай пировать, плясать, пѣсикъ раопѣвать! да того загудались, что пѣтухи запѣли — и въ ту-жъ минуту сгинули всѣ черти. Остался одинъ мужикъ въ банѣ, началъ онъ стучать въ двери и насилу достучался, чтобъ отперли. Строжѣ выпустили его изъ бани, смотреть — мужикъ весь въ ломотяхъ, чуть не голой вышелъ: такъ обносился! И двауются всѣ, какъ попалъ онъ въ баню; стали его распрашивать. Мужикъ разсказалъ, что цѣлые три года таскался съ чертями по разнымъ мѣстамъ: «гдѣ свадьба, или какой праздникъ, тамъ и нечистые завсегда; придуть и засядуть на печкѣ, а какъ стануть хозяева подавать на столъ неблагословенное кушанье, они тотчасъ подхватятъ то блюдо къ себѣ, все наготовленное съѣдятъ, а вмѣсто ѣды накладываютъ на блюдо всякой погани. Тоже самое и съ питьемъ: вино ля, медъ ля подадутъ не благословясь — они до-чиста опорожнятъ посудину да и нальютъ туда чего хуже не выдумаешь!»

19. ПОВѢЗКА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Сличи съ разсказомъ, напечатаннымъ подь № 20, с («Пустыяникъ и дьяволъ»). Источникомъ этой легенды послужило известное сказаніе «о великомъ святителѣ, о Иванѣ, архіепископѣ Великаго Новаграда, како былъ единой ночи изъ Новаграда въ Іерусалимъ-градѣ и пакы възвратися, зане-

сейное въ четыи-шинеи и во многіе старинные сборники житій ¹⁾).

Перейдя въ область народной литературы, сказаніе это, безъ сомнѣнія, должно было подчиниться различнымъ передѣлкамъ и измѣненіямъ; въ устахъ народа появилось оно во множествѣ вариантовъ, далеко отступающихъ отъ своего первоначальнаго источника, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ своими характеристическими подробностями. Вотъ одинъ изъ этихъ вариантовъ (изъ собранія сказокъ В. И. Дала):

Въ старые годы, когда и черти не прочь были учиться по-солдатски: маршировать и ружьемъ выкидывать, былъ жилъ въ Питерѣ солдатъ, смѣлой да бойкой! Служилъ онъ ни хорошо, ни худо; на дѣло не напрашивался, отъ бездѣльи не отказывался. Вотъ досталось ему однажды стоять на часахъ въ Гадерномъ портѣ и какъ нарочно въ самую полночь. Пошелъ онъ съ Богомъ, перекрестясь, и смѣнялъ товарища; стоять себѣ, да отъ нечего дѣлать выкидываетъ ружьемъ на-крауль. Глядь—идеть къ нему нечистой; солдатъ не сробилъ, а хотя бѣ и струсилъ, такъ чтожъ дѣлать? отъ чорта не въ воду! «Здорово, служба!» говоритъ чортъ. «Здравія желаю!»—Поучи, пожадуста, меня на-крауль выкидывать; долго приглядываюсь, а никакъ понять не смогу. «Прямоі ты чортъ! сказалъ солдатъ; да гдѣ-же тебѣ поваять-то? И вотъ десять лѣтъ служу, и нашивку ниѣю — а всё еще учуся ²⁾); ужъ и колотушекъ перенесъ не одну тысячу! А ты хочешь одной наглядкою взять. Нѣтъ, братъ, ужъ это больно-скоро да и дешево!» — Поучи, служивой! «Пожалуй; только за что самъ ку-

¹⁾ Рукописи славянск. и росск., принадлеж. почетному гражданину И. И. Царскому, разобраны и описаны П. Строевымъ, стр. 434.

²⁾ Между русскими солдатами ходитъ разсказъ о томъ, какъ Никола-угодникъ прогибавался за что-то на нихъ и сказалъ: «вѣкъ вы будете учиться, и не вычитаетесь; вѣкъ вы будете чиститься, и не вычиститесь!»

нилъ, за то и твоѣ продашь.» Поставилъ солдатъ чорта во фронтъ, и для почину какъ свиснетъ его во всю ночь прикладомъ по затылку, ажю пошатнулся нечистой. «А! такъ ты еще нагибаешься во фронтѣ!» и давай его душить по чѣмъ попало; отсчиталъ ударовъ десять, и видитъ, что чортъ только вожками подергиваетъ, а кричать совсѣмъ пересталъ... «Ну, говоритъ, ступай теперь! на первой разъ довольно будетъ. Хоть мнѣ и жаль тебя, да что дѣлать? безъ того нельзя. Самъ вѣдаешь, служба всего выше, а во фронтѣ братъ, нѣту родня! Тошнѣхонекъ пришелся чорту первой урокъ; но солдатъ говорить, что безъ мѣки не бываетъ науки; стало быть — такъ надо: ему лучше знать! Поблагодарилъ чортъ за ученье, далъ солдату десять золотыхъ и ушелъ. «Эка! думаетъ солдатъ; жалко, что мало билъ! то ли дѣло, кабы разовъ двадцать ударилъ: глядишь, онъ бы двадцать золотыхъ далъ!»

Ровно черезъ недѣлю досталось солдату опять стоять на часахъ и на томъ-же самомъ мѣстѣ. Стоитъ онъ, выкидываетъ ружьемъ разные приемы, а на умѣ держитъ: «ну, коли теперь ляится нечистой, ужъ я свое наверстаю!» Въ полночь откуда не взялся — приходитъ нечистой. «Здравствуй, служба!» — Здорово, братъ! зачѣмъ пришелъ? «Какъ зачѣмъ? учить-ся.» — То-то и есть! а то хотѣлъ съ-разу все захватить! Нѣтъ, дружище, скоро дѣлаютъ, такъ слѣные родятся... Становись во фронтъ! командуетъ солдатъ; грудь впередъ, брюхо по-бери, глаза въ начальство уставь! Долго возился онъ съ чортомъ, много надавалъ ему тузановъ и колотушекъ, и таки выучилъ нечистаго дѣлать ружьемъ: и на-плечо, и къ-ногѣ, и на-краулъ. «Ну, говорить, теперь ты хоть къ самому сатанѣ на ординарцы, такъ и то не ударишь лицомъ въ грязь! только развѣ въ томъ маленькая фальшь будетъ, что хвостъ у тебя назади великъ. Ну-ка, повернись на-лѣво кругомъ!» Нечистой повернулся, а солдатъ вынулъ изъ

кармана шейной крестикъ, да потихоньку и нацѣпиль на чорта. Какъ заирьгзеть чортъ, какъ закричить благимъ матомъ! «А что, развѣ это вамъ чертяшъ не по-нутру?» спрашиваетъ солдатъ. Чортъ видитъ, что въ просакъ попался, давай сузлить солдату и серебра, и золота, и всякаго богатства. Солдатъ не прочь отъ денегъ, и велѣлъ притащить ни мало, ни много—цѣлой возъ. Въ минуту все было готово: чортъ притащилъ цѣлой ворохъ денегъ, солдатъ спряталъ ихъ въ оврагъ и закрестилъ; «а то, говорить, вы, бѣсовская сволочь! нашего брата православнаго только обманываете, вѣжето золота уголье насыпаете!»¹⁾ — Чтожъ, служивой! молитъ бѣсъ, отпусти меня, сними свой крестикъ. «Нѣтъ, братъ, погоди! Деньги деньганы, а ты сослужи мнѣ и другую службу. Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ не былъ я дома, а тамъ у меня жена и дѣтки остались; смерть хочется побывать на родинѣ да на своихъ посмотрѣть. Свози-ка меня домой; я, братъ, не изъ дальнихъ—изъ иркутской губерніи. Какъ свозишь, тогда и крестъ сниму!» Чортъ поморщился-поморщился и согласился. На другой день пошелъ солдатъ къ начальству, отпросился на два дня погулять (а были тогда праздники), и сейчасъ-же къ нечистому: усѣлся на него верхомъ и крѣико-крѣико ухватился за рога. Чортъ какъ свиснетъ, какъ понесется—словно молнія! Солдатъ только посматриваетъ, какъ мелькаютъ передъ нимъ города и села: «ай-да молодецъ! люблю за прыть!» И не успѣлъ еще проговорить всего, глядь—ужь и прѣехалъ. Слѣзъ солдатъ съ чорта: «спасибо, говорить; вотъ удружилъ, такъ удружилъ! Ступай темеръ, куда знаешь, а завтра на ночь пры-

¹⁾ См. интересный рассказъ о превращеніи горячихъ угольевъ въ золото на свѣтлый праздникъ—въ «Картинахъ русскаго быта» В. И. Дали (Отечеств. Зап. 1857, № 10, стр. 430—434). Объясненіе этого преданія можно найти въ статьѣ моей о мифической связи понятій: сафта, зрѣнія, металовъ и проч. (Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2, позволенія 2)

ходи: назадъ поѣдемъ». Прогостилъ, прошировалъ солдатъ пѣлыхъ два дни, а къ ночи попросаеся съ родными, и воротился на чортѣ въ Питеръ какъ-разъ въ срокъ. И вить какъ измучилъ нечистаго! чуть-чуть рогъ ему не обломалъ! Силъ онъ съ него крестъ и не успѣлъ еще въ карманъ спрятать, глядь — а ужъ чорта нѣтъ! и слѣдъ простылъ! Съ той самой поры и не видалъ солдатъ чорта; забралъ онъ бѣсовскія деньги и зажилъ себѣ припѣваючи.

Есть еще другая сказка о томъ, какъ чортъ выучился маршировать и выдѣлывать ружьемъ всякія штуки, и пошелъ на ниматься въ солдаты. Одинъ бѣдной мужикъ заложилъ ему свою душу и поставилъ его зашѣсто себя въ рекруты. Плохо пришлось дьяволу; одѣхъ палокъ сколько обломали объ его спину, а тутъ еще бѣлые ремни носи на-крестъ: просто, хотъ уаавяться! Крѣпился-крѣпился, не выдержалъ и бѣжалъ со службы; не польстился и на душу.

Въ приведенномъ нами разсказѣ, равно какъ и въ легендѣ: «Солдатъ и Смерть», въ яркихъ чертахъ выступаетъ народный юморъ, чтò по нашему мнѣнію придастъ имъ особенно-живой интересъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ большей части народныхъ русскихъ сказокъ, въ которыхъ выводится на сцену нечистой духъ, преобладаетъ шутивно-сатирической тонъ. Чортъ здѣсь не столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жалкая жертва обмановъ и лукавства сказочныхъ героев: то больно достается ему отъ злой жены, то бьетъ его солдатъ прикладомъ; то понадеетъ онъ подъ вузничные молоты, то обшѣриваетъ его мужикъ на цѣлые груды золота.

20. ПУСТЫННИКЪ И ДЬЯВОЛЪ.

См. въ *Kinder und Hausmärchen*, ч. II, стр. 85. — Передаемъ еще одинъ разсказъ о труженникѣ и демонѣ соблазнитель:

Жилъ въ лѣсу труженникъ, тридцать лѣтъ трудился онъ Богу, и сколько не старалась нечистая сила—никакъ не могла его смутить. Стали черти промежь себя думать, чтобы такое ему сдѣлать: думали-думали, и вотъ какъ ухитрились. Оборотился одинъ нечистой странникомъ и пошелъ мимо кельи труженника, а другой ему на встрѣчу, навалъ на него словно разбойникъ и давай душить. Труженникъ услышалъ шумъ и крики, схватилъ топоръ и бросился на помощь; только глядь: пустился разбойникъ бѣжать отъ него въ сторону, а другой чортъ, что былъ странникомъ, лежитъ да охаетъ, едва духъ переводить. «Помоги, умоляетъ, доброй человекъ! возьми въ свою келью, пока съ силами соберуся. Совсѣмъ было задупилъ окавиной!» Взялъ его труженникъ въ свою келью; пожилъ нечистой день и два, и говорить старцу: «спасѣнное твое дѣло! много въ немъ благодати! Хочется и мнѣ потрудиться; оставляю жену и дѣтей и пойду къ тебѣ подь начало». Вотъ стали они вмѣстѣ трудиться, дни и ночи стоятъ на колынахъ и кладутъ поклоны. Еще старецъ иной разъ устанетъ и вздремнетъ, а новой труженникъ совсѣмъ не знаетъ устали. Прошло сколько-то времени, и стала нечистой говорить старцу: «не добро намъ вмѣстѣ трудиться; пожалуй, лишнее слово скажешь, или другъ дружку осудишь. Давай, перегордимъ келью пѣ-двое и станемъ жить всякой въ своей половинкѣ». Такъ и сдѣлали. Разъ какъ-то захотѣлось старьку посмотреть, что дѣлается у сосѣда; крѣпился онъ, крѣпился, и не выдержалъ. Вздвѣзъ на перегородку и просунулъ голову; смотреть: стоять на столѣ бутылки съ виномъ и разныя скоромныя вѣтвы, а за столомъ сидитъ чудная-чудная красавица. «А, такъ ты за мной подсматриваешь! сказалъ нечистой; схватилъ его за бороду и перетаскивалъ на свою сторону.» Выбирай теперь любое за свою провинность: хочешь—вина выпей, или мяса съешь; хочешь—блудъ сотвори. А не то, братъ, прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ;

у меня коротка расправа!» Какъ быть? думаетъ старецъ; что мнѣ сдѣлать? Если мяса съѣмъ—теперь постъ, будетъ большой грѣхъ; если блюдо сотворю—грѣшнѣе того будетъ; выпью лучше я вина. Выпилъ одинъ стаканъ, и самъ онъ знаетъ, отъ чего вдругъ повеселѣлъ; а чортъ ужъ другой ему подставляетъ. Выпилъ и другой, и третій, и забылъ про свое спасеніе: наѣлся скоромиаго и блюдо сотворилъ. «Пойдемъ теперь воровать! говорить нечистой. За-одно ужъ грѣшнѣе; семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!» Пошли ночью въ деревню, залѣзли въ кладовую, и ну забирать что подъ руку попало. Чортъ нарочно какъ застучитъ: такого грохоту надѣлалъ, что хозяйка проснувшись, тотчасъ схватила старика и посадила его въ тюрьму. А чортъ въ ту-жъ минуту невѣдомо куда пропалъ. На утро собрался народъ и присудилъ повѣсить вора: «втихъ старцевъ жалѣть нечего; они не Богу молятся, а только норовятъ въ клятъ забраться!» Привели вора на базарную площадь, встали на висѣлицу и накиннули петлю на шею; вдругъ откуда не взялся нечистой, сталъ къ нему подъ ноги и началъ его поддерживать. «Что, спрашиваетъ, небось испугался?»—Какъ не испугаться! говоритъ старецъ; смерть моя приходитъ. «А ну, посмотри: не увидишь ли наго?» — Вижу: обозъ идетъ. «А великъ?» — Да такъ великъ, что одинъ конецъ ужъ давно протяжалъ, а другаго еще и не видать! «Съ чѣмъ обозъ?» — Со старыми, дырвыми лаптями. «Это, братъ, тѣ самые лапти, что мы оттоптали въ трудахъ и хлопотахъ, чтобы какъ-нибудь тебя смутить. Не видишь ли еще чего?»—Вижу: болото огнемъ горитъ, а въ огнѣ бутлы кипятъ. «Тамъ и мы съ тобой будешь жить!» сказала дьяволъ и столкнулъ старца съ своихъ плечъ. Такъ и погибъ онъ на висѣлицѣ смертію грѣшника. —(Изъ собранія В. И. Даля.)

22. ПОВѢСТЬ О БРАЖНИКѢ.

Въ собраніи рукописей Царскаго, въ сборникѣ начала XVIII вѣка, находится между прочияхъ: «Слово рѣчемо о бражникѣ, како вниде еъ рай Божій» (начало: «Бѣ гѣкій челоувѣкъ бражникъ, пьющъ въ праздники Господня до обѣда, а за всякимъ ковшемъ Господа Бога прославляя») ¹⁾. Легенда эта живеть и въ устахъ народа. Одинъ рассказчикъ такъ передавалъ намъ прѣніе бражника съ апостоломъ Петромъ: пришелъ бражникъ къ райскимъ вратамъ, у которыхъ стоялъ съ ключами апостолъ Петръ. «Пусти меня въ рай!» — Нельзя, говоритъ апостолъ, ты пьяница. «Не стыдно-ль тебѣ говорить это? Ты самъ отрекался отъ Господа, а вотъ теперь по милости его держиши ключи отъ рая.» — См. также «Русскую Бесѣду» 1859 г., № 6.

24. ПОВѢСТЬ О ЦАРѢ АГГЕѢ И КАКО ПОСТРАДА ГОРДОСТІЮ.

Повѣсть о царѣ Аггеѣ встрѣчается въ рукописныхъ сборникахъ XVII и XVIII столѣтій. Она представляетъ весьма близкій вариантъ «Приклада о гордомъ цесарѣ Евнианѣ» (въ русскомъ переводѣ «Римскихъ Дѣяній») ²⁾. Въ народѣ повѣсть эта рассказывается въ такомъ видѣ:

¹⁾ Рукописи славян. и русс. И. Н. Царскаго, разобраны и описаны П. Строевымъ, стр. 552.

²⁾ Ibidem, стр. 496, 610. Пыпина: Очеркъ литерат. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, стр. 185, 196—7. Римскимъ образомъ и легенда о царевичѣ Евстаѣи (№ 23) носятъ на себѣ слѣды книжнаго происхожденія.

ГОРДЫЙ БОГАЧЪ.

Не вѣдаю гдѣ, жилъ-былъ себѣ пань, такой богатой, что карбованцы вѣрялъ коробами, золото четвериками, а къ вѣд-ныхъ деньгахъ и счету не зналъ. Сколько у него было крестьянъ, земля, лѣсовъ, покосовъ—ничего и говорить! все равно не пересчитаешь. Охохъ! да какая-жъ бѣда съ нимъ случилась! Изъ богача сдѣлался онъ бѣднѣ насъ грѣшныхъ: а за что? За то, что Бога позабылъ и работалъ одной нечистой слѣй. Бывало, добрые люди заутреню слушаютъ въ церкви Божіей, а у него музыка гудитъ, да въ присядку отжариваютъ. Въ церковь онъ никогда не ходилъ, и не вѣдалъ, зачѣмъ туда люди ходятъ. Да разъ какъ-то вздумалось ему посмотреть, что такое тамъ дѣется, и вотъ на праздникъ Господень пошелъ пань вибѣстѣ съ панею къ обѣднѣ. Всѣ православные Богу молятся, а они стоятъ себѣ, поглаживаютъ по сторонамъ да хохочутъ. Сталъ дяконъ читать: «богатые обнищаютъ и взазлканютъ...»—какъ бѣжить къ нему пань, вырвалъ изъ рукъ книгу и хватъ дякона по лямени: «какъ смѣешь ты, дурень, такія слова при мнѣ сказывать? Развѣ я могу обнищать и взазлканть? Ахъ ты, кутейникъ! погоди-жъ, я тебѣ покажу, какъ надо мною смѣяться! Если хоть разъ еще осмѣлишься выговорить такія рѣчи, то в такъ поподчую тебя на конюшняхъ, что до новыхъ вѣтниківъ не забудешь! Подай чернилицу». Дяконъ не живъ, не мертвъ со всѣхъ ногъ пустился доставать чернилицу и перо; а пошъ въ алтарѣ спрягалеся и тресетса бѣдненькой словно въ лихорадкѣ. Принесъ дяконъ чернилицу и перо. «Смотри, неучь! говорить пань, что замараю я, того никогда не читать ни при моей жизни, ни послѣ!» Вдругъ поднялася буря, молнія поминутно блещеть, громъ все сильтѣй и силь-

вѣе, а потомъ какъ ударить—Господи; твоя воля!— всё, кто только былъ въ церкви, такъ и повалились на полъ. Только панъ съ панкою стоятъ да хохочутъ. Прибѣжалъ староста: «бѣда! говорить, господской домъ горитъ!» Принялись тушить; да нѣтъ, съ Богомъ нельзя спорить. Все начисто сгорѣло, будто и не было панскаго двора. Ну, это богачу какъ плюнуть: явились новые хоромы еще лучше прежнихъ. Только съ того самаго времени, какъ станеть дьяконъ читать въ церкви и только доидеть до того мѣста, гдѣ написано, что богатые обнищаютъ и взалкаютъ, — всякой разъ, откуда что возьмется, загромить да и загромить на небѣ.

Вотъ захотѣлось пану ѣхать на охоту. Собрали народу — человекъ съ двѣсти будеть, да и собакъ столько-же. Съѣли на коней, затрубили въ рога и поскакали въ лѣсъ; травили тамъ и зайцевъ, и лисицъ, и волковъ, и медвѣдей, какъ вдругъ бѣжитъ олень да такой красивой, что не наглядѣлся-бъ на него! Панъ ударилъ въ слѣдъ за оленемъ: птицею летить на конѣ, а зѣбрь еще быстрѣе¹⁾. Вотъ близко, вотъ нагонять, не тутъ-то было! Уже и полдень прошелъ, уже и солнышко низко, вотъ и темнѣть стало — а онъ все гонится за красивымъ звѣремъ. Настала черная ночь, въ лѣсу коть глазъ выколи—ничего не видно! Тогда только остановилъ панъ своего коня. Что дѣлать? онъ затрубилъ въ рогъ, но откликнутся-ль его охотники? Прислушался — ничего не слышно, только боръ шумить. Затрубилъ въ другой и въ третій разъ, никто не отзывается; одинъ далекой лѣсъ повторять: тру-тру-тру! Бѣдетъ панъ дальше; уже слетается ему, что село близко, что кони ржутъ и собаки лаютъ; а все не видать жилья, только небо да земля, да сосны кудрявыя шумять верхушками. Уже

¹⁾ *Вариантъ:* Пустилъ панъ стрѣлу — мимо, пустилъ другую — не попалъ, пустилъ третью — и та не угодила. Поскакалъ онъ за звѣремъ, быстро несется на конѣ...

и конь присталъ, чуть-чуть ноги двигаетъ, а самъ онъ едва на конѣ сидитъ. Вдругъ блеснулъ огонёкъ. Панъ снова заигралъ въ трубу, чтобъ вышли къ нему на встрѣчу, коли есть тутъ люди. Чего хотѣлъ, то и сбѣжалось. Выскочили изъ-за деревьевъ человѣкъ двѣнадцать и встрѣтили его, только не по-пански: одинъ такъ хватилъ его по затылку, что панъ какъ снакъ повалился на землю. Очнулся — совсѣмъ голой, какъ мать породила! Хотѣлъ было повернуться — куда! руки веревкою скручены. Осмотрѣлся: вокругъ огни сдѣлать разбойники и съ ними атаманъ въ красномъ кафтанѣ. «Чтожь вы, сволочь, барина не прикроете!» закричалъ онъ на своихъ молодцовъ. Тотчасъ съ десятокъ хлопцовъ бросилось къ пану и давай подбивать его батогами. «Полю! снова заревѣлъ атаманъ; отведите его въ Волчью долину и привяжите тамъ къ дереву; намъ онъ больше не нуженъ, а волкамъ пригодится: лакомой будетъ кусокъ на завтракъ!» Подхватили пана за ноги, приволокли въ Волчью долину и плотно прикрутили веревкой къ соснѣ. Стоить панъ сутки, стоитъ и другіе — нѣтъ ночи терпѣть: внутри огнемъ палить, во рту пересохло, вотъ-вотъ душа съ тѣломъ разстанется. А онъ и не думаетъ покаяться; на ужѣ одно держитъ: какъ верочусь домой, сейчасъ-же соберу крестьянъ и пойду думить этихъ проклятыхъ лѣсовиковъ!

Недалеко отъ Волчей долины, на полянкѣ паслось стадо. Жарко стало въ полдень; вотъ наступилъ и погнали сюда своихъ овецъ и коровъ, чтобъ усѣться самими подъ сосною и плестъ въ холодку лаптя. Какъ-же они удивились! стоять у сосны голой человѣкъ, по рукамъ и по ногамъ связанный. «Ахъ, Грицько! говорить одинъ пастухъ; посмотри-ка: человѣкъ привязанъ въ чьемъ мать породила, и весь-то избитой, весь-то въ крови! Пойдемъ, отвяжемъ его; можетъ, еще живъ!» — Чтожь? отвяжемъ, говорятъ другой. Съ этими словами

они подошли къ соснѣ и распутали веревки. Панъ то молчалъ, а какъ сняли съ него веревки, сейчасъ закричалъ: «эй, ты молодецъ! сними-на свою сермягу да подай сюда. Хоть твой изрядъ и плохъ, а все лучше, чѣмъ голымъ быть. Да проводи меня въ барской домъ. Знайте, негодян, съ кѣмъ вы дѣло имѣете: я вашъ баринъ!» — Ого! видишь ли, Грицько, что это за птица! Нашъ баринъ!... Ха-ха-ха! Похожъ, нечего сказать, похожъ на барина: кафтанъ на тебѣ такой славной, весь расписанной! Нѣтъ, человѣче, Богъ тебя знаетъ, кто ты такой; и тебѣ скажу, что панъ нашъ въ высокихъ хоромахъ, въ золотой одѣжѣ. «Ахъ ты, ханское отродье! смѣешь ли ты грубить своему господину?... Вотъ я васъ! дайте до дому добраться.» Раскохлялся панъ, и ну тащить съ пастуха свитку (верхняя долгополая одежда). «Такъ вотъ оно что! сказала пастухъ; тебя съ привязи спустили, а ты и кусаться лѣзешь! Вотъ-же тебѣ, бродяга! вотъ тебѣ, разбойникъ!» и началъ отжаривать пана пугою (кнутомъ). Панъ отъ него, а пастухъ за нимъ: шлѣпъ да шлѣпъ, шлѣпъ да шлѣпъ. Какъ припустилъ панъ въ сторону, откуда ноги встались. Долго бѣжалъ онъ, пока изъ силъ ни выбился; выбился изъ силъ и растянулся на дорогѣ. На его счастье идуть старцы (нищие, странники). Сжалился одинъ старецъ, далъ ему свою свитку; панъ одѣлся и пошелъ вмѣстѣ съ ними, питаясь милостиной. Дорогою онъ рассказалъ обо всемъ, что ему приключилось; говорилъ, какъ отплатить своимъ обидчикамъ и какъ награждать старцевъ — за то, что его прикрыли и съ собой взяли. Старцы уже новыя торбы(мѣшки) стали готовить, чтобъ было куда положить панскіе гроши. Вотъ пришли въ село и прямо въ барскіе хоромы лѣзутъ. «Куда вы!» закричали на нихъ слуги. «Прочь! сказала панъ; развѣ не видите, ханы! что вашъ господинъ идетъ?» — Какой господинъ? Былъ у насъ панъ, да пропалъ! «Врѣте, ускеты! я — вашъ панъ!»

— Ну, братъ, погоди маленько! Панъ полѣзъ было драться, да куда! схватили его за руки и повели къ пани. Какъ услышала она, что такой срамной, обдерганной волочуга называется ей мужемъ, разгнѣвалась и приказала выстѣчь его плетьюми и зарыть живаго въ землю. Что ни дѣлалъ панъ, какъ ни отбивался, а скоронили его заживо. Въ церкви опять стали читать вымаранныя слова: «богатые обнищаютъ и вздакаютъ», и при чтеньи дьякона уже не было слышно громовыхъ ударовъ.

25. СМЕРТЬ ПРАВЕДНАГО И ГРѢШНАГО.

Та-же мысль, которая дала содержаніе настоящей легендѣ, выражена я во многихъ духовныхъ стихахъ (см. Чтенія Общ. Исторіи и Древн. Росс., годъ 3-й, № 9, стр. 183—5 208 и 211):

Ссылаетъ Господь Богъ святыхъ ангеловъ,
 Тихихъ ангеловъ, все милостивыхъ,
 По его по душеньку по Лазареву.
 Вынимали душеньку честно и хвадно,
 Честно и хвадно въ сахарны уста:
 Да приняли душу на поелу,
 Да вознесли же душу на небеса...
 Соелалъ Господь грозныхъ ангеловъ,
 Страшныхъ, грозныхъ, немилостивыхъ,
 По его по душу по богачёву;
 Вынули его душеньку не честно, не хвадно,
 Не честно, не хвадно, скрозь рѣберъ его.
 Да вознесли же дуну вельми высоко,
 Да свергнули душу во тьму глубоко,
 Въ тоё злую муку, въ геенскій огонь.

27. КУМОВА КРОВАТЬ. — 28. ГРѢХЪ И ПОКАЯНІЕ.

Подробности, встречаемыя въ этихъ двухъ легендахъ, нерѣдко соединяются въ одинъ разсказъ: грѣшникъ, уstraшенный тѣмъ огненнымъ ложемъ, которое ожидаетъ его по смерти и о которомъ упоминаетъ первая легенда, предается покаянію и подвергаетъ себя той трудной эпитиміи, о которой читаемъ во второй легендѣ. Таковы редакція польская и литовская на которыя сейчасъ будетъ указано; но прежде приведемъ бѣлорусской вариантъ:

Быу панъ и пани. Гэтый панъ вѣху дарогой и заблудзну у лѣсѣ. Заблудану у лѣсѣ и споткаусе (встрѣтился) съ чортотъ, и просе ягѣ, кабъ јонъ показау яму дарогу. Той чортъ сказау яму: «дай миѣ на писемѣ, што у дванадцать годоу одлася миѣ то, чаго дома не покидау.» Јонъ дау картачку (письмо, росписку). Приѣху панъ дамоу, ажъ ягѣ жонка родила сына. Ну, дыкъ той панъ узаяуся за талаву, што у дванадцать лѣтъ треба аддаць сына у пекла (адъ). Якъ пришло время, сынъ и каже: «я пайду у пекла, кабъ чортъ аддау миѣ тую картачку, што бацька дау яму.» Узая јонъ вады свяцонай и ксебшкы (книжку — здѣсь разумѣется: евангеліе), и приходзе до пекла, и зачау той вадоу свяцянцъ. Ажъ выходзе чортъ, пытаетца, хто тутъ такій? Јонъ каже: «я иду по тую картачку, што ты узаяу у бацьки.» Дыкъ яны и аддали яму сказали: идзи сабѣ! Јонъ идзе дамоу пиразъ (черезъ) лѣсѣ, ажъ у тымъ лѣсѣ стоиць хатка, а у тѣй хатцѣ разбойникъ. Пытаетца разбойникъ: «гдѣ ты быу?» Јонъ кажець яму: «у пеклѣ». Гэтый разбойникъ каже яму: «вернисе изноу у пекла, пытайсе тамъ, што миѣ будзе, што я цѣлый вѣкъ усѣ людзей рѣжу. Јонъ стау з' нимъ спиратца (спорить): «не пайду у пекла!» — Якъ ты не пайдзешъ? я усеть людзей бью, дыкъ

и тебе забью, каки не найдешь. Ну, юнъ пашоу у некла иапоу и пытаетца, што гзтому разбойнику будзе, што юнъ людзей рѣже? Черти сказали яму: «якъ юнъ людзей рѣже, такъ и ягѠ рѣзаць будуць». Юнъ вернуусе съ некла, идзе до той хатци и кажець разбойнику: «якъ ты людзей рѣзау, такъ и тебе рѣзаць будуць!» Дыкъ юнъ просе выснавадаць ягѠ. Той мальчикъ каже: «я не ксеидзъ (священникъ) тебе спавидаць». — Каки не будзешь спавидаць, а тебе зарѣжу! Ну, юнъ зачау спавидаць ягѠ. Разбойникъ каже, кабъ покуту (эшитимья, покаяніе) задау. Юнъ пашоу у лѣсъ з' нимъ, знашоу сухую яблыну и кажець: носи съ своей хатци воду у губѠ (во рту) на колѣняхъ и поливай яе, ажъ пови яна ми отжи-вещъ и будуць на ей яблыки; сколько ты душъ забну, столько тамъ будзе яблыковъ». Сказау и самъ повѣзу дамоу до своего бацьки. Бацька оддау ягѠ учитца; юнъ выучиуса и выесни-циуса на ксеидза (посвятился въ поны). Ёдзе юнъ дамоу са шкоды празъ той лѣсъ, идзѠ быу разбойникъ, и чуе — яблыки нахнуць; стау шукаць (искать), и нашоу тую яблыну, што показывау разбойнику за покуту поливаць, — ажъ подъ той яблыной ляжиць умершій разбойникъ. Юнъ узлу ягѠ, навѣзъ съ собой и сховау (схоронилъ) подъ церковой.

Г. Кулишъ влещъ малороссійскій варіантъ этой легенды въ сказаніе о странствованіи по тому свѣту (Записки о южной Руси, т. 1, стр. 309—111): Былъ гайдаманка, долго грабилъ онъ народъ, убивалъ старого и малаго, а послѣ одумался, пошелъ исповѣдаться; ни одинъ поплъ не рѣшился напожить на него очистительной эшитимья. «Дали почуѠвъ, що есть десь такой піпъ, що ще жалѣнькимъ батько продавъ ёго нечистому, за те, що помігъ у дорозі вѣртовати вѣза съ калюжи; такъ вінъ и въ пеклі вже бувъ... ИдѠ, ажъ той піпъ и ідѠ ёму назустрічь. Питаётца: чи ти бѣвъ у пеклі? — Бувъ. — А чи бачивъ же ти тамъ мою дѣшу? — Бачивъ. — Щожъ

вона гань робить? — Гадь руками зъ йми до йми носять, а чортї остями її поганяють». Сталь каяться гайдамана, тридцать дѣтъ трудился онъ — и выросла яблоня, на ней все серебряныя яблоня, а два золотыхъ. Прїѣхаль понѣ. «Ну, каже, трусей! Струснѣвъ гайдамана яблуню — усі серібіні яблунка обейпались, а двое золотихъ висѣть... — Оце-жь твої два грїхї висѣть, що ти отцѣ й мѣтерь убївѣ!» Такъ и умеръ гайдамана, непрощенный въ этихъ двухъ грѣхахъ, и мучится онъ на томъ свѣтѣ горше всѣхъ другихъ грѣшниковъ: «усіміъ бѣде колїсь пїльга, а єму не бѣде!»

Въ польскомъ народномъ разсказѣ о разбойникѣ Мадей (Повѣсти и преданія народовъ славян. племена, изд. И. Боричевскимъ, стр. 130—135) и въ литовскомъ о студентѣ, который ходилъ на небо и въ адъ (Litauische Märchen, Sprichworte, Rätsel und Lieder, gesammelt und übersetzt von August Schleicher, Weimar, 1857 г., стр. 75—79), покааніе грѣшника не остается неуслышаннымъ, и Господь прощаетъ ему все тяжкія преступленія. Разбойника ожидала на томъ свѣтѣ страшная постель: раскаленная рѣшетка, вся изъ иглъ, острыхъ ножей и бритвъ; снизу пылалъ неугасимый огонь, сверху канала горящая сѣра. Ужаснулся Мадей и обрекъ себя на трудное покааніе: воткнулъ въ землю свою убійственную палицу и преклонилъ колѣна, съ обѣтомъ — не сходить съ мѣста, пока не получитъ отъ Бога прошенія. Прошло много, много времени: изъ палицы выросла яблоня, разцвѣла и дала обильные плоды. Въ одинъ день проѣзжалъ мимо епископъ; Мадей узналъ въ немъ того самаго мальчика, который нѣкогда ходилъ въ адъ, и умолилъ его дать ему разрѣшеніе грѣховъ. Въ то время, какъ исповѣдывалъ онъ свои старые грѣхи, — яблоки одно за другимъ срывались съ дерева невидимомъ силою, превращались въ бѣлыхъ голубей и уносились на небо. «Осталось только одно яблоко: то была душа отца Мадеева, котораго онъ за-

мучилъ страшнымъ образомъ; но боялся признаться въ беззаконіи. Наконецъ Господь услышалъ исповѣдь сокрушеннаго сердца. Яблочко мгновенно превратилось въ вязаго голубя, который исчезъ въ слѣдъ за другимъ.» См. также *Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz*, ч. 2, стр. 176—8. Это преданіе о превращеніи душъ убитыхъ Мадеенъ въ голубей тѣсно связано съ древне-языческимъ представленіемъ души человѣческой въ образѣ птицы, о чемъ подробнѣе смотри въ статьѣ моей, помѣщенной въ приготовленномъ г. Калачовымъ 3-мъ томѣ Архива историко-юридич. свѣдѣній о Россіи ¹⁾).

29. ГОРЬКОЙ ПЬЯНИЦА.

Въ народныхъ стихахъ и легендахъ пьянству произносится строгое осужденіе, какъ такому пороку, который потемняетъ неловѣку разумъ и вызываетъ его на всевозможныя грѣхи и преступленія. Но свидѣтельству напечатанныхъ нами легендъ и дубочныхъ картинъ пьяницы пойдутъ въ муку вѣчную, и вмѣстѣ съ сатаной будутъ горѣть въ неугасимомъ огнѣ. «Некоторый человекъ пьяница (читаешь подъ однимъ дубочнымъ изображеніемъ) пропился на кружалѣ до нага и рече: не знаю что пропить! аще бы былъ купецъ, продалъ бы душу свою. И приде къ нему діаволъ во образѣ человѣческомъ, и рече ему: что, человѣче, думаешь?—А то я думаю: не знаю что съ себя пропить! аще бы купецъ—продалъ бы душу свою. И даде діаволъ ему денегъ. Пьяница сълъ и началъ пить, не помышляше о душѣ своей. И приближися вечеръ. Тогда

¹⁾ Въ Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности (СПб., 1832 г., изд. 2-е, стр. 299—343) народная легенда о кающемся разбойникѣ передѣлана г. Олянымъ въ повѣсть, но весьма неудачно.

рече діаволь: аще кто купитъ коня, подобаетъ ему взяти и узду. А вы, сторонніе люди!—свидѣтели: купилъ азъ у сего челоуѣка душу, то подобаетъ взяти мнѣ и тѣло. И нападе на людей страхъ велий. Діаволь же взялъ пианицу и потащилъ во адъ на мѹку вѣчную». ¹⁾ На онойцахъ черти возятъ на томъ свѣтѣ дрова и воду (см. № 27 «Кумова кровать»). Самая выдумка высиживать хлѣбное вино приписывается дьяволу. Въ сатирической «Повѣсти о многоумномъ Хмѣлю» встрѣчаемъ слѣдующее преданіе: «Въ древнее время былъ челоуѣкъ, имя ему Ной, праведенъ во всѣхъ челоуѣкахъ; люди же тогда жили въ великомъ согрѣшеніи. И восхотѣлъ Господь скверну челоуѣческигъ дѣлъ очистить и сотворитъ потопъ на землѣ. И послалъ къ нему, Ноеу Праведному, ангела своего, и повелѣлъ Ноеу сотворитъ ковчегъ. Ной же по ангелову благовѣстію создавалъ ковчегъ тринадцать мѣсяцевъ, а женѣ своей не сказывалъ, куда ходитъ и что дѣлаетъ... Дьяволь сказалъ женѣ Ноевой: жено! повѣдай мнѣ, куда ходитъ Ной, мужъ твой? Она же сказала ему: крѣпокъ мой мужъ, не говоритъ мнѣ своей тайны. Дьяволь же сказалъ ей: жено! послушай меня, есть трава по рѣкамъ, вѣется по деревьямъ; имя ей хмѣль. И ты ступай, нарви травы той цвѣту, упарь и уквась ее, и тѣмъ его напои, и онъ повѣдаетъ тебѣ все, куда ходитъ и что дѣлаетъ. И сошелъ Ной съ горы по обычаю, пиши ради, и сказалъ женѣ своей: жено! дай мнѣ квасу; отъ работы своей сильно хочу испить. Жена же, наливъ чашу, подала ему. Ной выпилъ и похвалилъ, и сказалъ: нѣтъ ли еще? Жена дала ему еще двѣ чаши. Испивши, Ной легъ опочить; а жена начала его ласковыми словами спрашивать: куда, господние мой, ходишь и что творишь? Ной и разсказалъ ей все... На утро пошелъ въ горы, и увидѣлъ ковчегъ свой разоренъ, и сталъ

¹⁾ См. легенду «Пустынникъ» (№ 24) и другую лубоч. картину «О пивнѣхъ сказанъ безъ притѣсу—отъ мастеровыхъ вдаласъ бѣсу».

плакать. И явился ему ангел Господень, и сказалъ ему: не велѣлъ я тебѣ повѣдать дѣла этого женѣ твоей; услышалъ про то дьяволъ и разорилъ твой ковчегъ» ¹⁾). Въ сборникѣ Боричевского (Народ. слав. рассказы, стр. 167—182) находимъ любопытный белорусской рассказъ такого содержания: жилъ былъ бѣдной мужикъ; взялъ онъ чуть-ли не послѣднюю краюшку хлѣба и поѣхалъ на пашню. Пока онъ работалъ, пришелъ чортъ и утащилъ краюшку. Захотѣлось мужику пообѣдать; авать—а хлѣба нѣту! «Чудное дѣло! сказалъ мужикъ; никого не видалъ, а краюшку кто-то унёсъ. А, на здоровье ему! авесь съ голода не умру.» Пришелъ чортъ въ село и разсказалъ обо всемъ наибольшему дьяволу. Не понравилось сатанѣ что мужикъ не только не ругнулъ вора, а еще сказалъ ему на здоровье! И послалъ онъ назадъ чорта: «ступай, заслужи мужикову краюшку!» Обернулся чортъ добрымъ человѣкомъ и пошелъ къ мужику въ работники: въ сухое лѣто засѣялъ ему цѣлое болото—у другихъ крестьянъ все солнцемъ сожгло, а у этого мужика уродился чудной хлѣбъ; въ шокрое, дождливое лѣто засѣялъ на отлогихъ горахъ—у другихъ все подмокло и пропало, а у этого мужика опять урожай на славу. Куда дѣвать хлѣбъ? Чортъ и принялся за работу: давай затирать да вискиживать горькуху, и таки умудрился! Послѣ отъ него всё переняли дѣлать горькуху, и пошла она, окаянная, гулять по бѣлому свѣту!

Подобный-же рассказъ о происхожденіи хлѣбнаго вина существуетъ и между татарами нижегородской губерніи, съ такимъ дополненіемъ: приготовляя вино, чортъ подмѣшалъ туда сначала лисей, потомъ волчьей, а наконецъ и свиной крови. Отъ того если человѣкъ немного выпьетъ—голосъ бываетъ у

¹⁾ Русск. Вѣстникъ 1856 г., № 13, стр. 21—23 (статья г. Буслаева). Сличъ съ легендою о Цовъ Праведномъ (№ 14). См. также Очеркъ литерат. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ, Пышина, стр. 204—5.

него гладенькой, слова масляныя, такъ лисой на тебя и смотришь; а много вышьеть — сдѣлается у него свирѣпой, волчій нравъ; а еще больше вышьеть — и какъ разъ очутится въ грязи, словно боровъ.

Кромѣ того, поселане наши отъ души вѣрятъ, что нечистой всегда подстерегаетъ пьянаго и готовъ затѣнить его въ болото или въ трущобу. Одному, наприимѣръ, мужику случилось позднимъ вечеромъ ворочаться домой съ веселой пирушки. На встрѣчу ему незнакомой. «Здоровъ будь!» — Заравствуй! Слово за слово — «зайдемъ ко мнѣ, говорятъ встрѣчной; обогрѣеши и выпьемъ по чаркѣ, по другой.» — Отчего не выпить! Пришли. Взаяся мужикъ за чарку, и только перекрестился — глядь! стоять по горло въ омутѣ, въ рукахъ колъ держитъ, а товарища какъ не бывало!

39. КРЕСТНОЙ ОТЕЦЪ.

Легенда эта распадается на двѣ части. Вторая ея половина, содержащая въ себѣ рассказъ о садовникѣ Иванѣ Шолудивомъ, есть не что иное, какъ вариантъ весьма распространенной въ народѣ сказки, героиней которой является Незнайка. Первая же половина носитъ чисто-легендарный характеръ, и составляетъ отдѣльное цѣлое. — Въ собраніи В. И. Даля находится апокрифическая

новость о сынѣ крестномъ, како господь крестилъ шладенца убогаго человека ¹⁾.

Бысть въ нѣкоторой странѣ, въ городѣ Антоурѣ: живише нѣкій убогій человекъ во всякомъ убожествѣ, а по времени

¹⁾ Очевидно выписана изъ какого-нибудь рукописнаго сборника; но къ сожалѣнію свидѣній объ этой рукописи не сообщено.

жена его роди сына... Рече жена мужу своему: «иоди позвои воспріемника, кто-бъ крестилъ чадо наше». Онъ же поиде звати кума по всему граду своему, и никто-же къ нему не идеть; скудости ради гнушаются. Онъ-же поиде въ домъ свой горько плакася, и встрѣте его нѣкоторый мужъ лицемъ свѣтлымъ и во свѣтлыхъ ризахъ, и виде убогаго плачуща и спросиша его: «чадо! что зло плачуши? повѣждь ми; азъ печаль твою излѣчу и на радость приложу». Той-же рече ему: «какѣ мнѣ не плакати! родися у меня сынъ, не изыщу къ себѣ—кто-бъ былъ воспріемникомъ и крестилъ его; никто не иде, и скудости моеи ради гнушаются мною». Той-же пресвѣтлымъ мужъ рече ему: «граде, чадо, въ церковь и вели священнику мало ждаты; азъ воспріемникомъ граду и окрешу твоего дѣтища». Убогий же поклонися ему до земли... Прииде тотъ свѣтлымъ мужъ нарѣченный кумъ, рече іерею: «отче святый! азъ хочу воспріемникомъ быть и окрестить сего младенца». Пріемъ отъ іерея благословеніе, и окрестиша младенца и даша священнику за крещеніе 4 златяницы... Младенецъ той возроста и трехъ лѣтъ вопросиша родителя своего: «есть ли у меня отецъ крестный?» Мать его рече ему: «чадо! отецъ твой тако безуменъ: сотвориля твое крещеніе, а отца твоего крестнаго въ домъ къ себѣ не позваля и о имени его не повѣдаля; и ны ово по сіе время не имамъ знати». Младенецъ-же, слышавъ то, зѣло бысть печаленъ. И прииде праздникъ Воскресеніе Господа нашего; той младенецъ прииде въ церковь и ста въ такоу мѣстѣ, видѣ-же Спасителевъ образъ; зрять на Господа нашего Іисуса Христа, моляся со слезами, и во умѣ своемъ помыслиша: «даждь ми, Господи! видѣти отца моего крестнаго; не съ кѣмъ мнѣ похристосоватися». Отидѣи утрею, и прииде ко младенцу мужъ зѣло великъ и украшенъ лицемъ, аки солнце сіающе, и надъ нимъ много свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во святыхъ ризахъ; и рече тотъ свѣтлымъ мужъ младенцу:

«сыне мой крестный, Христосъ воскрес!» И поцѣловалъ младенца и даша ему два яйца. Младенецъ-же отвѣща: «воистинно воскрес!» Тако-жь мужъ вопроша младенца: «знаеши ли ты отца твоего крестнаго?» Младенецъ рече ему: «отъ рожденія своего не имамъ знати отца своего крестнаго». Рече ему свѣтлый нарядный мужъ: «азъ есмь отецъ твой крестный»... Младенецъ-же прииде въ домъ свой и нача съ родителями своими христосоватися, даде имъ по яйцу; и они на тѣ два яйца смотря зѣло удивляхуся и между собою глаголаху: «таковыхъ яицъ во свѣтѣ нѣтъ». И вопроша дѣтища своего: «кто ихъ тебѣ даде?» Онъ-же рече: «отецъ мой крестный даде мнѣ». — Какъ тебѣ отца крестнаго знати?... Младенецъ рече имъ съ клятвою: «воистинно даде мнѣ отецъ мой крестный». Егда младенецъ поиде къ литургіи и ввиде въ церковь, и ста въ томъ-же мѣстѣ, зря на Спасителевъ образъ, со слезами и со всякимъ умилениемъ моляшеся, глаголаше: «Господи царю, творецъ мой! даждь ми видѣти дождь отца моего крестнаго». Отишли литургію Божию, и виде младенецъ: церковное небо расторглось и много грядущихъ свѣтлыхъ и пресвѣтлыхъ юношей во златыхъ ризахъ... И предстоящему народу никому невидимо взяша его на высоту и вознесоша даже до... девятого неба. И младенецъ ужасохся, и шестокрылати юноши рекоша ему: «чело! не убойся, не опалитъ тя пламениемъ; мы слуги отца твоего крестнаго». И введоша его въ палату, и узрѣ младенецъ, яко палата украшена, въ ней-же бесѣдующе ангели и архангели, поюще пѣснь, пресвятую Троицу славяще. И введоша его во другую палату, и видѣ младенецъ, яко палата украшена лѣнотою паче первая, въ ней-же сѣдѣше пророцы и младенцы, хвалу Богу воздая. И введоша въ третью палату, и та палата украшена паче всѣхъ седмерицею и солѣано въ ней дѣвѣнадцать престоловъ, украшены серебромъ и златомъ, и драгимъ каменіемъ и жемчугомъ, и посредѣ ея въ престолѣ превыше

встѣ, предѣвънъ багряною червленною ризою, и передъ нимъ стояще херувимы и серафимы и множество ангеловъ, не преставно славнща Господа и Спаса нашего Исуса Христа; и видѣ на томъ престолѣ сидяща Господа нашего Исуса Христа; на немъ порфира царская, въ рукѣ держить скипетръ, судить дѣла человѣческія. Возста Господь съ престола своего и рече: «поди, сыне мой крестный! то есть домъ мой, еже ты желаешь видѣти; азъ здѣ пребываю». И взя его за руку и посадилъ его на престолѣ; а самъ изволялъ изыти въ иную палату. Младенецъ-же оѣбѣйся во порфиру царскую, и возложи на себя вѣнецъ, и вземъ въ руцѣ скипетръ; и нача ему ангели и архангели служити. И видѣ младенецъ все: кто на землѣ творить добрыя дѣла и худыя, и рай и мѹку, и кто за какія дѣла мучится, и нача судить дѣла человѣческія:

1-й судъ.

Видѣ младенецъ на землѣ: нѣкоторые разбойники и грабители подкопали подъ церковъ, хотяше святую церковъ ограбити, и рече: повели, Господи, церкви обрушиться и подавить грабителей. И того часу церковъ подавила ихъ безъ покаянія.

2-й судъ.

Той-же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ морѣ плыша разбойницы, хотяше нѣкоторую обитель разбити, и рече: повели, Господи, разбойниковъ потопить, да не погубить святую обитель. Тогда-же корабль погрузишася въ море, и грабители безъ покаянія потонуша.

3-й судъ.

Той-же младенецъ видѣ на землѣ: у нѣ котораго купца, богатаго чловѣка, во хранинѣ жена его отъ мужа своего твораше блудъ съ прелюбодѣями, и рече: повели, Господи, сей хранинѣ

обрушится и подавит прелюбоубею. И того часа повалилась хранина, и съ пиии много неповинныхъ безъ покаянія подала.

4 й судъ.

Той-же младенецъ видѣ на землѣ: въ нѣкоторомъ градѣ люди творять много блуда и неправды безъ покаянія, и рече: пове-ли, Господи, за беззаконіе ихъ сему граду провалитися сквозь землю. И того часа бысть такъ: погибша множество непо-винныхъ безъ покаянія.

Господь же умилосердися надъ народомъ, не хота созда-нія своего безъ покаянія погубити, и виждоша во свя-тую палату, и видѣ сына своего крестнаго сѣдѣща на пре-стола: въ руцѣхъ держитъ скипетръ, на немъ порфира царская, судити дѣла человѣческія. Господь рече ему: «сыне крестный! немилостиво судиши. Посидѣлъ ты на моемъ пре-стола четверть часа, и погубилъ ты безъ покаянія народу на землѣ трии мы тысячъ человекъ; аще-бъ ты еще тако-же вре-мя посидѣлъ на моемъ мѣстѣ, и ты бы всего народу не оста-вилъ; всѣхъ бы погубилъ до конца безъ покаянія. Азъ, Гос-подь, творецъ всѣмъ человекомъ, ... не хошу смерти грѣшника и ожидаю покаянія...» И възиде Господь на престолъ свой, и приеъмъ отъ крестна сына порфиру царскую и вѣнецъ и возло-жи на себя, и приеъмъ въ руцѣ скипетръ, и сѣде на престолѣ своемъ, и пача судити дѣла человѣческія. И поведеъ двумъ ан-геломъ сына своего крестнаго снести съ высоты небесныя... Тогда ангели его прииаша и понесоша въ домъ родителя его. Родители-же вопроша его: «гдѣ толикое время былъ еси послѣ обѣдани?» Онъ повѣдаше: «азъ былъ въ домѣ отца моего крест-наго». Они-же не поняша ему вѣры: «чадо! неправду глаго-лешь; како тебѣ быти у отца твоего крестнаго! и мы его не знаемъ; ты же како знаеши домъ его?» И рече имъ съ клят-вою: «воистинно я былъ у него!»

Легенда оканчивается так: мальчик ради душевного спасения покидает родительский домъ, удаляется въ непроходимые лѣса, и затворившись въ пещерѣ, день и ночь трудится Богу. По блаженной кончинѣ, моги труженника были прославлены даромъ исцѣленія больныхъ, недужныхъ и скорбныхъ.

Народная нѣмецкая сказка: «Der Schneider im Himmel» вытекаетъ близкую связь съ этою апокрифическою повѣстью. Портной приходитъ къ дверямъ рая и упрасиваетъ апостола Петра впустить его за небо. Сначала тотъ не соглашается; но послѣ — тронутый чувствомъ состраданія — отворяетъ для него райскія врата: портной долженъ тихо и смиренно усесться въ уголку за дверями, такъ чтобы Господь не замѣтилъ его присутствія и не разгнѣвался. «Der Schneider gehorchte, als aber der heilige Petrus einmal zur Thüre hinaus trat, stand er auf, gieng voll Neugierde in allen Winkeln des Himmels herum und besah sich die Gelegenheit. Endlich kam er zu einem Platz, da standen viele schöne und köstliche Stühle und in der Mitte ein ganz goldener Sessel der mit glänzenden Edelsteinen besetzt war: er war auch viel höher als die übrigen Stühle, und ein goldener Fuss-schemel stand davor. Es war aber der Sessel, auf welchem der Herr sass, wenn er daheim war, und von welchem er alles sehen konnte, was auf Erden geschah.» Портной сѣлъ на золотое кресло, взглянулъ на землю «und bemerkte eine alte hässliche Frau, die an einem Bach stand und wusch, und zwei Schleier heimlich bei Seite that. Der Schneider erzürnte sich bei diesem Anblicke so sehr, dass er den goldenen Fuss-schemel ergriff und durch den Himmel auf die Erde hinab nach der alten Diebin warf... O du Schaik, sprach der Herr, wollt ich richten wie du richtest, wie meinst du dass es dir schon längst ergangen wäre? ich hätte schon lange keine Stühle, Bänke, Sessel, ja keine Ofengabel mehr hier gehabt, sondern alles nach den Sündern hinabge-

worfen. Fortan kannst du nicht mehr im Himmel bleiben, sondern musst wieder hinaus vor das Thor: da sieh zu wo du hinkommst. Hier soll niemand strafen, denn ich allein, der Herr.» (Kinder- und Hausmärchen братьевъ Гриммовъ, ч. 1, № 35.)

Есть также легенда о крестницѣ Пресвятой Дѣвы. въ прекрасномъ сборникѣ норвежскихъ сказокъ (Norwegische Volksmärchen, gesammelt von P. Albjørnsen und Jörgen Moe, ч. 1, № 8) находимъ одну нодъ заглавиемъ «Die Jungfrau Maria als Gevatterinn». У одного бѣднаго человека родилась дочь; долго искалъ и просилъ онъ, чтобы взялся кто-нибудь окрестить его ребенка; всѣ знали, что онъ бѣденъ, и никто не соглашался. Тогда предстала ему прекрасная жена, въ великолѣпномъ одѣяніи, и сама пожелала быть у него кумою. Она окрестила дѣвочку и взяла ее съ собою. Прошло много годовъ; дѣвочка выросла и поумнѣла. Однажды крестная мать собралась въ путь. «Ты можешь, сказала она крестницѣ, ходить по всему дому: не входи только въ эти три комнаты.» Любопытная дѣвушка нарушила приказаніе, и заглянула въ одну запретную комнату, но едва отворила она дверь, какъ вдругъ улетѣла оттуда къверху. Воротаясь домой, крестная мать хотѣла прогнать виновную, но дѣвушка такъ горько плакала и такъ упрашивала, что она смягчилась и простила ее. Но и послѣ того не выдержала крестница испытаній, и заглянувъ во вторую запретную комнату, видѣла, какъ улетѣлъ оттуда мѣсяцъ: и на этотъ разъ ей удалось вымолить себѣ прощенье. Наконецъ рѣшилась она отворить дверь и въ третью комнату, и только отворила, какъ улетѣло оттуда солнце. Тогда крестная сказала ей: «выбери какое хочешь наказаніе или будешь ты нѣмою, но за то красивѣе всѣхъ женщинъ, или сохранишь даръ слова, но сдѣлаешься самою безобразною». Дѣвушка выбрала первое. Нѣмая — она должна была покинуть свой счастливый вѣрютъ и искать себѣ другаго пристанища. Долго шла она тамъ

нынѣ лѣсомъ, и когда настала ночь—вѣзла на дерево, возлѣ котораго протекалъ источникъ; сѣла на его вѣтви и крѣпко заснула. На другое утро рано пришла за водой служанка изъ королевскаго замка, и только хотѣла почерпнуть—глазашъ ей представился прекрасный образъ дѣвушки, отражавшійся въ чистомъ зеркалѣ источника. Это вѣ подумала она, бросила ведро, воротилась домой и сказала: «я слишкомъ короша, чтобъ таскать воду!» Пошла другая служанка, и съ нею случилось тоже. Пошелъ слѣзъ королевичъ, желая узвать—въ чемъ дѣло. Онъ увидѣлъ красавицу, взялъ ее во дворецъ и сдѣлалъ своею женою. Когда родилось у нихъ первое дитя, въ то время невидимо нянчалась ей крѣстная: разрѣзала ребенку палець, выгнала за родильницѣю кровью ротъ и руки, а самаго ребенка взяла съ собою. Старая королева стала говорить своему сыну: «жена твоя вѣдьма! ты видишь—она пожрала свое собственное дитя», и настаивала, чтобъ ее немедленно предать сожженію. Но принцъ такъ сильно любилъ свою подругу, что не въ силахъ былъ разстаться съ нею, и потому простилъ ее. Тоже самое случилось и со вторымъ его ребенкомъ, и съ третьимъ. Что могла сдѣлать несчастная, обвиняемая въ смерти своихъ дѣтей? Она была нѣма, и ни одного слова не могла вымолвить въ свое оправданіе. Королевичъ приговорилъ наконецъ свою жену къ страшной казни сожженія, и вотъ повели ее на костеръ... Въ ту самую минуту явилась ей крѣстная мать. «Я—Дѣва Марія, сказала она; и какъ тебѣ было тяжело лишаться своихъ дѣтей, такъ мнѣ было тяжело твое непослушаніе, когда ты выпустила звѣзду, мѣсяцъ и солнце. Но теперь ты ужъ довольно наказана!» Тутъ возвратила она своей крестницѣ и даръ слова и тронхъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ все они жили въ радости и счастіи.

Подобныя-же рассказы встрѣчаются и у другихъ народовъ: см. *Volkshieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz*, ч. 2, стр. 179 — 181. Между валахскими сказками (*Walachi-*

sche Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott, № 2) есть одна слѣдующаго содержанія:

Жилъ бѣдной дровосѣкъ. Съ горя и нищеты думалъ онъ уже повѣситься на деревѣ, какъ явился чортъ. «Что ты хочешь дѣлать?» спросилъ нечистой. — Хочу повѣситься, отвѣчалъ бѣднякъ; а не въ силахъ болѣе таскать дрова. Чортъ обѣщалъ ему доставить много золота и серебра, если онъ обѣщаетъ уступить ему то, чтѣ первое встрѣтитъ его вечеромъ при возвращеніи домой. Дровосѣкъ согласился. Когда подходилъ онъ къ своей избѣ, на встрѣчу къ нему выбѣжала дѣвочка, его единственное дитя, и съ радостью сказала: «скорѣй, отецъ! посмотри, чте за чудо сотворилъ Господь съ нами: подстилка, посланная для козъ, и клочки пряжи, брошенные на-земь, — все превратилось въ чистое золото». На другой день поутру повелъ дровосѣкъ свою дочь на то самое мѣсто, гдѣ являлся ему чортъ; тамъ приказалъ ей дожидаться своего прихода и оставилъ ее одну. Дѣвочка съла на травѣ и прождала до вечера. Болань овладѣла ею, и она готова была заплакать; въ то время явилась святая Дѣва Марія и спросила: кого она ждетъ? Потомъ прибавила: «о мое дитя! твой отецъ не воротится, онъ за богатство уступилъ тебя дьяволу, который возьметъ тебя и унесетъ съ собою». Горько заплакалъ въ ужасѣ бѣдной ребенокъ. «Смотри, дочь моя! сказала Богоматерь, утѣшая дѣвочку; а начерчу около тебя кругъ, за который ты не должна выходить. Когда я удаюсь, адъ пошлетъ за тебою своихъ слугъ, но будь мужественна — они тебѣ ничего не сдѣлаютъ.» Затѣмъ Св. Дѣва начертила кругъ и исчезла. Тогда приблизились безобразные демоны, но всѣ ихъ усилія были напрасны: они не могли переступить таинственнаго круга; когда снова явилась Св. Дѣва, они ни минуты не могли вынести ея сіянія и тотчасъ-же разсѣялись въ разныя стороны. Св. Дѣва, взяла дѣвочку за руку, привела въ чудесный садъ, среди котораго

стоялъ великолѣпный дощъ, и дала ей четыре ключа. «Дѣтки ключами, сказала она, ты можешь отворить всѣ двери и гулять по всѣмъ комнатамъ; только не входи, дитя мое! въ ту комнату, что отирается этимъ деревяннымъ ключемъ.» Но дѣвочка нарушила заповѣдь, отворила дверь въ запретную комнату и видѣла, какъ Богоматерь испѣляла раны своего божественнаго сына. Въ гнѣвъ зарекла Св. Дѣва: «да разверзается земля и да поглотитъ неблагодарную!» — Нѣтъ, сказалъ Спаситель, пусть она заплатитъ за это другимъ наказаніемъ. Св. Марія привела ее въ мрачную пещеру, строго запретила ей произносить хоть единое слово, и удалилась. Долго жила она въ этой пещерѣ. Случилось однажды — охотился вблизи королевичъ, зашелъ нечаянно въ пещеру и увидѣлъ дѣвчушку. На всѣ вопросы его, она не отвѣчала ни слова: не смотря на то, пораженный ея красотою, королевичъ женился на ней. Черезъ годъ она родила ему двухъ прелестныхъ золотыхъ мальчиковъ. Ночью, когда и мать и няня спали, пришла Св. Дѣва и унесла одного ребенка. Когда няня проснулась и увидѣла, что дѣтская постелька пуста, она сильно испугалась королевскаго гнѣва; поймала гуся, вызолотила его, посадила на постель, и донесла, что жена королевича — злая вѣдьма, что она родное свое дитя превратила въ гуся. Король сильно разгнѣвался на свою невестку и пришелъ къ ней въ комнату, чтобы разузнать все дѣло; но тщетно, онъ ничего не добился отъ несчастной матери, кромѣ слезъ. На слѣдующую ночь Пречистая Дѣва взяла и другаго ребенка; проснувшись, няня сдѣлала тоже, что и прежде. Тогда король созвалъ судъ, и приказалъ судить королеву. Рѣшено было замуровать ее живую въ каменную стѣну. Приговоръ былъ исполненъ. Уже положили послѣдній камень надъ ея головою, уже отчаяніе проникло въ ея измученную душу, — въ то время явилась Пречистая Дѣва, возвратила ей дѣтей, дала позволеніе говорить и надѣлала

пищею. Цѣлые три года пробыла королева въ каменной стѣнѣ; наконецъ принцъ не могъ долѣе противиться своей любви, разрушилъ стѣну и нашелъ свою жену и дѣтей. Съ тѣхъ поръ они жили мирно и счастливо.

Пользуясь собраніемъ В. И. Даля, приводимъ оттуда русской народной разсказъ, въ которомъ тоже содержаніе передается почти съ тѣми-же подробностями и обстановкою:

Жилъ-былъ мужикъ; до того обѣднѣлъ, что остался у него одинъ сундукъ, и тотъ порожній. Что теперь дѣлать? держать онъ въ умѣ; вѣсть нечего, купить нѣ на что! Кажись, родную-бъ дочь свою продалъ, да кому ее надобно? Только подумалъ, какъ вдругъ входитъ въ избу Пречистая Дѣва и говоритъ: «здравствуй, мужичекъ! продай мнѣ свою дочь». Что за диво! подумалъ мужикъ, еще ни слова не говорялъ, а ужъ ей вѣдомо! «Отчего не продать! сказалъ онъ; купи — твоя будетъ. — Взялъ мужикъ деньги и отдалъ дочь. Пресвятая Богородица привела ее въ высокіе хоромы, и говоритъ: «оставайся здѣсь и живи съ миромъ. Если соскучишься — вотъ тебѣ ключъ, отпори эту дверь и ступай гулять: тамъ тебѣ будетъ весело». Дѣвочка отворила дверь и вошла въ большой-большой садъ: какнхъ только цвѣтовъ и деревьевъ въ немъ ни было! Цѣлой мѣсяцъ пробыла здѣсь дѣвочка, и все не могла насмотрѣться, не могла нагуляться. Прошло много времени, и дала ей Пречистая Дѣва другой ключъ: «будетъ скучно — отпори эту дверь и полюбуйся на Божье созданіе». Отворила дѣвочка другую дверь, и увидѣла тамъ многое множество разныхъ птицъ, точно во всего свѣта склада собраны. Вѣкъ бы глядѣлъ на нихъ — не наглядѣлся, вѣкъ бы слушалъ ихъ сладкое пѣніе — не наслушался. Опять прошло много времени, и даетъ ей Пречистая Дѣва третій ключъ: «будетъ скучно — ступай въ эту дверь, полюбуйся на Божье созданіе». Отворила дѣвочка третью дверь, и увидѣла тамъ многое множество разныхъ звѣ-

рей: все зѣбри ласковые да красивые; стала она играть съ ними, и на ихъ скачки, на ихъ прыжки долго не могла налюбоваться. Послѣ отдала ей Пресвятая Богородица все ключи, и говорить: «позволяю тебѣ вездѣ ходить и все смотрѣть; только туда не ходи, гдѣ мѣдной замѣкъ на двери виситъ». Вотъ дѣвочка и стала про себя думать: «что это такое — вездѣ я хожу, на все я смотрю, а тамъ не была, гдѣ мѣдной замѣкъ виситъ? Дай хоть немножко загляну!» И только чуть открыла дверь, какъ ударило оттуда пламя, и она едва успѣла убѣжать въ сторону. «Гдѣ ты была, что видѣла?» стала спрашивать Пречистая Дѣва. — Я нигдѣ не была, ничего не видѣла, отвѣчала дѣвочка. «Если ты не признаешься, я сдѣлаю тебя и глухою, и вѣною.» — Я нигдѣ не была, ничего не видѣла, повторила дѣвочка. Пречистая Дѣва сдѣлала ее глухою и вѣною, и отвела въ густой и темной лѣсъ.

Долго ходила она по лѣсу, притомилась, приустила, и залѣзла въ дупло отдохнуть. На ту пору охотился тутъ царской сынъ; нахалъ онъ на дупло и увидѣлъ дѣвочку. Засмотрѣлся на ея красоту и сталъ спрашивать: кто она и какъ сюда попала. Сколько ни спрашивалъ, она ни слова ему не промолвила. Тогда царевичъ велѣлъ своимъ людямъ взять ее съ собою, и привезъ ее во дворецъ. Дѣвочка выросла и крѣпко полюбилась царевичу; затѣлъ онъ на ней жениться, сказалъ отцу и матери; они и говорятъ ему: «любезной сынъ! мы съ тебя воли не снимаемъ; а совѣтъ нашъ такой: что за охота брать за себя вѣную? женись-ка лучше на царевнѣ, или королевнѣ». Но царевичъ такъ неотступно упрасивалъ, что дѣлать нечего — и отецъ и мать согласились, и дали ему свое родительское на вѣки веруемое благословеніе. У царя не пиво варить, не вино курить; веселымъ пиркомъ да за свадебку, отпраздновали и стали жить въ радости. Ровно черезъ годъ родила молодая сына; но въ ту-же ночь, какъ скоро за-

снули всё крѣпкимъ спомъ, пришла Пречистая Дѣва, разбудила жену царевича, и сказала: «я разрѣшаю твой языкъ, признайся только, что видѣла ты въ горнищѣ, гдѣ виситъ мѣдной замѣкъ?» — Я ничего не видала. Тогда Пречистая Дѣва сдѣлала ее опять глухою и нѣмою, взяла ея ребенка и унесла съ собою. На утро спрашиваетъ царевичъ о сынѣ; мамы и няньки переполошились, искали-искали, думали-думали, и ничего не нашли, ничего не придумали. Царь съ царицею стали ему говорить, что жена его—злая вѣдьма, сама изгубила свое милое дѣтвище, и что слѣдуетъ казнить ее. Царевичъ началъ слѣзно упрашивать своихъ родителей, и они сжалялись на его слезы и простили невѣстку. Черезъ годъ родила она другаго сына; ночью явилась Пречистая Дѣва, и унесла съ собою и другаго ребенка. Еще черезъ годъ родился у царевича третій сынъ, и съ нимъ случилось тоже самое. Тогда царь сильно разгнѣвался и приказалъ казнить царевичеву жену жестокою казнію. Повели ее казнить; ужь все готово: и топоръ, и плаха! Въ то самое время явилась Пресвятая Богородица съ тремя хорошенькими мальчиками, и сказала: «признайся, что видѣла ты въ горящѣ, гдѣ висятъ мѣдной замѣкъ?» Тутъ только призналась царевичева жена, и Пресвятая Дѣва простила грѣшницу, разрѣшила ей языкъ и отдала дѣтей. Послѣ того царевичъ сталъ съ своею женою жить, да поживать, да добра наживать, а какъ умеръ его отецъ — онъ сдѣлался царемъ, и правилъ народомъ долго и благоуспѣшно.

31. КУЗНЕЦЪ И ЧОРТЬ.

Вариантъ этой легенды взнечатанъ въ Отечественныхъ Запискахъ 1840 года (см. «Шесть малороссійскихъ простона-

родныхъ балладъ» Л. Боровиковскаго — № 2, сѣтъ; стр. 50 — 51):

«Славный у старыхъ пановъ былъ Ирёмка-кузнецъ: бывало, сдѣластъ серпъ-ли, къ дверямъ рукоятку-ль, задвижку, крючокъ-ли, завѣски-ли къ скринѣ — ну такъ вѣдь прехитро украситъ рѣзьбой да насѣчкой, что, ей, заглядѣнье! Вотъ такъ бы сидѣлъ да глядѣлъ бы!... Ну, а кузница-то у Ирёмки: право, и ката другая не будетъ просторнѣй и краше... Подлѣ горнила, на самой на печкѣ, висѣлъ на холстѣ намалеванный чортъ, повѣшенный кверху ногами, ну да и списанный точно! Кто ни посмотритъ, узнастъ: чортъ да и чортъ тебѣ! чорный, съ рогами, съ предлиннымъ хвостомъ, съ бородою, съ баяткою денегъ въ когтяхъ и съ людскими грѣхами. Чорта Ирёмка повыпачкалъ грязью и дегтемъ, очи проклятыя выжегъ, всего искололъ, изцарапалъ. Если Ирёмка куётъ — ужъ онъ такъ норовитъ, чтобы къ чорту спиной повернуться... А если и глянетъ, бывало, на чорта, то вѣрно, чтобъ плюнуть на чортову харю.» Чортъ разозлился и рѣшился отомстить. Вотъ нанялся въ кузницу новой работникъ, цыганъ, и кабой работникъ! Десять противъ него не сработаютъ; Ирёмка только смотритъ да деньги считаетъ. Пріѣхалъ однажды къ Ирёмкѣ хромой атаманъ. Цыганъ предложилъ ему сковать ногу. Атаманъ согласился. «Цыганъ пригораздилъ къ жаровнѣ хромую ногу; ударилъ молотомъ, спрыснулъ водою, посыпалъ пескомъ. Атаманъ лѣшь вышелъ изъ рукъ кузнеца — да въ прысядку!... Съ этой поры къ кузнецу приносили не ломъ да желѣзо, а увѣче, недугъ да калѣчество.» Много перековалъ цыганъ: стариковъ и старухъ въ молодыхъ, калѣкъ въ здоровыхъ, безобразныхъ нъ красавцевъ. «Какъ-то работникъ-цыганъ отлучился; а баринъ Ирёмкинъ, дряхлой старикъ, приходитъ къ Ирёмкѣ съ приказомъ — перековать его въ молодца. Недолго думалъ кузнецъ: завязалъ его въ вѣшокъ, пол-

ложил угольковъ въ жаровню, и бросивъ въ горы, самъ принялся раздувать. Отчаянный крикъ и стоны господскіе скоро затихли. Вынулъ Ярёмка съ огня обгорѣлыя кости... Цыганъ пропалъ безъ вѣсти! Ужъ палачъ и Сибирь ожидаютъ Ярёмку.» Велѣлъ онъ позвать священника съ молитвою; вотъ священникъ прочиталъ молитву, сталъ кропить святою водою и прямо попалъ въ намалеваннаго чорта. Вдругъ откуда ни взялся — пришелъ цыганъ, вызвалъ Ярёмку и сказалъ: «что хочешь надо мной дѣлай, глумись и ругайся, только не кропи святой водою! Сейчасъ приведу твоего барина». Скоро явился баринъ молодець-молодцомъ! Ярёмку простили, а работниковъ его сгинулъ безъ вѣсти. Ярёмка съелъ чортовъ портретъ и швырнулъ въ огонь: съ той поры чортъ почернѣлъ еще хуже, и любимыи мѣстомъ его стали кузнечныя трубы.

Смотри также легенду «Пустыняникъ и дьяволъ» (№ 20, б).

Въ немецкой сказкѣ «Das junggeglühte Männlein» (Kinder- und Hausmärchen, ч. 2, № 147) совсѣмъ иначе обставлено преданіе о перековкѣ дряхлыхъ стариковъ въ юношей, полныхъ силъ и здоровья; здѣсь оно связывается со Христомъ и апостолами. Однажды шелъ Господь по землѣ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ. Дѣло было къ вечеру, и они попросились ночевать къ кузнецу. Случилось, что въ тоже время пришелъ туда за милостивой бѣдной нищей, совсѣмъ согнувшійся отъ старости и недостатка силъ. «Господи! сказалъ св. Петръ, даруй ему, чтобы онъ самъ могъ добывать свой хлѣбъ.» Господь приказалъ кузнецу развести огонь: «я желаю, говорилъ онъ, помолодить этого больного старика». Кузнецъ положилъ въ горнило горячихъ угольевъ, св. Петръ принялся за мѣха, и когда все было готово, взявъ Господь стараго нищаго, положилъ его въ горнило на самой жаръ и раскалил до-красна; послѣ того бросилъ его въ воду, далъ охладиться горячему тѣлу и благословилъ: и тотчасъ возсталъ нищей здоровымъ,

сильнымъ, молодымъ, какъ будто ему было только двадцать лѣтъ. На другой день тоже самое повторять кузнецъ съ полуслѣпюю, сгорбленною старухю, но его опытъ оказывается неудачнымъ.

Любопытно то пѣлбное и животворное свойство, какое въ этой легендѣ и во многихъ другихъ народныхъ сказкахъ, приписывается водѣ и огню: это повѣрье, по своему происхожденію, принадлежитъ глубокой доисторической старинѣ, когда обожались стихіи и когда знахарство (лѣченіе больныхъ) входило въ область религиозныхъ священнодѣяній. Съ принятіемъ христіанства многое изъ этихъ старинныхъ представлений—въ массѣ народа, по преимуществу живущей преданіемъ, было удержано, и сказалося въ ея поэтическихъ созданіяхъ, между тѣмъ какъ самая обстановка перѣдко заимствовалась изъ иного міра. Такъ было у всѣхъ народовъ, такъ было и у славянскихъ племенъ. (Слича съ легендами, помѣщенными въ этомъ сборникѣ подъ № № 4 и 5.)

Norwegische Volksmärchen (ч. 1, № 21) передаютъ сказаніе о кузнецѣ отчасти сходно съ вѣмецкою легендою, напечатанною братьями Гриммами, отчасти съ своеобразными дополненіями:

Кузнецъ заключилъ съ чортомъ договоръ, что ровно черезъ семь лѣтъ готовъ отдаться ему, если на все это время нечистой сдѣлаетъ его первымъ мастеромъ въ кузнечномъ искусствѣ. Однажды какъ-то Христось и св. Петръ, странствуя по землѣ, зашли къ этому кузнецу. У него была мать-старуха: съ сгорбленною спинною, съ сморщеннымъ лицомъ, она едва ноги передвигала отъ дрялости. Господь взялъ ее, положилъ въ горнило и началъ ковать — и старуха сдѣлалась молодою и красивою. Кузнецъ попробывалъ тоже сдѣлать, но ему вовсе не удалась хитрая работа. Раздраженный тѣмъ, что чортъ плохо ему помогастъ, онъ вздумалъ его проучить. «Прав-

ду ли говорить люди, спросил кузнецъ нечистаго, что ты можешь на столько умалать себя, на сколько захочешь?» — Правду. «А ну, полѣзай въ этотъ кошель!» — Изволь! сказалъ чортъ, сѣлся маленькимъ и влѣзъ въ кошель. Но едва онъ влѣзъ туда, какъ въ ту-же минуту кузнецъ затащилъ кошелекъ, завязалъ, положилъ въ горнило и давай поджаривать нечистаго. Чортъ кричать, молить пощады! Не тутъ-то было. «Я не могу тебя избавить, сказалъ кузнецъ; пословица говоритъ: куй желѣзо, пока горячо!» Бросилъ кошелекъ на наковальню и ну ударять по немъ большимъ молотомъ. Вдоволь натѣшился надъ чортомъ и выпустилъ его: чортъ выскочилъ и давай Богъ ноги! Прошло довольно времени; взялъ кузнецъ свой молотъ и пошелъ искать дороги въ адъ. Шелъ, шелъ, и добрался до перекрестка, гдѣ тропинка раздѣлялась на-двое: одинъ путь велъ на небо, другой въ пекло. Здѣсь повстрѣчался онъ съ портинымъ. «Доброй день! сказалъ кузнецъ; ты куда идешь?» — На небо; а ты куда? «Ну, братъ, мнѣ съ тобой не по дорогѣ: я иду въ пекло.» Распрощались и пошли каждой своею дорогю. Вотъ пришелъ кузнецъ къ адскимъ воротамъ. «Кто идетъ?» спрашиваетъ чортъ, поставленный на стражѣ. — Я тотъ самый кузнецъ, у котораго есть кошель и молотъ. Какъ услышалъ это дьяволъ, сейчасъ велѣлъ запереть двери на всѣ на девять замковъ. «Видно, здѣсь нѣтъ для меня квартиры, подумалъ кузнецъ; пойду въ рай.» Пустился въ дорогу, и достигъ райскихъ воротъ въ то самое время, какъ св. Петръ впускалъ на небо портиаго; но попалъ ли туда кузнецъ — неизвѣстно¹⁾.

Въ «Москвитиницѣ» 1843 года (№ 1, стр. 132 — 140) г. П. К. передалъ со словъ одного казака народную сказку:

¹⁾ О странствованіи портиаго на небо см. немецкую сказку въ *Kinder- und Hausmärchen*, № 35.

«Коваль Захарко». Чортъ позавидовалъ доброму и работающему ковалю и сталъ отзывать отъ него всѣхъ, кто только зналъ къ нему съ работою. Захарко съ горя продался чорту; но съ того времени былъ столь милостивъ къ бѣднымъ и столь набоженъ, что свыше дано ему было во власть два слова: *стань* и *сядь*. Когда наступилъ срокъ и явилась за нихъ нечистая сила, онъ одному чорту сказалъ: *стань!* а другому: *сядь!* и оба они не могли уже тронуться съ мѣста. Самого сатану посадилъ онъ въ кожаный кошель и разбилъ молотомъ на наковальи. (Сличь съ легендою: «Солдаты и Смерть» — № 16, с.)

32. ВОЛКЪ.

См. Народн. русскія сказки, выпускъ IV, стр. 44—47, 155—158, и легенду о бѣдной вдовѣ (№ 3).

Въ сказкѣ «О Георгіи Храбромъ и о волкѣ», записанной казакомъ Луганскимъ, волкъ обращается съ своими просьбами къ этому святому. Георгій Храбрый между простолюдинами почитается покровителемъ стадъ и начальникомъ волковъ, которыми раздааетъ приказанія: гдѣ и чѣмъ кормиться. Народныя поговорки говорятъ: «Св. Юрій коровъ запасаеть», «Егорій да Власъ всему богатству глазъ», «что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ». Существуетъ повѣрье, что волкъ ни одной твари не задавитъ безъ Божьяго дозволенія. Подъ Юрьевъ день, и осенью, и весною, въ курской губерніи ничего не работаютъ изъ шерсти, опасаясь, чтобы волки не поѣли за то овецъ¹⁾. Отъ одного поселаянина слышали мы такой рассказъ:

¹⁾ Зооморф. божества у славянъ, въ Отеч. Записк. 1852 г., № 3, ст. 17—18; Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа, стр. 93; Ма 1844 г., т. XIV.

Пасли два пастуха овечье стадо; захотѣлось одному водицы испить, и пошелъ онъ черезъ лѣсъ къ колодцу. Шелъ, шелъ, и увидѣлъ большой, вѣтвистый дубъ, а подъ нимъ вся трава примята и выбита. «Дай посмотрю, что тутъ дѣлается», сказалъ пастухъ и влѣзъ на самую верхушку дерева. Глядь — идетъ св. Георгій, а въ слѣдъ за нимъ бѣжитъ многое множество волковъ. Остановился Георгій у самаго дуба; началъ разсылать волковъ въ разныя стороны, и наказываетъ всякому, чѣмъ и гдѣ пропитаться. Всѣхъ разослалъ; собирается ужъ ѣхать: на ту пору тащется хромой волкъ и спрашиваетъ: «а мнѣ-то что-жь?» Егорій говоритъ: «а тебѣ вонъ на дубу сидить!» Волкъ день ждалъ, и два ждалъ, чтобы пастухъ слѣзъ съ дерева, такъ и не дождался; отошелъ подальше и схоронился за кустъ. Пастухъ оглядѣлся, спустился съ дуба — и бѣжать! а волкъ какъ выскочить изъ-за куста: схватилъ его и тутъ-же съѣлъ.

33. ПѢТУХЪ И ЖОРНОВКИ.

Сличн съ началомъ сказки: «Лиса-лѣкарка» (Народн. русск. сказки, выш. IV, № 7) и съ разсказомъ, помѣщеннымъ въ *Volklieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz* (ч. 2, стр. 175 — 6) о бѣднякѣ, у котораго было много дѣтей: выросъ дубъ до самаго неба; бѣдной мужикъ влѣзъ на верхушку и давай стучаться. «Посмотри, сказалъ Господь апостолу Петру, кто сюда стучится?» — Кто тамъ? спросилъ св. Петръ. — Я, бѣдной человекъ, у котораго много дѣтей. Апостолъ Петръ далъ ему два хлѣба. Въ другой разъ мужикъ выпросилъ себѣ булку; а въ третій разъ былъ прогнанъ палкою. — Чудесныя жорновки, которые даютъ своему хозяину сколько угодно блиновъ и пироговъ, напоминаютъ собой сказочную скатерть-

самобранку (Tuch deck dich). Норвежская сказка упоминает о такой-же мельнице:

Въ старое время было два брата: богатой и бѣдной. Наступалъ праздникъ Рождества Христова; у бѣднаго не было ни куска мяса, ни хлѣба въ дошѣ; онъ пошелъ къ брату и сталъ просить у него ради Христа. Богатой не очень обрадовался такому посѣщенію. «Сдѣлай то, что прикажу тебѣ, сказалъ онъ, и я тебѣ дамъ цѣлой окорокъ.» — Хорошо, отвѣчала бѣдной. Тогда богатой бросилъ ему окорокъ и сказалъ: «возьми и убрѣйся къ чорту!» — Я общагъ, долженъ и выполнить, подумалъ бѣднякъ, взялъ окорокъ и пошелъ въ адъ. Цѣлый день шелъ онъ, и наконецъ увидалъ старика съ длинною бѣлою бородою. «Здѣсь ли дорога въ адъ?» — «Здѣсь. Только послушай: когда ты прійдешь туда, всѣ черти и большіе я жалые стануть покупать у тебя окорокъ; но ты не отдавай его за деньги, а проси въ обмѣнъ старую ручную мельницу, что у дверей стоитъ.» Бѣдной послушался и получилъ мельницу. Веротясь домой, онъ поставилъ ее на столъ, и приказалъ молоть: все, что только онъ ей приказывалъ, сейчасъ-же давала чудесная мельница. Узналъ о томъ богатой, пришелъ торговать мельницу, и купилъ ее за 300 талеровъ. Принесъ домой, и говорить жень: «ступай въ поле убирать сѣно, а я обѣдъ приготовлю». Жена ушла, а мужъ поставилъ мельницу на столъ и приказываетъ, чтобъ молола селдь и молочной супъ. Начала мельница молоть селдь и молочной супъ: наполнила всѣ чашки, чугуны, кадки; ужъ и подставлятъ нечего, а она все мелеть. Какъ не останавливалъ ее богатой, какъ не трудилась — ничего не могъ сдѣлать; затопила она всю пазу, запрудила цѣлой дворъ и потекло молоко съ селдями въ открытое поле. Богатой бросился къ брату: возьми назадъ свою мельницу. Тотъ взялъ мельницу и еще въ придачу 300 талеровъ, и сталъ жить весело и счастливо. Заблалъ

къ нему однажды корабельщикъ и пожелалъ видѣть мельницу.
«Можетъ ли она молоть соль?»—Можетъ. «Продай ее мнѣ.»
—Куни. Сторговалъ за тысячу талеровъ, поставилъ ее на ко-
рабль, поѣхалъ въ море и заставлялъ молоть соль. Тотчасъ-же
посыпалась соль и наполнила цѣлое судно; сколько ни старалъ-
ся корабельщикъ — не могъ ее остановить: кучи соли росли
выше и выше, и наконецъ потопили корабль со всѣмъ, что на
немъ было. Тамъ, на днѣ моря, стоитъ чудная мельница и до
сего дня молетъ соль: отъ того-то и солона морская вода.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	V—XXXII
1. Чудесная молотѣба	3
2. Чудо на мельницѣ	5
3. Вѣдная вдова	—
4. Исцѣленіе	15
5. Ноль-завидушіе глаза	19
6. Превращеніе	23
7. Цѣло и хлѣбъ	25
8. Христовъ братенъ	30
9. Есирій Храбрый	32
10. Илья-пророкъ и Никола	39
11. Касьянъ и Никола	42
12. Золотое стремя	43
13. Цыглиця	47
14. О Ное Праведномъ	48
15. Соломонъ Премудрый	53
16. Создатель и Смерть	—
17. Видѣніе	71
18. Потанька	74
19. Поѣздка въ Іерусалимъ	75
20. Пустынникъ и дьяволъ	—
21. Пустынякъ	79
22. Повѣсть о бражничѣ	81
23. Царевичъ Евстафій	82
24. Повѣсть о царѣ Аггей и како пострада горлостію	84
25. Смерть праведнаго и грѣшнаго	87
26. Ангель	88
27. Кумова кровать	90

	Стран.
28. Грѣхъ и покаяніе.	94
29. Горькой пылашка.	97
30. Крестной отецъ.	99
31 Кузнецъ и чертъ.	104
32. Волкъ.	107
33. Пѣтухъ и жорновки.	109
Прижѣчаніа.	113
